

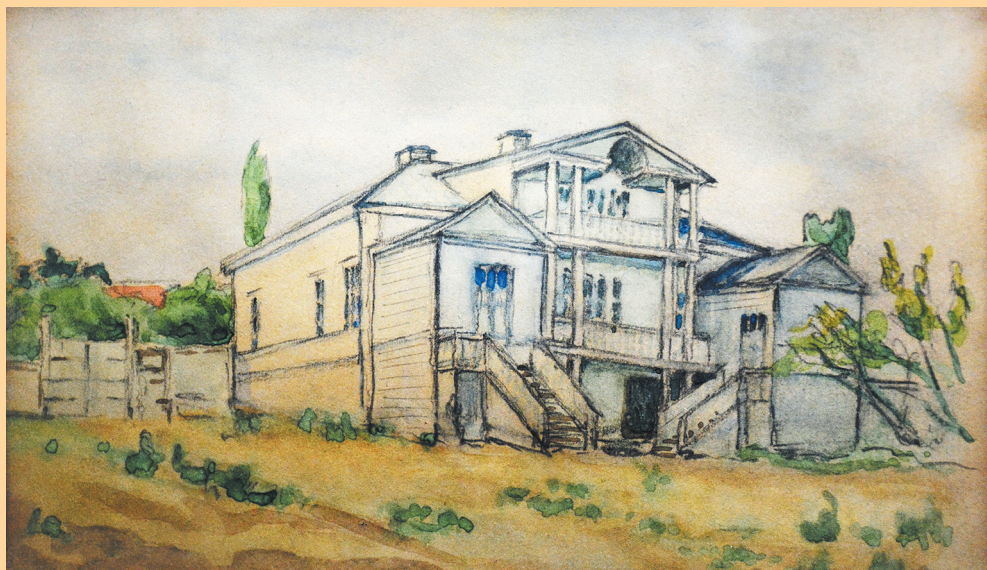

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 5-6 2016

Литературно-художественный журнал

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Л. А. Радищев. «Дом-музей Н. Г. Чернышевского»

И. И. Михеев.
«Чернышевский
за переводом истории»

XXI ВЕК

ВОЛГА

5-6 2018

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей

5-6
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД Николай ПОЛОТНЯНКО. Судьба поэта	3
ДИАЛОГИ Человек в поисках смысла в современной российской литературе.	13
ОТРАЖЕНИЯ Дмитрий ЕРМАКОВ. Снегирь	24
Я. УДИН. Хоть один человек	30
ПОЭТОГРАД Александр ЛАЙКОВ. ...Только Родины свет	59
ОТРАЖЕНИЯ Виктор БИРЮЛИН. Корова, сестра моя	66
ПОЭТОГРАД Иван ПЕЧАВИН. Село в степи	77
ОТРАЖЕНИЯ Нелли КРЕМЕНСКАЯ. Фантомы войны	82
СОВЕТ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ Александр ТИХОНОВ. Жажда чуда	96
Антон ШУШАРИН. Темнеет рано	102
ПОЭТОГРАД Натэлла ЛЕВИЦКА. Попутного ветра...	117
ОТРАЖЕНИЯ Наталья ЛЕВАНИНА. Буколики отменяются	119
В САДАХ ЛИЦЕЯ Наталья КУКУШКИНА. На перепутье всех дорог	135
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ Людмила ЛИПАТОВА. Стрижи	138
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ Ирина САБЕННИКОВА. Знай и люби	140
К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО Галина МУРЕНИНА. Саратов дал России Чернышевского...	153
Елена СТЕПАНОВА. Он был секретарём Н.Г. Чернышевского...	156
Светлана КЛИМЕНКО. «Четырнадцать Миней» в детском чтении Н.Г. Чернышевского	160
К 185-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЬГИ СОКРАТОВНЫ ЧЕРНЫШЕВСКОЙ Татьяна КОНКИНА. Разумный эгоист, или «Озарена тобою жизнь моя...» ..	165
ИНТЕРВЬЮ Юрий Шрадер: «Я слушаю своё сердце»	173
ГОД ТЕАТРА Людмила КАСЬЯНЕНКО, Юрий ЛОШАДКИН-ШРАДЕР. Соло для струны без оркестра	177
РЕЦЕНЗИИ Пётр ТКАЧЕНКО. «Печальных песен на земле я слышал больше, чем весёлых...»	186
Елизавета МАРТЫНОВА. «Мир доверчивый и безобманный...»	189

**Николай
ПОЛОТНЯНКО**

СУДЬБА ПОЭТА

***

Опять пришла весна в Поволжье.
Лес научился говорить.
И листья шепчут, что я должен
За это песней заплатить.

И пусть не так легко и щедро,
Как соловей или скворец,
Но стать на миг дыханьем ветра,
Коснуться радостью сердец.

Не много в жизни счастья, света,
Никто своих не знает дней,
Но есть призванье у поэта –
Очеловечивать людей.

ВЕДЬ ВСЁ ТАК ПРОСТО

Ведь всё так просто: лес и поле,
И нищета сорочьих гнёзд.
А вот поди ж ты, заневолит,
Заворожит почти до слёз.

В России утро или вечер?
Куда ведёт судьбы тропа?
Сквозняк задул в соборе свечи.
Молчат священные гроба.

-
- Николай Алексеевич Полотнянко родился в 1943 году в Алтайском крае. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1973 года живёт в Ульяновске. Автор романов: «Государев наместник», «Жертва сладости немецкой», «Бесстыжий остров», «Загон для отверженных», «Счастлив посмертно», «Клад Емельяна Пугачёва», «Атаман всея гулевой Руси», «Минувшего лепет и шелест», «Всё где-то решено»; комедии «Симбирский греховодник», а также поэтических сборников: «Братина», «Просёлок», «Круги земные», «Журавлиный оклик», «Русское зарево», «Бунт совести», «Судьба России» и других. С 2006 года – главный редактор журнала «Литературный Ульяновск». В 2008 году был награждён Всероссийской литературной премией имени И. А. Гончарова, в 2011 году – медалью имени Н. М. Карамзина, в 2014 году – орденом Достоевского 1-й степени. В 2016 году был удостоен поэтической премии имени Н. Н. Благова.

Причин для радости немного.
Но жив надеждой русский бог,
Хоть колесована дорога
В град Китеж вдоль и поперёк.

И я не прячу чувств под маской.
Насмешек жалких не страшусь,
Что до сих пор осталась сказкой
Про счастье будущая Русь.

И пусть всегда такую будет,
Чтоб было что любить, беречь.
Мечту народа не остудит
Ничья предательская речь.

Он знает сам, где был, где небыль,
Где жизнь, где вечный упокой.
Он головой упёрся в небо
И держит тяжкий свод земной.

НЕТ, Я НЕ ОДИНОК

Нет, я не одинок, когда со мною Гений.
И он всегда мне строго говорит,
Что суть всех поэтических творений
Сокрыта в правде, что сама горит.

И насыщает души человечьи
Сияньем истины небесной красоты.
И в каждом падшем зажигает свечи,
Чтоб он прозрел средь полной темноты.

Мы сами мрак творим и повсечасно
От лености ума и веры в давний бред,
Что в мире всё устроено прекрасно
И тьма вокруг не тьма, а чёрный свет.

И наша слепота дана нам как награда,
Чтоб обрести и счастье, и покой.
Про то, что выше тьмы, нам знать не надо,
И правда не нужна для жизни неживой.

Но для поэта царь – его суровый Гений.
И он не шепчет, а почти кричит,
Что суть всех поэтических творений
Сокрыта в правде, что сама горит.

Лишь от неё стыд вспыхивает жаром.
И совесть начинает душу жечь.
Поэзия должна пылать пожаром,
Чтобы от тьмы Россию убересть.

КАК ХОРОШО, ЧТО ЖИЗНЬ ПРОШЛА

Ещё один уходит день.
И ночь уйдёт. Слабеет тело.
Умом овладевает лень,
Но жить ничуть не надоело.

Как хорошо, что жизнь прошла
И всё пустое унесла,
Оставив лишь стихи и волю.
Подобна скошенному полю
Душа. В ней ни добра, ни зла.

Осталась только жажда слова –
Всем людям нужного, простого.
К нему уже две тыщи лет
Взывают падшие народы.

Но не рождён ещё поэт,
Что все пройдёт огни и воды
И вслух его произнесёт –
И мир оно перевернёт.

Но это Божеское Слово
Не для людских греховных уст.
Я плоти раб и не гожусь
В учителя или пророки.
Я праха горсточка в итоге.

Но для народа своего
В душе всегда имею слово.
Оно всегда взойти готово,
Хоть я не сеял ничего.
Был занят этим русский гений,
Соратник пушкинских прозрений,
А я лишь вымолвлю его.

ЕСТЬ У МЕНЯ МИНИАТЮРНЫЙ ТОМИК...

Есть у меня миниатюрный томик
Семи французских лириков.
Изящная вещица. Тонкий вкус
Присутствует во всём: и на обложке
Кувшинки разбросал сам Клод Моне,
И в переводах бережных... Во всём
Я вижу *школу классики*, которой
Уже давно мы все пренебрегли,
И ляпаем стихи, как штукатурку,
И потому всё сыплется вокруг:
И вкус, и разум наш, и совесть.

НОЧЬ

Низко склонились деревья
Над тёмной водой.
Жаркое солнце
В потёмках вечерних потухло.
Месяц взошёл
Вслед за первой звездой.
В дальней деревне
Собака пролаяла глухо.

Серым туманом растёкся
По лугу прибрежному сон,
Чтобы никто не спугнул
Тишину-недотрогу.
Царственно ночь заняла
Свой алмазами блещущий трон
И распростёрла над миром
Расшитую звёздами тогу.

Обрело всё живое под ней
И уют, и покой,
И спасенье от страха
Стать чьей-нибудь жертвой.
И поэта душа
Поднялась над уснувшей Землёй,
Чтоб с царицею тьмы
Пошептать о доле бессмертной.

Свою звёздную руку простёрла
Над ней государыня ночь,
Позволяя насытиться
Тьмой мироздания и светом
И придать
Безвоздушную лёгкость, и мощь,
И величие русским стихам,
Сотворённым безвестным поэтом.

Дабы от них огневými зарницами
Вспыхнула тьма
И на Землю просыпалась
Ярким дождём звездопада.
И взлетели стихи
На двух крыльях – души и ума,
И наполнили жизнь
Просветлённой гармонией лада.

БЕЛЕЕТ ПАРУС

Премного лет как знак Спасенья вещей
Белеет парус в море голубом.
И каждый день на острове пустом,
Его завидев, человек трепещет
От радости, что помнит Бог о нём,
Что вот оно – желанное спасенье...

Но надо плыть до лодки самому,
Одoleвая волн столпотворенье,
И страх, что цели не достичь ему,
Что море поглотит его во тьму,
Колеблет веру в Богочеловека.
Он то хулит его, то тянется к нему...

Мы все такие, Господи, от века.

ЦВЕТЫ ПОЛЕЙ

Цветы полей, красавцы и красавицы,
Обжившие глухие дальние места,
Вас некому сорвать, вам некому понравиться,
Скажите, для чего вам красота?

Вы не берёзы, что на ветер ропщут
И плещут нежной зеленью листвы,
И не трава, которую все топчут...
И всё же, для кого цветёте вы?

В своём цветении вы трепетно безмолвны,
И мне милы небесной чистотой,
Что омывает человечью душу, словно
Родник, водой наполненный живой.

Жаль, коротко у нас в России лето.
Снега и вьюги землю заметут.
Я тоже, как и вы, не ведаю ответа,
Зачем иль для чего все смертные живут.

В РОССИИ РЯДОМ И ЖАРА, И ХОЛОД

Февраль. Жилище продувает ветер,
И бродят сквозняки по этажу.
Хочу согреться и стихи о лете,
В оконце глядя на зиму, пишу.

В них солнце раскалённое пылает
Над морем, что прибоем бьётся в мол.
И девушки весёлые играют
Мячом упругим в пляжный волейбол.

Они зовут меня, но я не слышу:
Мне жарко, душно, заливает пот...
Но я пишу стихи и ясно вижу,
Как вдоль по улице метелица метёт.

И солнце занавешено снегами,
Сыпучими и жёсткими в мороз.
Печь горяча, и пахнет пирогами
В избе, где я в далёком детстве рос.

В России рядом и жара, и холод.
Я их всегда легко переносил.
Был счастлив тем, что и здоров, и молод,
И жадно жил, и время торопил.

Но всё идёт к концу на этом свете,
И, тенью побродив по этажу,
Хочу согреться и стихи о лете,
В оконце глядя на зиму, пишу.

МНОГО БЫЛО ВСЕГО

Много было всего, но порошами
Занесло мои дни и пути.
В отчий дом, одинокий и брошенный,
Мне уже никогда не прийти.

Где он был, там дорога проезжая.
Если еду по ней, то всегда
Вспоминается жизнь моя прежняя,
Промелькнувшие мимо года.

Не осталось ни дома, ни деревца
От вишнёвого сада за ним.
Пусто так, что уже и не верится,
Что когда-то я был молодым.

И смотрел я в глаза людям смело.
И встречал с ненаглядной зарю...
– Вот и жизнь моя вся пролетела, –
С тихой горечью я говорю.

И во мне, как в заброшенном доме,
Уж никто не раздует огня.
Только снится, как шорох в соломе,
Нежный смех, волновавший меня.

ПОЛЕ БОЖИЕ

Земля есть поле Божие, где Он
Возделывает род людской с любовью.
От допотопных и до сих времён
Его и жнёт, и засекает новью.

Неведома нам Господа страда,
Как и судьба людского урожая.
Уходят поколения навсегда
В минувшее, судьбы своей не зная.

Всё знает Бог. Он каждое прозрел
Созревшее зерно в своих сусеках.
И все они пойдут на передел –
Он перемелет души человеков.

Свою к ним всепрощения любовь
Он красотой божественной умножит.
Добром удобрит человечью новь.
И высее её на поле Божиим.

РУССКИЙ ЛЕС

О чём шумишь ты, русский лес,
Под евразийскими ветрами,
Касаясь кронами небес
И почву вглубь пронзив корнями?

Ты был для русских верх и низ
Вселенной, лиственной и хвойной.
И ты сберёг народу жизнь
Для сечи, памяти достойной.

Твоя дремучая судьба
Полна торжественных преданий.
Россия вышла из тебя
На Куликово поле брани.

Ты шумом яростным воспел
Бессмертный подвиг Пересвета.
К народу, что свой страх презрел,
Явилась грозная Победа.

За нею вышла на простор
Россия в блеске ратной славы.
Премного было войн с тех пор
В самостоянии державы.

И лес всегда был крепостной
Народа русского защитой.
Он и сейчас стоит стеной
Вокруг Москвы, как перед битвой.

ЧТО ТАМ ГОРИТ ОКНОМ?

Что там горит окном –
То ли закат, то ли дом?..
Иль догорает эпоха,
Забывшая Правду и Бога?

Чему я свидетель?..
Кому
Поведать о том, что вершится?
Быть может, уходит во тьму
Россия, чтоб в ней раствориться?..

Иль зреет в её глубине
Святая мечта возрожденья?..
Но что-то не слышатся мне
Толчки, колебанья, движенья.

Российский застыл материк.
Нет в жизни надежды и роста.
Тяжка революций короста,
В коросте и ум, и язык.

Так что там горит окном?
То ли закат, то ли дом?..
Иль догорает эпоха,
Забывшая Правду и Бога?

ПОЧУЯВ В ДУШЕ НЕПОГОДУ

По нраву мне ветер весёлый,
Хоть хмарна река и темна.
На плиты бетонного мола
С разбега взлетает волна.

Почуяв в душе непогоду,
Я Волгой спасаюсь давно.
Ступени уходят под воду
На скользкое топкое дно.

От берега крепкую сдачу
В упор получает волна.
Я верил когда-то в удачу,
Но где-то пропала она.

Схожу я по скользким ступеням
Всё ближе и ближе к воде.
В прибое, вскипающем, пенном,
Стою на последней черте.

Поэта судьба скоротечна.
Всё времени смоеет волна.
И только поэзия вечна,
Поскольку от правды она.

ЛУННЫЙ ПЕПЕЛ

Лунный пепел осыпал деревья,
Заблестал на воде полосой.
И печными дымами деревня
Закурила в ночи голубой.

На отаве студёные росы.
Веет зябкой прохладой с реки.
Осень, тихая русская осень,
Звёзды так далеки и близки.

Что мне делать с тревогой прощальной
И зовущим предчувствием крыл?
Словно кто-то, живой и печальный,
За собою меня поманил.

И душа ожидает рассвета,
Чтобы вымолвить тихо: «Прощай...»
Есть в страдальческой сути поэта
Дар – предчувствовать времени край.

Я припомню на нём всё былое:
Жизнь, что прожил, не так уж плоха.
Выпил я всё вино молодое
Под нетленное слово стиха.

Что случилось со мной, то случилось.
Мы не ведаем то, что творим.
Я про то, как жилось и любилось,
Без утайки поведал другим.

СУДЬБА ПОЭТА

Судьба поэта – быть судьёй себе.
Всегда, во всём, без усталости, всечасно
Судить свой труд безжалостно, пристрастно,
Перед тем, как отдавать его толпе.

От выстраданных строк не отступить ни разу.
Хранить как талисман волшебный жар души,
Чтоб не угасли человеческий разум
И правда Божия в пустых потёмках лжи.

Не ждать любви народной и надежды
На правый суд потомков не иметь.
Самим собою быть, не угождать невежде,
Равно ценить и похвалу, и плеть.

Знать цену слову и краюшке хлеба.
И, следуя всегда велению судьбы,
До края жизни, что стремится в небо,
Не отступить от пушкинской тропы.

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного поэта
Николая Алексеевича Полотнянко
с юбилеем!**

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СМЫСЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ СОВЕТА ПО КРИТИКЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

6 августа 2017 года в городе Борисоглебске Воронежской области в рамках VI Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» прошёл круглый стол «Человек в поисках смысла в современной российской литературе». Организатором круглого стола выступили МБУК БГО «Борисоглебская централизованная библиотечная система» и совет по критике Союза писателей России.

Три доклада, взаимно дополняющих друг друга, показывают ситуацию, которая сложилась сегодня в стране: извечный вопрос «зачем всё это?» из факультативного размышления интеллигента превратился в главную формулу, которая терзает ум и сердце всякого искреннего русского человека.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

НЕРАЗДЕЛИМЫЕ ПОНЯТИЯ

Пожалуй, главное отличие нынешней эпохи от советского времени вовсе не жестокость системы прошлой в сравнении с практикой сегодняшнего российского государства. И не уравнительное устройство экономики вчерашней на фоне феерической разницы в доходах простого человека и «жирного кота» теперь. В настоящее время мы очутились в некоей мировоззренческой котловине, в которую соскользнули с поверхности бытия. Раньше пусть и ошибочные цели, но владели нашими умами и сердцами, сейчас, кроме достижения достатка, не декларируются никакие иные цели. Разве что патриотизм озвучен в качестве национальной идеи, хотя, возможно, этот вектор развития необходим российскому истеблишменту для сохранения сложившейся

властной вертикали. Конституция РФ отрицает любую государственную идеологическую доктрину, и в результате всякий человек, живущий на территории России, самостоятельно определяется в собственном отношении к родной стране, своему роду, содержанию жизни, в которой он занимает определённое место.

В этом контексте стоит разделить смысловый вектор на две составляющие:

- смысл происходящего вокруг тебя;
- смысл происходящего с тобой.

Разумеется, такие смысловые линии взаимосвязаны. Однако литературное произведение, изображая названные позиции на едином холсте, в едином событийном и духовном пространстве, всё-таки отделяет человека от гущи жизни, в которую тот погружён. И потому в нашем круге чтения появляются произведения психологические, в чём-то экзистенциальные, главный герой которых мучительно ищет внутреннюю мотивацию своего существования здесь и сейчас. А также – сочинения в какой-то степени историософские, где реализуется попытка автора нащупать скрытый и далеко идущий смысл свершающихся событий. И в последние годы появились рассказы, повести и романы, в центре которых – самоидентификация русского человека как фигуры родовой и православной одновременно.

В больших повествованиях у выдающихся художников отдельные планы часто перетекают один в другой или присутствуют параллельно. Наиболее близкий пример – «Тихий Дон» М. А. Шолохова. Это роман поражения, художественный материал которого растворяет в себе личное и общее, эмоции, поведение персонажей и смерч, кажется, фатальных исторических катаклизмов. Перед нами эпос новых времён, где героика не так однозначна, как в древности, а душевная мука человека, утратившего постепенно почти всё, соединена с тектоническими потрясениями мироустройства.

В наши дни столь гениальный синтез большого и малого не встречается в литературном пространстве. Но постепенное приближение к подобному охвату современности, очевидно, происходит, и все составляющие огромного исторического целого шаг за шагом вновь осваиваются русской литературой. Причём художниками разных поколений.

Как наиболее выразительные, каждый в своём роде, назовём три произведения: большой роман Петра Краснова «Заполье», повесть Андрея Тимофеева «Навстречу» и повесть Михаила Тарковского «Полёт совы».

Главный герой «Заполья» – журналист Иван Базанов, взрослый, сложившийся человек, пытается найти положительное содержание в окружающей его реальности 1990-х годов. Он живёт в большом провинциальном городе, его профессиональный авторитет чрезвычайно весом, однако все движения души и ума Базанова словно попадают в некую «обманку» реальности. Пытаясь создать принципиальную газету, он сталкивается с двуличием учредителей, среди которых до поры неведомую, роковую роль играет человек по фамилии Мизгирь. Тот, кажется, участвовал в обороне Белого дома осенью 93-го, считая интеллектуально необходимым быть в месте свершения важнейшего современного события. Но по мере развития сюжета читатель и главный герой начинают понимать, что софист Мизгирь – просто терпеливый бес. Пришедший в русский мир разрушить доброе и светлое, он стремится насадить даже не злое и тёмное, но сумрачное, в котором не различимы никакие нравственные и моральные ориентиры.

Базанов чувствует, что жизнь проваливается в пустоту, что всякое разумное начинание неуловимо превращается в порок и тлен. Семья распадается, национально ориентированный покровитель внезапно умирает, детали

его кончины говорят о спланированном убийстве. Неожиданно выясняется, что у Ивана Базанова прогрессирует онкологическое заболевание. И в этих обстоятельствах, когда физическая и личностная активность героя угасает, он предаётся своим последним размышлениям. Они довольно пространны, однако в этом потоке рассуждений о земле, месте человека в жизни, о городе-мегаполисе, родной крови и чувстве рода, о возможном будущем дне, который наступит уже без Базанова, есть множество болевых точек. И уже они говорят нам о русском человеке, которого судьба поместила в государство-клетку, отняв при том любые указатели и духовные обозначения, позволяющие восстановить идущую из древности родовую нить и понять:

- кто ты?
- к чему ты призван?
- что будет завтра с твоими детьми?
- зачем тебе дана эта жизнь с её бедами и печалью?

«Заполье» – одна из самых серьёзных книг о переходе русского человека от сна к бодрствованию, от социального обморока – к пытливому поиску главного содержания – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Написанный как будто сбивчивым авторским слогом, роман являет собой ещё одно воплощение толстовского стремления сблизить литературное произведение с реальностью и одновременно отдалить живое, порой невыразимое – от стилистических изысков собственно искусства. Именно потому письменная речь здесь порой близка к шероховатой устной. И в том – примета достоверного послания уставшего сердца – душе молодой, которой это произведение понадобится на переломе от сегодняшнего дня к завтрашнему.

В повести Андрея Тимофеева «Навстречу» мы сталкиваемся именно с такой душой, которая ещё мало знает о самой себе, о любви, что совмещает в себе красоту, влечение, сострадание и ответственность, об инерции обыденной жизни, которую важно преодолеть, наполнив день целью и чувством победы и поражения, торжества и вины. Перед нами – молодой человек, самосознание которого пока ещё обитает в небольшом внутреннем космосе, но уже ощущает сквозящие холодом и мерцанием бездны за границами освоенного пространства. Сюжет повести – путь героя к осознанию собственной причастности к Богу. На фоне прозы, посвящённой сближению человека и Создателя, в повествовании Тимофеева совсем нет элемента назидательности и катехизаторского подтекста. Просто юное существо, остро переживающее своё душевное одиночество, вдруг с удивлением начинает понимать, что есть нечто большее, чем видимость предметов и явлений, и столь глубокое, что всякие житейские сентенции оказываются только плоскими словами, не проникающими в сердце и не влияющими на частоту его ударов. Приход метафизики в самочувствие юноши, для которого слово «Бог» прежде имело вполне умозрительный характер, – вот материя, с которой соприкасается автор. И тут важно не погрешить против искренности, ведь рассказ ведётся от первого лица.

Всё социальное у Тимофеева принципиально отодвинуто от главной линии сюжета. Сверхзадачей становится преобразование обычного человека, перемещение его внутреннего мира в православные координаты. Ещё нет церковного словаря, нет понимания того, что происходит в храме, но возникает и ширится ощущение собственной причастности к чему-то невыразимо огромному. Экзистенциальный кокон разрывается – и затаённый человеческий голос находит своего главного Слушателя. Так преодолевается одиночество, и многие узкие тропы становятся большой русской дорогой.

Повесть Михаила Тарковского «Полёт совы» отличается от произведений Петра Краснова и Андрея Тимофеева, в первую очередь, своей внутренней энергетикой. Если в «Заполье» социальный водоворот поглощает Базанова, а в повести «Навстречу» происходит ещё только кристаллизация личности героя, то в «Полёте совы» мы встречаемся с тридцатилетним учителем русского языка и литературы Сергеем Скурихиным, отчётливо сознающим многие пагубы, ныне идущие от лица государства: «Я никогда не предаю его перед иноземцами, но в душе не верю в него, как в их же детище». Приехав в сибирский посёлок из города, Скурихин сталкивается с суровым в своей житейской простоте укладом. Этот быт изначально склонен к самоорганизации и основан на вполне рациональных свойствах характера местных жителей. Но всегда существует что-то необъяснимое, заставляющее человека подняться над привычным и неожиданно раскрыться в щедрости, доброте, искренности. Свойства русского характера уже пытались описать в минувшие столетия. Но всякий раз, когда возникает роковая минута, русский человек являет свои новые черты, позволяющие ему ценой жестоких усилий спасти свой род и уберечь родную землю от завоевателей.

Перед читателем сходятся в разговоре современные подростки и учитель, местные жители, занятые обыденным трудом, и школьные педагоги, замороженные реформой отечественного образования. Ясные вещи, которые прежде ни у кого не вызвали вопросов, теперь перевёрнуты или расщеплены на смутные составляющие. Таковы проявления информационной войны, идущей на территории России. Уже само обращение молодого учителя к русской классической литературе и традиции, настойчивый диалог Скурихина с новым поколением характеризуют главного героя повести Тарковского как духовного воина. В нём сошлись православные устои и родовые качества русского человека, начитанность городского интеллигента и «рукастость» сибирского поселкового жителя. Но более всего драгоценна в нём жёсткая воля, которая объединяет все личностные качества в некий скрытый от внешнего зрения монолит. Сергей не только ищет смысл краткого человеческого пребывания на земле, но ещё и утверждает найденное в сознании всех, с кем ему приходится говорить по душам.

Три упомянутых произведения современных писателей, конечно, перекликаются и с другими книгами, которые появились в последние годы. Но есть некоторые черты, позволяющие в нашем контексте назвать именно эти имена и повествования. Во-первых, триада авторских поколений, во-вторых, географическая палитра (провинциальный городок – столица – Урал – сибирский посёлок), в-третьих, уровни и направления смыслового поиска, и, наконец, осмысление найденного как меча и орала – оружия в борьбе против захватчика – и плуга, которым разрыхляют и обустроивают отчую землю. Подобная художественная панорама, пусть и выборочно, характеризует движение русской души сквозь три десятилетия испытаний и даёт нам надежду на постепенное восстановление государства, для которого слова «человек» и «смысл» являются понятиями неразделимыми.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

КУЛЬТУРА ВЫСОКОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Здравствуйте, уважаемые коллеги! Благодарю организаторов за приглашение. Я впервые на вашей прекрасной, богатой литературными традициями земле.

Тема нашего круглого стола – «Человек в поисках смысла в современной российской литературе» – не только необычайно актуальна, но и совершенно необъятна. Я хочу предложить культурологический ракурс вопроса, возможно, несколько отойдя при этом от конкретики авторов, произведений и героев. Культурологическое осмысление – это своеобразная модель, схема, но она даёт магистральное видение проблемы и принципиальную чёткость возможных практических решений.

Современное толкование понятия «смысл» необычайно широко: это и внутреннее содержание, и внеположенная сущность вещи, и конечная ценность, и идея. Смысл может быть всеобщим и индивидуальным, абстрактным и конкретным, высоким и низким. И от того, какое содержание мы вкладываем в понятие «смысл,» зависит, где, как его искать и как понять, является ли искомым найденное.

Смысл человеку зачем-то необходим – и в каждом отдельном действии, и в жизни вообще. Утрата смысла тождественна утрате самого существования.

Если посмотреть на смысл как на связь отдельного человека с окружающими его вещами и с миром как целым, соединение «я» с «мы», многое увидится совершенно по-другому. Смысл – канал связи, по которому человек направляет свою жизненную энергию и получает ответ. Смысл – проводник, по которому течёт ток нашей воли. Это корневая система, питающая тонкую травинку или могучее дерево нашей жизни.

Обладая индивидуальным, выделенным из мира Природы самосознанием, человек обладает и свободой выбора: направить ли свою волю на со-бытие с породившим его и нуждающимся в нём Миром как целым (Универсумом), то есть соединить системой смыслов «я» с «мы», согласовать своё бытие со всеобщим – или утвердить в качестве приоритета эго, единичную, частную жизнь. И надо понимать, что как личность, так и народ, включённые в магистральный смысл всеобщего со-бытия, становятся со-причастны его вечности, а те, кто возвращает свою частность, довольно быстро выпадают в никуда.

Мы видим, что смысл является насущной необходимостью бытия, и с утратой его человек просто погибает, ибо его воля к жизни, не находя связей вовне, становится волей к смерти.

Литературу в этом контексте можно назвать системой смысловых маяков, расставляемых в наиболее проблемных или прямо опасных точках жизненного пути. Литература освещает пространство жизни, она создаёт, опробует в действии (сюжете) и утверждает смыслы, актуальные для данной эпохи, данной культуры, данного поколения. Проще говоря, литература работает как мощный, долгосрочный регулятор, противостоящий энтропии бытия.

Понимая это, идеология советского мобилизационного периода (начало 1930-х–1950-е годы прошлого века), может быть, впервые в истории использовала спасительный потенциал литературы для воспитания, консолидации общества и моделирования образа будущего в условиях элементарного выживания. И сегодня мы видим, как этот инструмент сработал: великая индустриализация, великая Победа, выход в Космос...

Потребность в новых смыслах возникла уже в 1960-е, при переходе от мобилизационного режима к более-менее спокойному, жажда эта постепенно нарастала, а ответа на неё не было. В том числе и в литературе. И в отсутствие общих позитивных смыслов возобладали негативные, сделавшие возможным и даже неизбежным быстрый распад государства. А с начала 1990-х это мощное оружие было развёрнуто против нас.

И сегодня мы наблюдаем в литературе и в жизни трагическую неравную битву: с одной стороны, происходит настойчивое обесмысливание, а с другой – поиск смысла, который пока трудно назвать активным. Проблема заключается в том, что разрушение смыслов идёт осознанно, целенаправленно, оно стратегически просчитано, а созидание – спонтанно и единично. То есть поединок заведомо неравный, а поражение в этой битве равно для нас смерти.

Случайно ли современная русская литература отлучена от государственной поддержки, её общественный статус низведён до хобби, а профессия писателя отсутствует вообще? Нет, это закономерная часть процесса обесмысливания нашей жизни.

Случайно ли, несмотря на откровенное отторжение народом, в качестве замены подлинной национальной литературы раскручивается «обойма» имён и произведений, превращающих в абсурд и бессмыслицу нашу историю, литературное наследие, наше настоящее, наши нравственные, культурные ценности? Нет, это инструмент обезволивания, обесточивания нашей жизни. И эта разрушительная деятельность, лишаящая смысла наше бытие, несёт в себе свой собственный, совершенно внятный смысл.

Случайно ли отвергается традиция и насаждается креативность? Нет, потому что традиция – это концентрация наиболее жизнеспособных и энергоёмких смыслов.

Надо понимать, что сильные стороны нашей культуры при определённых условиях очень опасно уязвимы, надо чувствовать, какие смыслы нам жизненно необходимы, надо искать и формулировать их, нести читателям не только через книги, но и в каждодневном непосредственном общении. В смысловой битве драгоценен каждый человек, каждая личность, всё, что объединяет нас, удерживает в бытии и питает нашу волю к жизни.

По каким стратегическим линиям, кроме литературы, направлены главные удары обесмысливания? Это, конечно, **русская история** – и более всего двадцатого века, которая из истории невероятного напряжения народных сил и практически невозможных, но тем не менее реальных побед превратилась в историю бессмысленного бунта, бессмысленного братоубийства гражданской войны, бессмысленных репрессий, бессмысленной Победы в Великой Отечественной войне («жили бы сейчас как на Западе...») – первые проблемы смысла усматриваются разрушителями в идее индивидуализма и личного комфорта только в 1960-е. Но разве мы выжили благодаря этому?

Ещё одно направление стратегического удара – **ценностные основания культуры, нравственность**, обеспечивающая долгосрочное существование и устойчивое развитие народа в конкретных исторических и географических условиях. Изменение отношения человека к человеку, человека к обществу, человека к природе, человека к высшей реальности – к Богу – везде происходит по принципу атомизации, отделения, отпадения от общего со-бытия.

Следующий момент – **перенаправление вектора поиска**: литература и гуманитарные науки направляют силы преимущественно на изучение низких смыслов и прямой бессмыслицы. Это зона сумерек сознания, тления и угасания воли, жизненных сил, самой жизни. Ну и, наконец, **активная подмена**: плохо без смысла? Попробуйте наш. Не понравилось? Ну как хоти-

те, тогда ваше существование бессмысленно. Мы не виноваты – вы же сами выбрали...

Но почему мы пропускаем удар за ударом? Где ахиллесова пята нашей культуры, в какой момент наша сила превращается в роковую слабость?

Во-первых, русскому человеку в силу исторических и географических особенностей формирования национального характера свойствен **поиск коллективного, всеобщего смысла – для всех**. По этому проводу течёт ток самого высокого напряжения, здесь можно реализовать максимум воли. На слабом токе наша система просто не работает, и вполне может перегореть, если в этом режиме будет выдерживаться достаточно долго.

Во-вторых, по тем же причинам **смысл должен быть максимально высоким** – иными словами, русский человек живёт в присутствии Бога, другое для него бессмысленно. Я уже не говорю, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», вовсе не потому, что обманываться приятно, а потому, что мы – культура высокого напряжения. И литература – наша мастерская смысла.

Что происходит в этой мастерской? Какие линии смыслового противостояния мы видим сегодня? Я приведу только один срез: литературу для подростков. В ней, с одной стороны, не знающее границ буйство фэнтези, где герои ищут не смысл, а приключения. Но, с другой стороны, – мощные романы и повести взросления, где герои выходят на магистральные смыслы нашей национальной культуры.

Роман взросления «Ржа» Андрея Юрича из Кемерово рассказывает о мальчиках, живущих на Севере. Алёша и Пашка и их «племя индейцев» в трагических столкновениях со взрослым миром понимают, что не могут защитить никого, даже себя; их идеальный мир рассыпается, племя разбегается, Пашка становится предателем, но Алёшка, пережив это предательство, выстоит – один из всего племени, но выстоит. Автор даёт нам это понять уже вне сюжета, над текстом. Трагический конфликт идеального детского мира и реального взрослого приводит юного читателя к выводу, что **свой идеал, свой инстинкт истины – абсолютная ценность. И нужно быть сильным, чтобы её отстаивать**.

Повесть взросления «Приключения Славки Шукина» красноярца Евгения Мамонтова читается на одном дыхании – она наполнена школьной повседневностью, где шаг за шагом учится и мужает обычный мальчик, вдруг увлечённый идеей создания вечного двигателя. И эта завораживающая иррациональная идея тоже несёт базовый смысл русской культуры – **стремление к невозможному и обретение его в конце концов, ведь возможное или невозможное – это не более чем наши собственные понятия, нас ограничивающие**.

И, наконец, пронзительный роман «Облачный полк» Эдуарда Веркина из Иванова, где герой-подросток на войне, в партизанском отряде, «Саньч», Лёня Голиков. Снег, лес, землянки, детство, первая любовь, соперник, смерть, которая ходит так близко... Герой погибает, прикрывая отход партизан. И здесь возникает третий магистральный смысл русской культуры: **жизнь за други своя, за народ, за родную землю**. Ибо нет бессмертия личного, а есть бессмертие рода и народа своего, и пока ради этого общего бессмертия отдадут свою жизнь, мы все – вечны.

Русская мастерская смысла работает. Она постоянно воссоздаёт высокие смыслы, жизненно необходимые для культуры высокого напряжения. Утверждая их, донося до каждого читателя, собеседника, современника, мы укрепляем защиту от обесмысливания, обесточивания, разрушения. Эту битву нам проиграть нельзя.

Андрей ТИМОФЕЕВ

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СМЫСЛА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В названии темы нашего круглого стола «Человек в поисках смысла в современной российской литературе» слово «человек», по-видимому, должно пониматься как «герой художественного произведения» – таким образом, нам предлагается рассуждать о произведениях, герои которых находились бы в поисках и обретении определённых смыслов в современном, бедном бытийными смыслами мире. Однако такое понимание, на мой взгляд, сужает наш разговор. И потому мне хотелось бы понимать слово «человек» как слово «автор» и порассуждать о тех писателях, которые не просто создают произведения высокого художественного уровня, а ещё и ищут в них смысл жизни современного человека.

Но для начала необходимо оговориться, что о поиске и обретении смысла в художественной литературе возможно говорить лишь в том случае, если этот смысл обретается в произведении органически, то есть представляет собой не просто абстрактную мысль, до которой додумался герой произведения или его автор, но квинтэссенцию внутреннего содержания текста, т. е. такую мысль, которая была бы глубоко связана с сюжетным, нравственным, художественным напряжением данного произведения.

И в первой части своего выступления я хотел бы проиллюстрировать разницу между смыслом неорганическим (рациональным) и органическим, а для этого – сравнить «мыслительные пласты» романов Антона Понизовского «Обращение в слух» и Геннадия Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл».

Роман Антона Понизовского «Обращение в слух», напечатанный в журнале «Новый мир» в 2014 году, в своё время очень активно обсуждался в литературном сообществе и многими был признан удачей – о нём говорили как об интеллектуальном романе о России. В центре внимания автора – необычный метод исследования национального русского характера. Состоит он в том, чтобы выслушать множество рассказов носителей этого характера и проанализировать их, чем и занимаются несколько героев романа в уютном гостиничном номере в одном из городков Швейцарии. Роман построен в виде чередования отрывков, в которых различные люди рассказывают о себе, и обсуждений этих отрывков самими героями.

В процессе обсуждения высказываются подчас интересные мысли, особенно главным героем романа – Фёдором. Например, развёрнутое рассуждение о рае, в котором Адам даёт имена «душам живым». Фёдор замечает, что Адам называет мышь мышью, а слона слонем не произвольно, но, чувствуя «какую-то главную суть», выбирает единственное точное имя. Он не называет мышь «грызуном» или «вредителем» (как сделал бы на его месте человек, имеющий какие-то запасы); не называет слона «тушей» или «носи-носи» (как сделал бы человек, желающий пользоваться слонем в своих целях) – Адам относится к животным «не как к субъектам, а как к душам живым». В другом месте романа Фёдор говорит о реальностирая: «Рай – это наша подлинная реальность! Она настолько близка... ближе кожи... Она в самом центре сердца... – и в центре памяти! В центре памяти – потому что каждый из нас был младенцем. А каждый младенец, в сущности, – тот же

Адам...» Замечательные мысли встречаются в романе и по поводу некоторых притч из Евангелия. *«Мы не слушаем Бога, который обращается к нам, – говорит Фёдор другой героине романа, Лёле. – Он только начинает: «Человек некий...» – а мы: «Знаем, знаем. Всё знаем про вашего человека. Быдло ваш человек...»*

Однако все эти мысли, сами по себе достаточно важные, входят в текст совершенно произвольно, их содержание оторвано от организующего начала текста. Идеи не впитываются в языковую ткань и нравственно-психологическую плоть текста, а остаются сконструированными фигурками на его поверхности. Единственное серьёзное действие у Понизовского – отмена Лёлей своего отъезда из гостиницы по просьбе Фёдора и их последующее сближение, и этого, разумеется, катастрофически мало для органического вплетения «мыслительного пласта» романа в его сюжетно-событийную плоть. Таким стало бы «Преступление и наказание», если бы Раскольников на протяжении всего романа ходил бы по кабакам, печатал свою статью о праве сильного, спорил с Соней и Свидригайловым, но не убивал бы вовсе.

В отличие от «Обращения в слух», роман Геннадия Рязанцева-Седоги-на «Становящийся смысл», вышедший книгой в том же 2014 году и, к сожалению, почти не замеченный современной критикой, чрезвычайно насыщен сюжетно. Его главный герой – священник, перед глазами которого проходит множество людей – девушка, забеременевшая от больного СПИДом парня и желающая обвенчаться с ним; влюблённый юноша на грани самоубийства; насильник и убийца, желающий исповедоваться в тюрьме. И через все эти встречи проходит один лейтмотив: помочь человеку можно, только взяв на себя его боль в реальной жизни. Особенно показателен в этом смысле эпизод встречи священника с женщиной, у которой неизлечимо болен ребёнок. Женщина плачет и постоянно спрашивает главного героя, за что Бог наказал её сына, почему это случилось не с ней, не с её мужем или кем-то другим. Тот, конечно же, знает «правильные» ответы на все эти вопросы и умеет рассуждать на тему промысла Божия, вины родителей, жизни будущего века. Но он понимает, что, если начнёт говорить об этом раздавленной горем женщине, все эти высокие слова станут ложью. А ещё он понимает, что у него только один выход в такой ситуации – идти с этим человеком в его ад, *«со всей любовью, со всем состраданием, на которое ты только способен, идти в жизнь как друг, как отец, как священник. Надо этого человека выделить как единственного сейчас в твоей жизни, как самого родного, самого дорогого и близкого».*

Но всё это – лишь сюжетная часть романа; другую же часть составляет собственно «мыслительный пласт» – рассуждения героя о судьбе России, о церкви, о Достоевском, и, кстати, эти размышления по тематике и по образности отчасти сходны с теми, что мы отмечали в романе «Обращение в слух». Скажем, картину мироздания главный герой Рязанцева-Седоги-на представляет в виде камня, упавшего в воду, от которого идут круги: камень – это Святейший Патриарх, а остальные люди – священники, монахи, миряне и даже мальчишка в наушниках, слушающий рэп и не знающий, по сути, ничего, кроме этого своего рэпа, тоже здесь, на каком-то своём круге, может, на самом дальнем, но всё-таки и он входит в единую систему, которую герой романа называет Царским церковным сознанием. Но, в отличие от «Обращения в слух», эти рассуждения в романе «Становящийся смысл» не оторваны от сюжета, а представляют собой записки героя

к своему сыну: сквозь них проходит линия напряжённой борьбы священника за сердце потерявшего веру ребёнка. И очень характерно, что победа в этой борьбе одерживается не в философских разговорах, а даётся отцу после тяжёлой болезни – достигается практически ценой собственной жизни. И это тоже в духе лейтмотива книги.

Истории реальных людей в романе Рязанцева-Седогина органически сочетаются с напряжёнными мыслями героя о вере и о стране: и те, и другие пронизаны одной любовью, за теми и за другими стоит единый образ лирического героя – и те, и другие суть сама реальная жизнь в её глубине, а не бездушный слепок с неё или абстрактное умничанье. Это тот случай, когда интеллектуальная составляющая произведения не оторвана от его сюжетной канвы, а, напротив, слита в единое художественное высказывание, воздействующее и на разум, и на сердце читателя.

Итак, в рамках заданной темы мы можем всерьёз говорить только о тех смыслах, которые органично входят в произведение, становятся как бы его неотъемлемой частью, укореняются во всей полноте духовно-нравственной проблематики. И только такое обретение смысла может оказать живительное воздействие на читателя, привести и его к пониманию (а возможно, и обретению) данного смысла. Здесь, в частности, разгадка силы мыслительных прозрений русской литературы, и прежде всего, Достоевского и Толстого.

Вторую же часть своего выступления я хотел бы посвятить молодой литературе, т. е. тем авторам, которые являются моими ровесниками и о которых я могу рассуждать с полной свободой: мне интересно, как ищут и обретают смыслы именно они. Для этого я попытаюсь рассмотреть произведения трёх наиболее ярких, на мой взгляд, представителей молодого поколения – Андрея Антипина, Дмитрия Филиппова и Юрия Лунина.

Когда я читаю повесть Андрея Антипина «Дядька», я ясно вижу, как в ней история деревенского мужика Мишки, ведущего бесцельную, пьяную, неприкаянную жизнь и так же бесцельно и нелепо умирающего, оборачивается историей о русском народе, раздавленном трагедией 90-х годов. Но для Антипина трагедия вовсе не в смене политического строя, а в потере ощущения высшего смысла и правды, ради которых раньше жил человек; а вот теперь, лишённый идеала и не способный удовлетвориться мещанской жизнью, гибнет весь русский народ, как гибнет главный герой повести Мишка. Это уже – серьёзно само по себе, но главное – в другом. Когда я читаю следующий рассказ Антипина, «Смола», я понимаю, что передо мной опять-таки не просто история об очередном деревенском мужике по кличке Пузырёк, а рассказ о внезапном обретении в этом человеке, на первый взгляд, вруне и рваче, готовности отдать последнее и распахнуть душу, казалось бы, совершенно постороннему человеку. И это качество ценно для Антипина как залог того, что народ, *«который поёт, и плачет, и скачет через палочку на краю, но умеет остановиться и опахнуть такой искренней и нерастраченной красотой, какую ты и не подозревал в нём»*, не погибнет и не закончится. То есть автор не просто двигается от текста к тексту, но пытается решить для себя серьёзную творческую задачу: осмыслить трагедию народа и найти в глубине его нравственные силы для возвращения к жизни – в первом тексте показывает глубину трагедии, а во втором – пытается нащупать выход из неё. И этот поиск смысла в произведениях Андрея Антипина для меня, пожалуй, даже важнее густоты его народного языка.

Роман Дмитрия Филиппова «Я русский» достаточно рыхлый и неровный, буквально взывающий о превращении себя в повесть путём сокраще-

ния публицистических вставок и необязательных сцен, тем не менее в полной мере подходит для разговора о поиске и обретении смысла. И опять-таки не сводится к истории о том, как любимая девушка главного героя была изнасилована кавказцем и как, заплатив последние деньги бандитам, он добивается выдачи насильника, но в последний момент понимает, что не способен на убийство даже этого человека. Девушка Слава для Филиппова – идеал, олицетворяющий поруганную Родину. Но убийство для него не способ восстановить справедливость – так, мучительно пытаюсь найти ответ на тот же вопрос, что и Антипин, Филиппов приходит к ответу не политическому, а нравственному, к утверждению милосердия единственным оружием борьбы со злом, поглощающим его страну.

В отличие от двух предыдущих авторов, Юрий Лунин ищет смысл существования даже не страны и народа, но подвергает тщательнейшей проверке всё, к чему обращается: веру, любовь, семью – и ничто не удовлетворяет его само по себе, пока он не убедится в его подлинности. В повести «Клетка» Лунин рассказывает о женатом мужчине, который после ссоры с женой едет на юг и изменяет ей с девушкой, встреченной в поезде. Лунин мастерски воспроизводит все мельчайшие переживания своего героя, чтобы в конечном счёте привести его к полному одиночеству и практически экзистенциальной пустоте: *«Мы можем сейчас лечь в постель и заняться любовью. А можем не заниматься. А больше мы ничего не можем... нам было предоставлено море, время, дом с садом, целый город. А ничего особенного не вышло»*. А дальше мысли героя естественным образом переходят к жене, оставшейся где-то далеко: *«Нам с женой тоже была предоставлена целая жизнь, с сотнями морей, городов, с сотнями вещей, которым можно было бы научиться. Так казалось. Но вышло, что и в целой жизни всего очень мало»*. И показательно, что к раскаянию героя «Клетки» приводит именно эта разверзшаяся перед ним пустота, а не нравственные императивы, которым Лунин не готов верить просто так, потому что они есть, не подвергнув своей жестокой проверке.

Вот так тяжело, преодолевая сопротивление современной жизни и современной литературы, молодые авторы ищут и обретают смысл существования себя и своего народа. И я верю, что путь этот плодотворен и приведёт их к новым серьёзным достижениям.

**Дмитрий
ЕРМАКОВ**

СНЕГИРЬ

Кусты вдоль дороги подёрнуты розовой дымкой. В полях за кустами ошмётки снега. Лес за полями – чёрный, ощутимо мокрый, тяжёлый...

Машина бойко катит по мокрому асфальту, из приёмника – бойкая, как бег машины, музыка. Молчаливый редакционный водитель курит.

Олег Воронин, журналист областной газеты, лысеющий сорокалетний человек, едет в недалёкое от города село. Там проводят «Вечер памяти замечательного поэта-земляка Сергея Ломтева».

Лет пятнадцать назад им обоим – Воронину и Ломтеву – что-то там пророчили поэтические зубры областного масштаба...

...Ну как Ломтева было не заметить! Рост под два метра, грива волос, на ногах кирзачи, брезентовые штаны, штормовка, под которой видна тельняшка – будто только вчера с рыболовной шхуны или из геологоразведочного лагеря. И как читал свои стихи! Будто всё это уже бесспорно, будто и не нужны никакие и ничьи оценки и отзывы – принимайте или не принимайте, а мне, мол, всё равно. Но ведь и боль, боль неподдельная, будто из души каждый стих выбрасывал – нате! А стихи слабенькие в общем – и тогда, и позже. Техника всегда страдала... Стихи, неотделимые от него самого – только в его личном прочтении они и впечатляли... Но вот нет его, Ломтева, уже пять лет как нет среди живущих, а – «Вечер памяти замечательного поэта-земляка...»

Ломтев сам выбрал Воронина в друзья. Воронин тоже читал стихи, и ему благосклонно кивали мэтры – «члены союза» – и делали незначительные замечания, и был перерыв, и курили на весенней улице, и с козырька над входом звонко шлёпались в бетонное крыльцо капли, и воробьи, щеперясь, возились в луже, а машины проезжали мимо, выбрасывая на тротуар солнечные брызги...

...Ты шагнул ко мне, протянул узловатую большую ладонь:

– А ты – настоящий, – сказал. – Держи краба!

-
- Дмитрий Анатольевич Ермаков – член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Север», «Двина», «Подъём», «Алтай» и многих других. Лауреат премии журнала «Наш современник», лауреат международной премии «Югра» и ряда других литературных конкурсов и премий. Живёт в Вологде.

И опять читали стихи «молодые поэты», и один из руководителей семинара, седой и умный Семёнов, сказал одному «молодому»:

– Вот за стихами Ломтева чувствуется судьба, а за вашими – ничего, кроме попытки самовыражения...

Потом сидели в гостиничном номере (ты ведь приехал откуда-то из глубинки области). Пили, конечно... И всё стихи, стихи, разговоры и снова стихи в слоющемся табачном дыме. И ты сказал одному надрывно читавшему:

– А ты, брат, графоман!

И тот лишь зло глянул на тебя и ничего не сказал. А попробуй скажи тебе!..

...Олег Воронин тогда вовремя остановился и ушёл домой. А Ломтев, как рассказывали, продолжал гулять в гостинице, собрав вокруг себя кучку сподвижников. И настал момент, когда нужно было идти за добавкой. Ломтев пошёл сам, с ним ещё двое. Но в вытрезвитель забрали почему-то лишь его.

И на следующее утро, на второй день семинара, те двое сказали, что Ломтева ночью «прихватили».

– Что ж вы, поэты, своего-то бросили? – первым откликнулся седовласый Семёнов, тот, что вчера говорил о судьбе за стихами Ломтева.

И он же, шепнув что-то в ухо такому же седому, но ещё и бородатому руководителю семинара, поднялся из-за стола и пошёл к двери. И Олег Воронин, поняв его движение, пошёл за ним.

...Приехали в вытрезвитель, а ты и там, в «приёмной», где сидела усатая тётка-милиционер, и ещё милиционеры, и «клиенты»... Ломтев и там – читал стихи. Помнится: «Январь черёмуховый веет вчерашний снег с холодных веток. Сей мир – лишь череда смертей и новых жизней, век от века...» И его слушали серьёзно и молча...

А за окном мелькали и мелькали кусты, деревья, телеграфные столбы, дома деревень...

Водитель опять закурил, и Воронин тоже достал сигарету и зажигалку, чуть приоткрыл форточку со своей стороны, и дым сигареты, уплывая за окно, растворялся в воздухе, становился его частью. И из души Олега Воронина будто выдувало всё лишнее обтекающим машину ветром.

Он любит дорогу, вот эти минуты в пути, может быть, больше всего в своей журналистской работе, а может, и во всей своей жизни.

...Прекрасно ехать и ехать. Удивительное состояние: ты занят делом – едешь. И при этом – свободен от всего остального. Едешь, смотришь и не думаешь даже, а просто вбираешь в душу законные пейзажи, или, прикрыв глаза, слушаешь радио, или дремлешь. Рядом немногословный, знающий своё дело водитель. Закуриваешь, приоткрыв форточку, выставляешь кончик сигареты наружу, и пепел сразу уносится ветром, и дым сам собой вытягивается за окно... Ехать и ехать...

Воронин вскинулся от забравшей его дрёмы и увидел, что уже приехали.

Отреставрированный барский особняк с наивными деревянными колоннами на входе, с широким крыльцом, с мезонином... Весь дом свежеекрасен коричневой краской, колонны и наличники окон – белой. Крыша поблёскивает железными листами... Уже какие-то машины и автобус «ПАЗ» на площадке перед входом...

– Здравствуйте, – приветствует высокая, в строгом бордовом костюме (прямая юбка и пиджак), светловолосая немолодая женщина. – Вы из газеты? Очень хорошо. Проходите, пожалуйста...

Водитель остаётся в машине, он, кажется, никогда и не выходит из неё (Воронин сколько раз ездил с ним по всяким журналистским делам,

и ни разу Вадим ничем не заинтересовался), разве что в столовую или в киоск за сигаретами.

...Вообще-то здесь музей помещичьего быта: комнаты со старинной мебелью, личные вещи последнего поколения помещиков Дубовых. Потом, говорят, был тут сельсовет, потом уж жилой дом на несколько семей...

...Вот здесь ты и жил, первые и самые задушевные детские впечатления – отсюда. Где была ваша комната?.. Ага, говорят, что здесь, где и размещается «твоя» экспозиция. Одна стена – стенка печи, напротив – стена с окном, вдоль других двух стен, наверное, стояли кровати – твоя и твоей матери, а между ними под окном – стол... Ничего другого тут и не выдумаешь в такой комнатёшке... Ну, стул у стола, за материной кроватью, ближе к двери – шифоньер... Про отца ты не рассказывал и в биографических справках, перед подборками стихов в журналах не вспоминал о нём. Но тёмные волосы и вспыльчивость, наверное, от него... Сейчас тут обитые гипскартоном, в приятный розовый цвет крашенные стены (ты писал про старые обои, рисунки на которых превращались в твоих мысленных путешествиях то в архипелаги неведомых островов, то в заросли джунглей). Стенды с фотографиями, на столах разложены журналы и газеты, развёрнуты на страницах с твоими публикациями. «Молодые дарования» – заметка в областной газете, в которой теперь и трудится Воронин. «Среди поэтов руководители семинара особые надежды возлагают на Сергея Ломтева и Олега Воронина...» Мутная общая фотография участников и руководителей семинара. (Ну, тебя-то сразу видно – на две головы всех выше. А себя Воронин еле узнал – сидящим в первом ряду.) Единственная «самиздатовская», на плохой бумаге, неряшливо сделанная книжка «Заветный край». Публиковался ты много, а с книгами в те, девяностые, была напряжёнка, особенно для таких, как мы, – начинающих... А на полу сейчас гладкий линолеум, ты же писал о «щелястом» поле и о том, как когда-то, перебирая пол, сняв старые половицы, кто-то найдёт под ними пару материних заколок для волос, оловянного солдатика, двухкопеечную монету, которую ты берёг для поездки в город, чтобы из вокзального телефона-автомата позвонить девочке Ире, с которой познакомился летом, и она дала тебе номер телефона, а адреса ты не знал, но стеснялся спросить у её бабушки... Берёг монетку, да не уберёг, и вместе с ней, может, закатилось под половицу само счастье... Это всё в твоей поэме «Старый дом»...

– Вы из газеты?

– Да.

– А я из... Там Сергей Николаевич жил в последние годы своей жизни. Мы тоже организовали небольшой музей, – энергичная дама явно хотела рассказать о деятельности «инициативной группы по увековечиванию памяти»...

И Воронин включил диктофон.

Мария Ивановна (так звали даму) рассказывала:

– Я возглавляю комитет по увековечиванию памяти Сергея Николаевича Ломтева. У нас в школе уже три года действует музей Сергея Ломтева. Я приехала сюда не только для того, чтобы рассказать, что мы сделали по увековечиванию памяти Ломтева, но и обговорить вопрос об издании новой книги, потому что найдены его не опубликованные ранее рукописи. Нынче мы издали диск песен на его стихи...

Говорила она, глядя на диктофон, будто именно для него, для диктофона – живого, понимающего существа. И говорила так, как не говорят люди в обычной жизни. И, когда Воронин оборвал её вопросом, удивлённо даже подняла на него глаза.

– Как к нему относились люди-то в...? Я знаю, что он часто попадал в переделки, – спросил Олег.

– Люди к нему относились хорошо, – опять для диктофона заговорила Мария Ивановна, – он человек доброжелательный был. Сергей Николаевич не очень любил власть за отношение к простым людям и откровенно об этом говорил и писал, и это, конечно, не всем нравилось. Но люди его очень уважали. Работал он и в редакции, и в мелиорации, при Доме культуры работал... Он так тонко чувствовал и знал природу... И ещё одиночество его... В стихах это всё проявлялось. Помните: «Я так бываю одинок...»?

...Да, я помню, как ты читал именно это стихотворение.

*Я так бываю одинок!
Насытившись водой и хлебом,
Я б, как святой отшельник, мог
Молиться под открытым небом...*

– Кто ж не даёт-то, Серёжа? – я спросил-поддел.

(Воронин был одним из немногих, кому позволялось высказывать замечания о его стихах.) Но тогда ты не принял шутку, зло глянул и продолжил:

*Но потерялся на земле.
Я потерял Святую Землю!..
Блуждаю горестно во тьме –
Кругом неверье.*

*И я ищу мой светлый край,
Где я ещё ни разу не был..
И только ниточки дождя
Соединяют землю с небом.*

В соседнем зале стали усаживаться на расставленные рядами стулья. Воронин туда пошёл, поторопилась и Мария Ивановна.

Большой фотопортрет на стене. На белый экран проецировались поочередно плохо различимые старые снимки. Школьники, маленькие и большие, читали его стихи... Парень-старшеклассник прочёл с чувством, с толком, сел сбоку от Воронина, вытянул ноги, развалился, ухмылочку изобразил... Мария Ивановна снова рассказывала о том, что делается для «увековечивания памяти» комитетом по этому самому «увековечиванию».

Я помню, как ты заходил в редакцию: тебя было слышно ещё из коридора – твои быстрые твёрдые шаги, громкие приветствия. «Здорово, сидень кабинетный!» – или что-нибудь подобное кричал ты с порога. Рассказывал, откуда в очередной раз ты возвращаешься в городок, в котором был твой вроде бы дом, в котором ты жил между разъездами, а в последние года три почему-то, кажется, безвыездно. А возвращался ты то из Сибири, то из Питера, то из недавно открывшегося, из руин восстановленного монастыря, в котором жил послушником... Но ведь и я на месте не сидел – в эти же годы всю область объездил, да и за пределами её бывал.

Тебя уже много публиковали и в Москве. Но вот с книгами, тем более поэтическими, ничего не получалось. Это прямо изводило тебя... Я пристраивал твои стихи и в нашей газете, хотя это не приветствовалось руководством, и даже выбивал гонорар авансом, который ты обычно в тот же день и пропивал. Я уже не участвовал в пропивании, как бы ты ни обижался... И

никогда я не завидовал тебе и даже не обиделся, когда ты эту самую зависть с моей стороны предположил...

Воронин уже был серьёзным журналистом, хорошим очеркистом слыл. Но публиковать в «своей» газете свои стихи не позволял себе сам, хотя иногда публиковал их в других газетах.

– Сядь нормально! – довольно громко и неожиданно, кажется, даже для самого себя сказал парню-старшекласснику.

И тот послушно подтянул ноги и сел, внутренне напряженившись. И Воронину стало совсем неудобно сидеть рядом с ним, и пересесть не мог.

Зальчик маленький – мест на тридцать, половину из которых занимали школьники и учителя, ещё несколько музейных работников, и были ещё какие-то женщины, и один очень серьёзный мужчина с уныло висящими усами, наверное, одноклассник Ломтева...

*Я переписчик снов,
Я очарованный странник,
Я переплётчик строк,
Я отовсюду изгнанник,
Я растерял на лету
Всё, что не стало сутью,
Я вечно у черты,
Вечно на перепутье,
Я неизвестный солдат,
Я всадник на поле битвы,
Я песенный акробат,
Идущий по лезвию бритвы.*

Очередной школьник прочитал очередное стихотворение Ломтева. Так себе стишок... Эмоций много, смысла – маловато. Воронин помнил, как сам Ломтев читал это стихотворение – и с его голоса оно казалось шедевром. И было в нём это, правда было: «у черты» и «по лезвию бритвы» – было... Однажды заявился ко мне в редакционный кабинет с головой, замотанной какой-то тряпкой, и при этом босой. Сел в кресло, стал рассказывать, как возвращался из Москвы и пил с какими-то уголовниками, читал стихи им... А очнулся с разбитой головой под дорожной насыпью, раздетый, без денег, без вещей, километров десять до города пешком топал... Вдруг ему стало плохо. Вызвали «скорую»... На следующий день Ломтев сбежал из больницы...

Потом ты имел неосторожность испортить отношения с областной писательской организацией: были похороны Семёнова, и на поминках ты перебрал и высказал всем всё, что о них думаешь (а думал он о них мало хорошего, только Семёнова и уважал). В полный голос и далеко отправил даму из департамента культуры... Сам потом признавал, говорил: «Да, я не имею права требовать от них того же, чего требую сам от себя». Но слова были сказаны, и все двери в области оказались для тебя закрыты (но только не моя).

Потом ты издал этот сборник за свой счёт. И сам продавал его. И когда я не купил – ты очень обиделся. (А я обиделся на то, что ты не подарил мне, а предлагал купить. Теперь понимаю, что тебе важно было именно продать хотя бы несколько книг, чтобы доказать кому-то, что ты профессионал.) И, кажется, ведь это и была наша последняя встреча, потом – только письма. Ты жил в своём крохотном городке, в который занесло тебя, кажется, вслед

за очередной женой, и действительно, судя по письмам, работал то в одной шараге, то в другой – и в какой-то «мелиорации», и сторожем, и даже скотником. И кажется, всё время ругался с каким-нибудь начальством...

В одном из последних писем он просил помочь деньгами. Деньги нужны были, по его словам, для переезда. Воронин знал, если уж Ломтев просит – значит, и правда, сильно прижало... Переезжать он хотел в родной, вот этот посёлок... Не успел или что... В последнем письме – о том, что выпи-сался из районной больницы: опять избили его сильно (а избить-то тебя и можно было, только опоив чем-нибудь или уж ломом из-за угла). Кто избил, за что, писал ли заявление в милицию?.. Ни слова об этом, о пере-езде и деньгах тоже ни слова... Потом – год ничего от тебя. Потом – весть о твоей смерти...

Что там случилось, от чего умер – ничего не известно... Говорят, сердце.

А я все эти годы работал журналистом (но и писал стихи). Да, я не ходил по лезвию, не метался по стране, не рвал на груди рубаху, не лез в драку. Двое детей у меня, жена, дом... А у тебя? «После меня останется гора пустых бутылок и толпа брошенных баб», – смеясь, говорил ты... И вот ты стал поэтом, тебя помнят, читают, поют. Я сижу здесь, в этом зале, для всех я всего лишь «корреспондент», который должен будет рассказать в газете об этом мероприятии и о тебе.

Эх, Серёга, Серёга, помнишь: капель, солнце, стихи, молодость, надеж-ды... Всё будто в щель меж половиц и закатилось...

Воронин не дождался окончания «вечера памяти». Вышел на улицу. «Уазик» стоял у крыльца, водитель, кажется, спал, опустив голову на руки, скрещённые на руле. Зачем-то Воронин пошёл по асфальтовой дорож-ке вокруг здания, сигаретный дымок тянулся за ним. На задах дома оста-лись от барского парка толстые липы, корявый с дуплистым стволом дуб... Пруд, серый ноздреватый лёд которого усыпан пустыми бутылками и бан-ками из-под пива... Куст сирени с бледно-зелёными веточками. И на одной ветке – красногрудый снегирь. Сидит, не улетает, круглый глазок на Ворони-на уставил...

А ты смог бы написать об этом снегире, ты бы непременно написал о нём. Вот так, например:

*И снегирь на голой ветке
Как фонарик вечности...*

Но написал-то я...

Я. УДИН

ХОТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК

затравки

***

Учились в одном классе. Чаще всего вместе шли в школу. Он казался чуток странным мальчиком. Не похожим на остальных сельских ребятшек. Ни с кем не водился, не играл со всеми в футбол и вообще сторонился шумных игрищ. Был аккуратистом в одежде. Неизменно одевался в чистую белую рубашку, тщательно отглаженные чёрные брюки и чёрные же туфли, отполированные войлоком так, что те зеркально сверкали на солнце. Если на этих туфлях оказывалась малейшая грязь или пылюка пустынная, тотчас доставал из кармана носовой платок и старательно вытирал.

У нас в селе был фруктово-овощной консервный завод. Территория завода огорожена стеной из речного гольша. Из-под этой стены вытекал ручеёк с радужными разводами нефти, а то и с тягучей слизью мазута на поверхности. Через этот грязный ручеёк был кинут дощатый мостик. По этому мостику мы каждое утро шли в школу.

В тот памятный день шагали втроём. Стояло яркое весеннее утро. Кругом цвели деревья. Соловьи выдавали свои раскатистые любовные рудалы. Но мы ничего не замечали и ничего не слышали. Мы увлечённо, страстно спорили о чём-то. Так дошли до мостика, и, когда переходили его, раздался выкрик:

– Мой!

С этим возгласом аккуратист наш резко нагнулся, выхватил из мазутного ручейка чёрный комочек, прижал к белой рубашке и отбежал в сторонку.

– Мой! – повторял он. – Мой!..

– Что это? – спросили мы. – Кого это ты выловил?

-
- Я. Удин (Яшá Геранович Манджиян) родился в 1951 году в селе Нидж Азербайджанской ССР. По национальности удин. Учился в Саратовском государственном университете. Автор четырёх книг прозы, изданных в Москве и Саратове, публикаций в журналах «Волга», «Подъём», «Волга–XXI век», «Сура», «Литературный Саратов», «Аргамак», «Великороссъ», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратов литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Впечатления» и других периодических изданиях. Член Союза писателей СССР и Союза писателей России.

– Мой, – сказал он уже мягче, глядя на белую свою рубашку и понимая, что она непоправимо загублена мазутом. – Я из-за него рубашку испортил, – голос его дрогнул. – Он мой, никому не отдам.

– Конечно, твой. Ты хоть покажи, что это?

Мы подошли ближе, и он нехотя разжал ладонь. Измызганный мазутом комочек отдалённо походил на какую-то пташку. Вглядевшись внимательно, мы увидели, что то воробушек и он ещё жив, хотя чёрные бисеринки глаз тронуты смертной мутью. Бедняга подлетел, наверное, водички попить и опрометчиво завяз в мазуте...

***

В молодости я жил в самом центре города. Иногда по утрам ходил завтракать в «Русский чай», расположенный в подвальном помещении на проспекте Кирова. Четыре ступеньки вниз – и ты оказывался в светлом зальчике с пятью столиками. На каждом столике электрический самоварчик. Посетителей всегда было немного или совсем никого не оказывалось. За прилавком чарующе женственная молодая красавица Татьяна. Подходил к ней, здоровался и говорил:

– Танюша, не скажешь, с чем бы мне блинчики заказать?

Лицо её вспыхивало сияющими синими глазами и двумя ямочками на щеках.

– Я уж не знаю, – отвечала уютным грудным голоском. – Можно с мёдом, со сметаной или с маслицем. Но ты ведь всегда со сметаной берёшь. Чего мне голову морочишь?

– Танюша, на то женщине и голова дадена, чтобы её морочить. Скажешь, не так?

– Ничего не скажу. Что мне о таком говорить, с юных лет замужем. Тебе со сметаной?

Я кивал, и она шла за свою ширмочку творить блинчики. Вытянув шею, я взглядом провожал её стройную фигуру.

– Смотри шею не сломай! – не оборачиваясь, говорила она.

– Танюша, всё же где у тебя вторая пара глаз расположена?

– Именно там, где ты думаешь.

Я садился за столик и включал самоварчик. Скоро она выносила порцию из трёх золотистых блинчиков, политую сметаной, рядышком клала вилку с ножичком. Щипчиками кидала в чашку два кусочка сахара, подхватывала заварной чайник и спрашивала:

– Тебе покрепче, как всегда?

– Конечно. Ты же знаешь...

Я переносил всё к себе на столик и с удовольствием завтракал. Я был молод, одинок, блинчики со сметаной хороши, и хороша Татьяна.

– Как жаль, что ты замужем, – говорил я, когда мы оказывались лишь вдвоём в зале.

– Ну и что, что замужем? – отвечала она удивлённо. – Разве кашу маслом испортишь?

Но я знал, что она шутит, более того, я почему-то был убеждён, что она никогда не изменяла мужу и даже не думала о чём-то таком.

– Послушай, Танюша, всё хочу спросить, – продолжал я, – а чего это ты так рано выскочила замуж?

– Понимаешь, я выросла в староверской семье. У нас девочек воспитывают в строгости: ни тебе танцев, ни свиданий – ничего нельзя. После школы

приехала в город, познакомилась с парнем и через месяц вышла за него замуж. Теперь дочери уже десять...

– Но это ведь хорошо. У нас на юге всё так же происходит, и все довольны...

– Хорошо, конечно, не спорю. Но я совсем-совсем о жизни ничего не знаю.

– О ней больше и знать нечего. У тебя есть муж, дочь, дом. Что ещё нужно?

– Спасибо тебе.

– За что это?

– А за то, что понимаешь и не смеёшься надо мной. А то, знаешь, страх какие приставучие насмешники бывают, не приведи Господь...

Лицо её слегка заалело, глаза лучились беспричинной радостью, а ямочки на щеках сияли довольством.

***

Манасы Серож с детства очень ловко насвистывал всякие мелодии, а когда шёл, к примеру, в лес за дровишками, повесив топорик на плечо, кроме насвистывания он и на топорище пальцами отстукивал ритм. Но по-настоящему играть музыку начинал с лозняковой дудочки. Тут он уж наяривал, как только мог. После у него появилась откуда-то камышовая свирель, и он уже играл целыми днями, сидя на бревне возле дома. Проходящий мимо по своим делам человек невольно останавливался и заслушивался, забывшись, такие сердечные мелодии выдувал малец из нехитрой своей сопелки.

Так он развлекался и развлекал людей несколько лет и к восемнадцати годам вырос во вполне зрелого музыканта. Бывало, на сельских свадьбах робко подходил к ансамблю и просился немножко поиграть на зурне. Чаще всего ему охотно разрешали. Он очень бережно брал в руки инструмент и начинал играть танцевальную мелодию. Да с таким задором, так лихо и певуче, такие пронзительные верха выдавала зурна, что вся свадьба с весёлым гомоном повывскакивала с мест танцевать. Потом то и дело подходили к нему возбуждённые гости и все как один советовали ему приобрести собственный инструмент и постоянно играть на свадьбах.

Тем временем Серож уже работал в совхозе и помаленьку откладывал денежки на заветный инструмент. Но сумел купить его только после армии и очень скоро собрал коллектив из четырёх музыкантов. Сам он играл на зурне, его близкий приятель держал духовой фон на балабане, ещё два парня взялись за ударные инструменты. Один выстукивал двумя палочками ритмический рисунок на нагаре, другой одной более увесистой палочкой гулко отбивал общий ритм на большом барабане. После нескольких совместных занятий у них сложился вполне достойный ансамбль, и они начали играть на свадьбах.

Пошли постоянные приглашения. В будние дни все четверо работали в совхозе, а в субботу и воскресенье неизменно играли на свадьбах. От раза к разу они выступали всё лучше. Манасы Серож хоть и знал десятки танцевальных мелодий, всё равно каждый вечер слушал радио и всякий понравившийся новый мотив разучивал и на очередной свадьбе с успехом исполнял.

Вместе с тем своим чередом шла жизнь. Он давно женился, у него родился ребёнок. Как и у всех сельчан, у него имелся ореховый сад, огромный огород, он продолжал работать в совхозе и всюду как-то успеваля, ни от чего

насушного не отмахивался, но основным его занятием и душевной страстью оставалась музыка.

С годами зурну он сменил на кларнет, зурну совсем не забросил, конечно, просто всё чаще стал играть на кларнете. Кто видел, что он вытворял на кларнете, какие чарующие звуки издавал, выпучив глаза и надув красные щёки, тот уже никогда не мог забыть игру Манасы Серожа. Слава его быстро росла и постепенно вышла за пределы родного села. Теперь его нередко приглашали из соседних сёл и даже дальних районов. Он охотно всюду ездил, когда мог, всё же отдавая предпочтение своим удинским свадьбам.

Слух о сельском кларнетисте со временем докатился до столицы республики. Как-то приехали оттуда люди с кинокамерами и целых три дня гостили в нашем селе, снимая фильм о талантливом самоучке. А ещё через две недели всё наше село замерло перед экранами телевизоров. Более часа Манасы Серож играл на кларнете, и, слушая его и глядя на него, многие женщины украдкой смахивали слёзы, да и мужчины нещадно курили и как-то тяжело ёрзали на своих табуретках.

***

Никто не знал ни его имени, ни кто он и откуда родом. Одно было известно доподлинно: он был русским человеком и появился в селе вскоре после войны. Изредка он вставлял стёкла в домах, и поэтому все звали его Мастиром. Больше он ничем не занимался, нигде не работал и никаких денег ниоткуда не получал. Хотя какие-то деньжата у него водились, наверное, он ведь как-то питался и покупал самые необходимые вещи. Снимал комнату в доме одинокой старушки и жил себе тишком, незаметно, ни с кем не общался. Лишь изредка появлялся в сельском клубе поиграть в шахматы с желающими. Опять же играл почти молча, с редкими вздохами в течение партии и невнятными междометиями.

Сколько ни помнили его сельчане, он всегда выглядел не очень молодым и не очень старым, суховатого такого сложения крепкий мужчина. Ходил всегда в сером плаще. В серой шляпе. В строго поблёскивающих очках в тёмной оправе. Глаза за линзами тоже серые, глубоко посаженные. Тусклое лицо с редко вспыхивающей доброй улыбкой. В руке неизменная алюминиевая трость. Но он не хромал и на трость практически не опирался.

– Эй, урус, эй, Мастир!.. – кричала моя бабушка, завидев его, куда-то шагающего неспешной походкой. – Иди суда чай пей...

Он подходил, здоровался, садился и выпивал один стакан чаю. Благодарил хозяйку лёгким поклоном и шёл дальше своей дорогой. Если приглашали к бражному столу, не отказывался от рюмки водки или фужера домашнего вина. Ел совсем немного. Если о чём-то спрашивали, отвечал кратко и односложно.

- Мастир, твой жена есть? – спрашивала бабушка.
- Была жена, но умерла давно.
- Дочка-сын-внучка имеешь?
- Нет, детей и внуков не имею.
- Плохо. Такой хороший мушшин, а никого нет.
- Плохо, я и не спорю. Но так сложилась жизнь.

Каждое лето он на месяц отбывал из села. Но никому не говорил, куда и зачем уезжает. Просто тихомолком исчезал и так же тихомолком появлялся. Так он прожил у нас около тридцати лет и в одну из дождливых осенних ночей тихо скончался. Сельчане похоронили его на нашем кладбище. А

через месяц приехали какие-то важные молчаливые люди на чёрной «Волге» и забрали из комнаты Мастира все его вещи. Буквально всё до клочка бумаги, до самой бросовой тряпки собрали и загрузили в багажник автомобиля.

Теперь иногда сельчане спрашивают меня:

– Слушай, ты вот образованный человек, растолкуй, пожалуйста, кем мог быть этот Мاستир и с какой целью его заслали в наше село?..

Я задумываюсь, и ничего не приходит мне на ум. И правда, кем он был, Мاستир этот?..

***

Я сегодня ночью тебя во сне видел, хорошая ты моя. Так славно сидели с тобой и что-то такое приятное говорили о музыке. О Бетховене, о его «К Элизе» и «Лунной сонате». Я эти чуткие к сердцу человека его вещицы очень любил в молодости, да и сейчас, пожалуй, люблю не меньше, хотя окружающая kloчущая страстями жизнь не очень располагает к мечтательной тихости этой музыки.

Проснувшись после такого сна, я закурил в темноте, не включая света, и подумал, что я счастливый человек, потому что у меня есть литература, музыка, живопись и немного друзей, и ты одна из них, из моих друзей, и я мысленно попросил у Бога жизни подольше всем нам, людям сердечным и чутким, которых я люблю, без которых не смог бы жить...

***

В начале шестидесятых годов прошлого века мой младший дядя вторично перебрался жить в село, и вскоре выяснилось, что жена его вовсе не русская, каковой мы её восприняли в первый приезд, а самая настоящая немка. Случилось это таким образом: наша невестка получила посылку от отца своего из самой Германии. В той посылке были всякие сладости в ярких обёртках, несколько плиток горького шоколада, пяток сигар в отдельной упаковке и серенькая коробочка с обыкновенным домино. Нужно ли говорить, что буквально всё перечисленное стало потрясением для всех нас.

Ну, во-первых, потрясением стало то, что наша всеми любимая русская невестка неожиданно обернулась немкой, во-вторых, что её отец проживал в распроклятой неметчине, в-третьих, что шоколад был горьким, четвёртым потрясением оказались даже не сигары, которые я с дядей видел в кинофильмах, а самые заурядные домино, что в те годы пыльными стопками лежали в сельмаге. Теперь-то я понимаю смысл тех вроде никчёмных домино в посылке: весь двадцатый век в нашей стране за игрой в домино коротал время рабочий люд в обеденный перерыв или в выходные дни. Не иначе как только поэтому отец нашей невестки положил в посылку столь любимый всем советским народом комплект незатейливой настольной игры.

Пока же мой дядя безуспешно пытался раскурить сигару, сидя за столом под айвой и не зная, что следует хотя бы с одного конца обрезать сигару, моя мать с треском раскусила шоколадную плитку, недолго покатала во рту махонький обломок и с брезгливой гримасой на лице выплюнула тёмный ошмёток этакой гадости на землю. Моя бабушка, поникнув в плечах, с ушибленной скорбью смотрела на невестку, время от времени убитым тоном повторяя:

– Лемец в моём доме... лемец... лемец в моём доме...

Обе мои бабушки, чьи мужья погибли на войне с фашистами, немцев называли лемцами. Сколько всего вкладывали они в это слово: лемец.

Тем временем сама невестка с видимым удовольствием в глазах уплетала разноцветный мармелад из ярко раскрашенной коробочки.

Я же рассыпал домино по столешнице и бесперечь старался сложить витиеватую пирамидку. Но она у меня всё рушилась и рушилась...

Между тем мой дядя, всё ещё без толку колдуя над сигарами, мимоходом рассказал, что отец нашей невестки во время войны попал в плен, долго мыкался по нашим лагерям, восстанавливая разрушенные войной города, но как-то сумел жениться на пленной же немке и родить дочку. А когда военнопленным немцам разрешили вернуться восвояси, дочка уже ходила в школу и наотрез отказалась покидать родимый край вместе с родителями. Делать нечего, матери пришлось остаться с дочерью в нашей стране, а отец не мешкая возвратился к себе домой. И теперь вот, узнав от бывшей жены, что дочь вышла замуж, прислал посылку с гостинцем...

А ещё через какое-то время к нам в гости приехали мать и бабушка нашей невестки. Не помню, как приезжали и как уезжали они, сколько дней они гостили у нас, тоже не помню. Запомнил только, как они сидели в тени айвового дерева за обеденным столом. Бабушка нашей невестки ни к чему не притрагивалась и ни о чём не говорила, за всё время, что они гостили у нас, кажется, ни единого слова не произнесла, ничего не съела, даже от чая молчаливо, одним только взглядом отказывалась. У неё была орехового цвета лакированная трость. Не выпуская этой трости из рук, сидела с непроницаемым лицом. А её дочь, мать нашей невестки, значит, о чём-то говорила с дочерью по-немецки, а с дядей – на ломаном русском.

Бабушка невестки чуть оживилась, когда на столе появился графинчик со сливочного цвета пупырчатым огурчиком внутри, залитый алычовой водкой.

– Как же огурчик попал в графин – ведь горлышко узкое? – спросила она у внучки на своём языке.

Но та тоже не знала. Она посмотрела на мужа, и дядя растолковал ей по-русски:

– Когда огурчик совсем крохотный, его вместе с огуречной плетью просовывают в горлышко посуды, и дальше он растёт себе в бутылке или графинчике. Когда приходит время, посуду с огурчиком срывают с плети, заливают водкой, и так огурец может годами храниться на вид свежим, будто только что сорвали его.

Тем временем соседи приходили смотреть на диковинных живых немцев.

– Какие же это немцы, – недоумевали некоторые из них, – такие же, как и все люди. Немцы такими не могут быть.

– Ты спроси у них, – говорила дяде вторая моя бабушка, – может, они отца моих дочерей видели. Может, живёт он где-то там у них, – и они не отпускают его домой. Всё же в бумаге написано, он без вести пропал...

Где-то на краю двора, под плетнём, на боку лежал громадный винный кувшин кои. Бабушка невестки всё поглядывала на этот кои, наконец, обеими руками опираясь на свою трость, молча встала из-за стола, неспешно подошла к плетню и ласково погладила ладонью крутой бок кувшина...

***

Первое моё посещение Баку. Ночная поездка на машине дяди Геци. В кабине грузовика кроме самого дяди бабушка и я. В кузове мешки с дынями и хозяева этих мешков. Дядя Геци в хорошем настроении, всю дорогу песенки мурлычет или шутит со мною. Но мне скучновато чего-то. Мне не нравится, что поехали ночью. Ничего ведь вокруг не видно. Только в свете фар сте-

лется серый асфальт, и всё, остальной мир поглощён крошечной темнотой. Правда, стёкла чуток приспущены – кабину полощет весёлый ночной ветерок с неотвязным запахом дыни. Как дядя загрузился дынями где-то на полдороге, так этот запах сидит вместе с нами в кабине.

Дядя Геци высовывает голову из кабины и кричит во весь голос:

– Эй, люди милые, решили убить нас своим медовым запахом?!

Через минуту колотят по крыше кабины. Дядя Геци выкидывает левую руку из кабины, и на его ладонь бережно укладывают дыню.

– Спасибо, добрые люди! – уже не так громко говорит дядя.

– На здоровье! – отвечают с кузова. – Понравится, не робей!..

Дядя Геци включает свет в кабине. Дыня продолговатая, бледно-золотистого цвета. Бабушка двумя руками подносит её к лицу и надолго прижимает к носу. Дядя Геци тоже с видимым удовольствием нюхает дыню. Я также подношу её к лицу. Потом дядя Геци достаёт откуда-то ножичек, подаёт бабушке. Та расстилает на свои колени газетку и разрезает дыню на ровные дольки. Каждую дольку очищает ножичком от семян и подаёт сперва мне, после дяде, потом уж себе берёт. Все трое неспешно лакомимся очень сладкой, сочной и душистой дыней.

Тем временем дядя Геци сообщает, что ехать осталось не больше двух часов. Скоро появляются далёкие огни города, многие тысячи мерцающих огоньков, приближающийся ночной город кажется продолжением неба с мириадами роящихся звёзд, – от этих огней какое-то космическое впечатление осталось в памяти.

Целых три дня гостили в городе. Но я почти ничего не запомнил. Разве что меня поразили запахи в дядиной ванной. У нас в селе в те годы детей купали исключительно хозяйственным мылом. Взрослые тоже мылись этим мылом. Одежку всякую стирали им же. Молоденькие девушки мыли свои роскошные волосы щёлоком, а иногда и керосином. После чего волосы радужно блестели на солнце и забываемо пахли. Гораздо позже я сообразил, конечно, что тем самым бедные девушки попросту избавляли свои головы от вшей. А в городской ванной, сверкающей чистотой от белоснежных кафельных стен и выложенного коричневыми изразцами пола, на стеклянной полочке под зеркалом стояли: туалетные мыла разных сортов и расцветок, красивые тюбики со всякими кремами, зубной пастой, стеклянные пузырьки с одеколонами, лосьонами, духами, прозрачные мягкие подушечки с зелёным шампунем, круглые коробочки с какими-то порошками. Чего только здесь не стояло и не лежало – и всё это с самыми разными приятными запахами...

Ещё память сохранила, как я один вышел в город прогуляться по ближайшим улочкам. Забрёл в маленькую сосисочную. Всего пяток стоячих столиков. Порции из четырёх сосисок. К сосискам подавали стакан с водой и бумажные салфетки. Окунаешь в холодную воду горячую сосиску и легко вынимаешь из кишки. Ещё на столике горчица. Мажешь сосиску горчицей и откусываешь с удовольствием. О-о, какой дивный вкус и запах! Потом всю жизнь безуспешно искал вкус и запах тех сосисок.

***

– Ты ел кизилковое варенье? – спросил меня приятель. – Я много слышал, но не пробовал. О кизилковой водке тоже не раз говорили мне...

– В моём родном селе без кизилового варенья не обходится ни одна удинская семья, – сказал я. – Но кизилковую водку не всякий может себе позволить...

Я подумал: что вообще я знаю о кизиле?

И вспомнил, что цветущие кизилковые деревца имеют вид яркой жёлтой папахи. Кизилковый прут самый гибкий и самый крепкий. Из этих прутков в детские мои годы я мастерил стрелы для лука. Ягоды кизила в основном красные, хотя изредка попадается и сорт белого кизила. Перезревший красный кизил наливается цветом тёмной запёкшейся крови и ночами бесшумно опадает от лёгкого ветерка или кротко шелестящего дождичка. Называются эти паданцы «катик» – и у них ни с чем не сравнимый вкус. Варенье из кизила кисло-сладкое и заглавное для удинского чайного застолья. Ну а утренний чай с этим вареньем просто незаменим для мужчин, страдающих от похмелья. Кизилковая водка во много крат дороже алычовой или всякой другой нашей водки и потому не всем доступна.

***

Мать меня так сурово наказала, что от обиды я ночевал на чердаке. Хотя совершенно никакой моей вины в происшедшем. Это мой троюродный братец своим всегдашним ротозейством виноват во всём. Вот сами рассудите.

Я смастерил из крепкого кизилового хлыста отличный лук. Тетиву из прочной капроновой лески изладил. Стрелу из тонкого орехового прутка. Кусочек стальной проволоки расплющил-заострил молоточком – получился отличный наконечник.

Тут появился мой братец.

– Дашь мне попробовать?

– Сначала сам попробую.

Я вложил стрелу в тетиву лука, с силой оттянул леску и запустил стрелу в небо. Она очень долго взмывала ввысь, и мы с братцем, задрав головы, восхищённо следили за ней. Достигнув верхней точки, стрела развернулась и стремительно пошла вниз. Братец мой как стоял с запрокинутым кверху лицом, так и продолжал стоять на месте, когда стрела угодила ему в голову. Я даже не сразу понял, что произошло, просто услышал, как он с рёвом пустился бежать. А когда увидел, как перед его лицом болтается моя стрела, я страшно испугался и помчался за ним. Я догнал его, схватил за руку и силой остановил. Это было что-то жуткое: стрела воткнулась ему в надбровье и свисала оттуда тонким надломленным рогом. Я дёрнул стрелу, она легко подалась, но наконечник остался торчать на лбу братца. Сжав двумя пальцами, я попытался вытащить его, но кусочек проволоки крепким гвоздём сидел в черепе. Тогда я уцепил его зубами и вытащил. Братец мой повалился на землю и забился в истерике. Я всячески утешал его, но он не успокаивался. Через минуту оба его глаза стали заплывать сплошным синяком.

На шум объявилась моя мать и молча взялась стегать мою спину прутком. Я ничего не говорил в своё оправдание и почему-то не отбежал от матери...

***

В детстве мы играли во многие игры. Само собой, частенько это была игра в войну. Но были и прятки, и жмурки, и камешки, и футбол, и догонялки, и турник, и просто беганье без цели, с визгом, криками и с радостным ощущением силы и ловкости в каждом движении.

Но навсегда застряла в памяти картина, как двоюродные братья Никогоси Валер и Албет играли в шахматы, стоя на руках. Раскладывали на неширокой плоской скамейке шахматную доску, расставляли фигуры, вставляли в стойку на руках с разных сторон доски и спокойно играли себе среди всеобщего шума и гама, передвигая фигуры то одной рукой, то другой. Когда освобождали одну руку для очередного хода, оставаясь стоять на другой, щегольски продолжали держать спины и ноги безукоризненно прямо.

В те годы нам было невдомёк, какой недюжинной силы всего тела и какой исключительной сноровки требует такое щегольство!..

***

Написать, как малыши детскими лакомились сладкими цветами белой акации. Рвали гроздьями и с удовольствием поедали. Записать, какой приторно сладкий дух веял в воздухе уже на далёких подступах к одинокой акации. Записать монотонное гудение и мельтешение несметных ос и пчёл. Не забыть запечатлеть общий нарядный вид цветущего дерева, может, сравнить... к примеру, с невестой в пышном и чистом свадебном убранстве..

Впрочем, уже записал всё, что хотел. Более ничего и не нужно.

***

Мне нравится старое удинское слово «тэнкит». Его сейчас не помнят, наверное, даже живущие на малой родине мои соплеменники. Ну а рассеявшиеся по городам и весям и подавно никогда не слышали о нём.

Между тем тэнкит – корзина для сбора винограда с высоких деревьев. В старину удины запускали виноградную лозу на большие деревья, лоза росла себе по своей природе, без вмешательства человека, из года в год карабкаясь всё выше, и неплохо плодоносила.

Тэнкит – конусообразная, с острым концом корзина, сплетённая из прутьев орешника, лозняка или других гибких древесных пород. К ручке прикреплён деревянный крюк, который позволяет вешать корзину для удобства на ветку, имеется также длинная верёвка, по которой спускается и поднимается корзина.

Также за ненадобностью из удинского обихода исчезло само понятие слова «бэдыл» – специальный заступ для возделывания рисового поля. Поскольку с приходом хрущёвской кукурузной нелепости люди навсегда забросили выращивать рис.

***

В 1970 году с моим троюродным братцем поехали в Пермь поступать учиться. Ничего сочинять не стану. Запишу лишь то, что запомнил из той поездки.

Остановились жить не в самой Перми, а в городе Краснокамске, что на правобережной стороне Камы. Каждый день мы дважды пересекали густосинюю реку на электричке. Слева по ходу электрички, когда ехали из Перми, простирались сплошные посадки цветущего картофеля. Таких нежных оттенков цветущего картофеля из бесконечных бело-жёлтых и сиреневых бутончиков я не видел больше нигде и никогда. Справа тянулся золотисто светящийся чистый лес из мачтовых сосен с высоченными шершавыми на вид стволами. Я тогда впервые видел сосновый лес и был восхищён безмерно.

Сам Краснокамск запомнился неказистым рабочим городком с невзрачными маленькими домами. По всем улицам с утра до вечера тарахтели и чадили бесчисленные мопеды. Они были у всех: от безусых подростков до седоволосых стариков. Также целыми днями повсюду и отовсюду звучал голос Полада Бюльбюль-оглы..

В самой Перми мне понравился утопающий в зелени университетский городок. А в старой части города меня очаровали почерневшие от времени крепкие срубные дома.

Ещё одно впечатление от той поездки слегка грустное. Денег у нас с братцем было совсем немного, и мы в лучшем случае раз в день питались в столовой. Остальное время пробавлялись пряниками по девяносто копеек за кило. Есть хотелось постоянно. Сам я не очень страдал от жизни впроголодь. Но братец мой постоянно ныл и без конца хрупал пряниками. Так и мотался по городу с коричневым бумажным кульком в руках.

Рядом с Краснокамском протекал один из притоков Камы. Названия его не помню и тогда не знал, скорее всего, да и сейчас уточнять почему-то не хочется. Словом, на краю городка была довольно широкая и глубокая река с медленным течением. Иногда под вечер ходили мы туда купаться. Братец мой плавать не умел. Обычно раздевался до трусов, садился на песок и грыз свои пряники. У нас даже плавок не было. В чёрных семейных трусах красовались и потому выбирали места подальше от людских глаз.

В очередной раз пришли на реку с привычным кульком пряников. В тот день мы совсем одни оказались на берегу. Я строго предупредил братца, чтобы он не лез в воду. Я очень беспокоился за него. Поскольку река в том месте, где мы купались, через метр-другой резко обрывалась в немереную глубину. Братец пообещал, что у самого бережка разок окунётся – и всё, вглубь не полезет.

Я разделся и бросился в воду. Я плавал и поминутно оглядывался на берег. Поначалу братец мой сидел и мучил очередной пряник. В другой раз он уже плескался по колено в воде. А в третий раз глянул и обомлел: его не было нигде. Я с беспокойством ринулся к берегу, и в этот миг он с диким воплем появился над водой и тотчас же опять исчез. Какой-то десяток метров я плыл целую вечность.

А когда доплыл наконец, совсем выбившись из сил, братец мой вынырнул прямо перед моим носом. Я подхватил его за туловище, но он вцепился руками за мои волосы и за трусы, и мы вместе ушли под воду. Но скоро снова всплыли, и я попытался избавиться от его цепкой хватки, но он не отпустил меня, как я ни кричал и ни вырывался. Он вкопился в меня намертво и ничего не понимал. Мы опять оказались под водой, и я отчётливо понял, что мы тонем, не зная ещё, что в минуту смертельной опасности мысль человека очень быстро избирает самый верный путь к спасению.

В следующую долю секунды я уже точно представлял, что нужно делать дальше. Я оттолкнулся ногами от дна, и, когда мы в обнимку вынырнули из воды, я изловчился и сильно ударил кулаком его по лицу. Он крикнул и выпустил меня. Я отплыл в сторонку, взял его за ноги и стал толкать к берегу. Толкал перед собой как бревно и кричал что-то успокоительное. Толкал и кричал. Лишь почувствовав ногами дно, я замолчал, и силы окончательно оставили меня. Чуть было не захлебнулся на самой мели. С трудом протащился ещё немного вперёд и остался валяться наполовину в воде. Зато братец мой довольно резво доковылял на карачках до суши и рухнул на песок лицом вверх. Скоро из него забил фонтан..

Спустя какое-то время я всё-таки выбрался из воды и с немалым удивлением услышал, что братец мой спокойненько хрустит пряником.

– Ты что мне нос разбил? – сказал он с недовольством. – Теперь вся морда заплывёт.

– Дурашка ты, больше никто, – ответил я, подсел к нему и тоже взял из кулёчка пряник.

Последнее впечатление от той поездки связано с нашим поступлением на учёбу. Братец мой в школе по всем предметам учился плохо. Даже по физкультуре и поведению двойки чередовались с тройками. Но когда я собирался на учёбу, его отец попросил меня:

– Возьми его с собой. Может, пустячной какой профессии выучится. Ничего ведь не умеет, несчастный, пропадёт от безделья.

Так мы поехали вместе, и братец мой нагло подал документы в торговый институт. Но на первом же экзамене ожидаемо провалился.

Сам я поступал на истфак университета. Получил две четвёрки и две тройки и не прошёл по конкурсу. Помнится, крайне огорчённый, стоял я перед списком зачисленных счастливиц. Ко мне подошла пожилая женщина с маленьким птичьим лицом, в круглых очках над острым носиком и сказала:

– У вас что, не хватило баллов?

Я кивнул.

– Как жаль. У меня внучка вместе с вами сдавала. Я стояла за дверью и слышала, как хорошо вы отвечали по литературе. А сколько вы набрали?

Я ответил, и женщина с оживлением сказала:

– Знаете что, идёмте со мной. Идёмте, идёмте, не смущайтесь!

Целых три дня она ходила со мной по всяким инстанциям. Были мы и в приёмной комиссии, и в деканате, и бог знает ещё где. Везде она говорила обо мне очень много хороших слов.

– Представьте, откуда он приехал и какая светлая у него голова, он обязательно должен учиться...

Но всюду разводили руками: конкурс, мол, велик, а он слишком мало баллов набрал. Да женщина не отступала, и на третий день мы попали в кабинет самого ректора университета. Ректор без обиняков предложил перекинуть документы на геологический факультет и начать сдавать разницу в экзаменах. А разницею оказались математика, физика и география. Физику с географией я мог ещё попробовать сдать, но математику я не знал совершенно. Женщина с надеждой посмотрела на меня.

– Нет, – отказался я. – Я никогда не сдам математику.

В университет я в тот год не поступил. Но на всю жизнь запомнил пожилую женщину с маленьким птичьим лицом, в круглых очках над острым носиком...

***

Каким бы я был, если не двадцатый век и не моя городская жизнь?..

Жил бы у себя в родимом селе. У меня была бы красивая жена, красивые дети, полный амбар хлеба, уйма всяких консерваций, вина тонны две, водки литров триста, орехи, каштаны, я ходил бы на охоту, у меня был бы фруктовый сад, огромный огород..

Много чего можно нафантазировать. А двадцатый век и город совратили меня, сделали совсем другим человеком.

Написав эти слова, я со щемящей непреходящей завистью вспомнил человека из родного села. Он всегда работал в ореховом саду. Я был ещё школь-

ником, он с утра до вечера пропадал в саду. Был я студентом, наезжая в село на каникулы, а он всё возился в ореховом саду. После я постоянно жил в городе и летом приезжал в село в отпуск – он неизменно оказывался в своём саду с косой или топориком в руках.

У него было два женатых сына и две замужние дочери, множество внуков и внучек, справный дом под черепичной крышей и просторный двор с фруктовыми деревьями. Он в течение десятилетий в одно и то же время возвращался домой обедать. Садился за стол под яблоней, если на дворе лето, а если осень, весна ли, устраивался под навесом летней кухни или на открытой веранде, если же зима, заходил в уютный тёплый дом. С хорошим аппетитом, неторопливо съедал всё, что подавала жена, выпивал стакан другой красного домашнего вина. Потом ложился отдыхать часа на два-три...

***

На удинской свадьбе, по стародавнему обычаю, когда выводят невесту из родного дома, она идёт средь бела дня с горящей керосиновой лампой в руке. Тем самым девушка как бы уносит из отцовского дома частицу родного очага, тепла и света в новый дом мужа...

***

Родник Исма-Булах бил на глинистом склоне оврага в тени кряжистого старого дуба. Родник круглой чашей чуть больше метра в ширину, постепенно углубляясь, вкось уходил под склон оврага в неведомую подземную темень. В роднике десятилетиями проживала большая семейка рыб. Были рыбы крупные, были средние и были совсем мелкие. Мальки. Эти мальки всё время мельтешили себе на мелководье. Средние рыбы тоже частенько появлялись из своего укрытия. Но крупные особи показывались крайне редко и ненадолго. Они как бы выплывали всего лишь поглядеть, чем занимается неразумная молодежь, и, убедившись, что всё идёт, как и должно идти в рыбьем мире, спокойно уплывали обратно в своё укромье.

Родник этот находился вдали от села, и возле него нечасто появлялись люди. Лишь изредка какой-нибудь усталый охотник или редкий в наших краях ягодник могли отложить в сторонку ружьё или ведро с ежевикой и, упиравшись руками в края бочажины, припасть лицом к ледяной воде и пить сколь душе угодно. Потом просто посидеть или полежать в прохладной тени старого дуба. Я тоже не раз отдыхал возле этого родника, любуясь беспечной жизнью рыбьей общины и трепетно бьющими с песчаного дна ключами. В роднике не водилось никаких хищников. Никто из людей также никогда не тревожил непуганых обитателей родника, не пытался закинуть удочку или как-то иначе поймать рыбку.

Только однажды, лет десять назад, к роднику подъехали молодые ребята. Шумной оравой вышли из машин. Разожгли костёр и стали жарить шашлыки. Они начали пить и болтать всякие глупости о футболе и знакомых девчонках. Потом кто-то из них заметил, что в роднике плавают вполне съедобные по размерам рыбины. Они разом замолчали и задумались с корыстным интересом. Через какое-то время самый шустрый из них молча шагнул к своей машине, открыл багажник и, взяв оттуда что-то в увесистом бумажном кульке, уверенным шагом подошёл к роднику.

– Ребята, дайте мне бутылку из-под шампанского, – попросил он, – а сами отойдите в сторонку. Машины тоже отгоните подальше. Быстрее, ну!..

Ему поднесли бутылку. Он начал запихивать внутрь бутылки мелкие осколки карбида из кулька. Закончив, огляделся по сторонам и строго велел товарищам:

– Всем лечь на землю и не высовываться!

Ребята послушно залегли за тучными кустами. А он нагнулся, зачерпнул из родника стакан воды и как можно быстрее перелил в бутылку. После приладил к горлышку пластмассовую пробку, сильным ударом ладони вогнал её на место и, взболтнув бутылку, швырнул в родник и стремглав понёсся к ребятам.

Минуты через две раздался громкий взрыв. Когда они подошли к роднику, вся оглушённая рыба плавала вверх пузом. Скоро они с радостным шумом-гамом собрали рыбу. Что покрупней, почистили и нанизали на шампуры, чтобы поджарить на костре. А всю остальную мелочь выкинули прочь.

С тех пор в роднике не водится рыба. С тех пор возле родника не останавливается ни охотник усталый, ни редкий в наших краях ягодник, ни кто другой попить воды и всласть отдохнуть.

***

Мне было лет пятнадцать. Ядрёной солнечной осенью куда-то шёл в одиночестве. Проходя мимо старого ольхового дерева, обвитого могучей виноградной лозой, случайно задрал голову и увидел на довольно приличной высоте в лохматой гущине листвы вполне зрелые чёрные грозди. Не раздумывая, решил взлезть на дерево и разговеться первым в году виноградом.

Я стал карабкаться вверх по стволу, цепляясь руками то за ветки ольхи, то за лозу. Скоро не без труда достиг нужной высоты. Отдышался, встав ногами на крепкий, вроде сухой сук, потянулся рукой за самой ближней кистью. Но сук под ногами, резко хрястнув, обломился, и я полетел вниз, плашмя ударился спиной о землю. Сильно ударился, гулко. У меня перехватило дыхание. Я не мог дышать, но был в сознании и помню, как отчаянно бился всем телом о землю, судорожно выгибался и разгибался, хватал руками воздух. Я чётко сознавал, что умираю, но ничем не мог помочь себе, пока каким-то чудным образом не восстановилось дыхание...

Лет тридцать спустя ещё раз испытал почти то же самое. Тогда я заведовал складами в коммерческой фирме. Как-то ранним зимним утром шёл на службу. По пути завернул в магазин, купил на завтрак немного варёной колбасы и два горячих ещё батона. В те годы по понятным причинам я завтракал и обедал на работе. Уходил из дома с утра пораньше, а возвращался поздним вечером или даже ночью.

Далее я шагал уже с покупками и с хорошим настроением. Стояла отличная погода. Под ногами мягко хрустел снежок. Лицо моё покалывал лёгкий морозец. Можно бы не спешить и насладиться окружающими зимними видами города. Но я торопился. Меня гнал вперёд вкусный запах колбасы и свежеепечённого хлеба из пакета. Хотелось скорее прийти на место и наестся всласть.

Складские замки отпирал уже с нетерпением. Зашёл в огромный ангар, сплошь заставленный штабелями коробок с грузинским коньяком. Включив освещение, устремился к дальнему углу ангара, где у меня стоял стол для рабочих бумаг и для всяких прочих нужд. Подошёл и, не раздеваясь, выложил из пакета колбасу с батонами. Достал из тумбы стола початую бутылку с коньяком, налил треть стакана и немедленно выпил. Не найдя ножа, стал рвать колбасу зубами и закусывать в одиночестве. Пить я больше не стал: впереди целый день со всякими хлопотами, нужно сохранить голову ясной.

Так я рассуждал про себя, всё с большим аппетитом налегая на хлеб с колбасой. С особым удовольствием уплетал свежий батон с хрустящей корочкой. Отщипывал мягонький ломоть за ломтём и с жадностью поглощал.

Как вдруг у меня перехватило дыхание. Мякоть батона застряла где-то в горле. Не проглатывается и не выхаркивается. Ни туда ни сюда. Я резко согнулся и разогнулся, попрыгал на месте, ещё раз согнулся и разогнулся, побежал даже, взмахивая руками, всё без толку. Я весь мгновенно покрылся испариной, и глаза от ужаса, наверное, осатанели. Окажись рядом кто-нибудь и жакни кулаком мне по спине, но никого ведь нет кругом. Я не знал, что ещё делать и терял уже сознание, когда меня осенила спасительная догадка: я из последних сил подпрыгнул как можно выше и всей своей тяжестью рухнул спиной на пол – и ком провалился.

Потом я лежал на грязном бетонном полу, обессиленный, из моих глаз сочились слёзы, но я дышал во всю грудь и чувствовал себя самым счастливым на свете человеком. Хотя ещё в течение нескольких дней всё моё тело болело. Всё же с сокрушительной силой ухнул на спину. Непонятно, как только не убился. Плотная зимняя куртка, скорее всего, спасла от травмы позвоночника или чего похуже.

***

На своей малой родине я всегда вёл себя робко и застенчиво что в детстве, что в юности, что позже, когда наезжал в родное село на побывку. Однажды приехал в отпуск, вышел из подвозившей меня машины и увидел неподалёку нескольких моих сельчан. Они стояли кружком и буднично о чём-то толковали. Среди них был и наш сосед Маин Ашот, и он был с лохматой бородой. В нашем селе мужчина отращивает бороду только в одном случае, если он в трауре по недавно умершему родственнику. Я поздоровался со всеми за руку, и все они очень сдержанно ответили мне. Я тотчас понял, что в доме Маин Ашота кто-то скончался, но из вечной своей робости-застенчивости не посмел спросить, что стряслось, чтобы, получив ответ, с постным лицом в двух словах выразить соболезнование. Только вечером моя мать сказала мне, что у Маин Ашота погиб сын в Афганистане.

– В железном гробу привезли, – уточнила мать. – Военные не дали даже вскрыть гроб и по-людски проститься с ребёнком.

А на другое утро, встретив мою мать, Маин Ашот высказал возмущение моим неучтивым поведением.

– Что плохого я вам сделал, что даже слов сочувствия не удостоился от твоего сына?

– Ашот, прости его, он ведь не знал о твоём горе. Пришёл домой, я ему всё рассказала, и он очень сожалел, что так случилось.

– Нет уж, ты не прикрывай его. Он выучился и так возгордился, что перестал считаться с дедовскими порядками. Я и в прошлые его приезды за ним замечал такое...

– Ашот, как тебе не совестно такое о моём ребёнке говорить? С таким трудом растила...

– А о моём сыне уже никто и ничего никогда не скажет. Это-то понимает твой сынок?..

***

Читаю «Мимолётное» В. В. Розанова и вижу, что российская история и в самом деле циклична. Не знаю, где как, но в русской жизни спустя сто-

летие всё возвращается на круги своя. Всё повторяется. Никакого движенья вперёд за эти сто лет. Никаких выводов не сделано. Словно нет никакого опыта.

***

Мне всю жизнь приходится поправлять людей: не Яша меня зовут, дескать, а Яша, что не одно и то же. Раскрою подоплёку происхождения непривычного своего имени. Мама рассказывала, что когда я родилась, то не сразу закричал, как полагается. Акушерка Дюр довольно долго возилась со мною, держа меня за ножки вниз головой, шлёпала и шлёпала по ягодицам и спине до тех пор, пока я не заорал. Тогда Дюр небрежно швырнула меня к матери на кровать и с радостным облегчением сказала:

– Яша, кэпэй оглы! – что в переводе с азербайджанского значит: «Живи, сукин сын!»

Так, с лёгкой руки акушерки Дюр, назвали меня говорящим именем Яша – живи, так сказать. Многие годы спустя мама показывала мне спасительницу мою – одинокую состарившуюся женщину с заячьей верхней губой и крашенными хной волосами. Тоже ведь жестокая ирония судьбы: всю жизнь помогать приходиться в этот мир чужим детям, а самой остаться бездетной.

***

По-удински сумерки – вахтсус, что буквально означает: без времени, отсутствие времени, безвременье...

Это же точь-в-точь смысл известной русской фразы: между собакой и волком...

***

Темечко, или родничок на головке младенца по-удински – питпиткал. Как трепетно, нежно и хрупко пульсирует фонетика в слове «пит-пит-кал».

Интересно, только мне как носителю родного языка так кажется или для русского уха так же слышно?

***

Слово «татарин» по-русски, помимо прочего, означает ещё и кнут (в словаре Даля: «Татарка, ряз. – ногайка, короткая, толстая плеть»).

А по-удински кнут – звучит просто: татар. Татарин – тоже: татар.

Сколько исторических коллизий за всем этим кроется – если хорошенько вдуматься.

***

Какие дивные удинские мужские прозвища: Тумпак – Курдюк, или Фитити – Свистулька.

Нужно ли растолковывать их?

Кажется – незачем, и так всё понятно и даже хорошо видно обладателей этих прозвищ.

***

Я заметил: многим людям малая родина нужна для хвастовства. Раз в год или того реже приезжают в родные места, чтобы похвастаться мнимыми успехами.

***

Самая большая моя утрата в жизни не малая родина. Даже не потеря отца в раннем возрасте. А задолго до моего рождения погибшие на фронте мои деды.

Поэтому я не в силах сдерживать слёзы, когда читаю книжку или смотрю фильм о войне.

***

Мне всегда кажется, что всё замечательное у меня впереди. Для меня вся прожитая мною жизнь – всего лишь что-то вроде дебюта.

А многие люди вокруг как бы доживают свою жизнь. Скажем, ему нет ещё и тридцати, но у него всё уже случилось: он больше ничего не ждёт.

***

В 90-е годы с доцентами университета К. и Б. ходили на квартиру умершего старого профессора-филолога. Анемично тихая вдова по дешёвке распродавала библиотеку учёного. Купили почти за бесценок по несколько книг. Лично я взял В. Кожина «Стихи и поэзия», П. Палиевского «Литература и теория» и увесистый четырёхтомник «Русские писатели о литературном труде».

После немного посидели на скамье на сутолочном центральном проспекте. Поговорили о диких нравах тех лет, когда всё продавалось и покупалось.

– Как хорошо, что мы не продались, – сказал я запальчиво, достал сигареты и закурил. – Сохранили в чистоте свою душу и свои занятия.

– А покупатель был?.. – усмехнулся Б. – Ведь понять, проданся или нет, можно с появлением реального покупателя.

Я задумался надолго, жадно затягиваясь сигаретой. В задумчивости молчали и К. с Б.

***

Ранним утром приехал на Ярославский вокзал столицы. Когда вышел из вагона, шёл сильный летний дождь. Добежал до станции метро весь промокший. Спустился на эскалаторе к кассам. Помещение забито людьми один к одному. Кое-как протиснулся в гущу обсыхающих тел. Стою себе за проездным билетиком. Угрюмо молчаливая с утра очередь продвигается медленно. Скучно ужасно, но куда не денешься – привычная для нашей жизни ситуация. В эту минуту в очереди к соседней кассе заметил женщину в светлом шёлковом платье – и у меня сладостно забилося сердце. Исподтишка взглянул ещё и ещё.

Платье на ней насквозь промокло и восхитительно нежно облепило выразительные женственные формы. Ростом за метр семьдесят, наверное, с длинными роскошными русыми волосами и такими же длинными ногами. С чуть вздёрнутой верхней губой и двумя крупными верхними зубами под ней – единственный, пожалуй, недостаток её зримого обличья. Я заволновался, как мальчишка, испытывая прилив щемящей грусти с шальным уколом мгновенного счастья. Я вообще всегда бываю счастлив от очертаний женской фигуры, украдкой увиденной в многолюдной толпе...

***

Тарасов говорил мне:

– Знаешь, не называй меня Вовкой. Хотя бы Володей. А лучше Владимиром Демьяновичем.

Чванов говорил мне:

– А вот за Владимира Михайловича ответишь. Называй меня Вовкой. Хотя бы Володей.

***

В молодости я знал парня из карабахских армян. Такого коренастого молодца со смоляными прямыми волосами и такими же чёрными густыми бровями. В течение нескольких лет он безуспешно поступал в театральное училище. Встретил как-то меня и говорит сокрушённо:

– Ара, Яша, они совесть не имеют, опять срезали меня.

– На что тебе сдался театральный? Иди в университет...

– Э-э-э, тоже скажешь, хоть стой, хоть ложись и умирай...

– Но если не можешь поступить. Нужно делать выводы...

– Какие выводы, Яша-джан, просто я армян, поэтому не принимают. Но ничего, я тоже хитрый армян, на другой год такое заготовлю, что никуда не денутся, примут как миленькие.

На излёте следующего лета встречаю его в новом обличи: волосы несурово соломенного цвета, хотя брови по-прежнему черны.

– Вот что тебе скажу, Яша-джан, хочешь волосы покрась, хочешь курносый сделайся и самые голубые глаза возьми себе, ничего не поможет.

– А тебе не кажется, что причина совсем в другом?

– В чём, Яша-джан? Я Тёркина так здорово читал..

– Пойми, они готовят артистов для русского театра...

– Вот и ты заговорил как они: для русского театра...

– В русском театре должна звучать русская речь...

– Хочешь сказать, что я плохо говорю по-русски, а?

***

Человек сидел передо мной и рассказывал свою жизнь. Это был крепкого сложения армянин с густой гривой седых волос. Говорил он с лёгким бакинским акцентом.

– У меня там было всё, что душа твоя желает: и четырёхкомнатная квартира, и новёхонькая машина, и дача на море, мои дети учились в хороших школах. Всё это в один день потеряли. Взяли с женой родителей моих, детей и тайком удрали из города, когда начались погромы. Во что были одеты, в том и уехали. Ничего не смогли вывезти с собой. Нет, не думай, я не жалуясь. Слава Богу, руки-ноги целы и голова на плечах имеется. Я сам инженер-строитель, и там прорабом работал, и здесь тем же занимаюсь. Всё утраченное восстановил. Теперь у меня почти в центре города дом из двенадцати комнат, и «мерседес» последней модели, и двухэтажная дача на Волге, и катер шикарный, и отца с матерью с честью и достоинством похоронил, и памятники им поставил, и дети мои окончили хорошие институты и работают на приличных местах. Короче говоря, сейчас живу даже лучше, и ничего не жалко из того, что там пропало. Но знаешь, брат... – Он неожиданно запнулся, глаза его заблестели. – Знаешь, брат, – повторил он, – чего никогда не смогу простить им: они моих детей лишили детства и юности. Просто

оставили без прошлого. Ведь там остались все наши фотоальбомы и видеокассеты. Теперь ни дети, ни мы, взрослые, не можем посмотреть и увидеть, какие все мы были когда-то в другой жизни. Понимаешь, брат, жалко только альбомов и видеокассет. Только их...

***

Я встретил тебя в молодом солнечном городе Мингечауре, что расположен на левом берегу красивой реки Кура. Ты была глuche яркой брюнеткой, и звали тебя Рэаной. Сидели с тобой в светлом стеклянном кафе и с удовольствием уминали хинкали из одной тарелки, запивая единственной бутылочкой холодного, слегка горящего жигулёвского пива на двоих. Я такого вкусного пива больше никогда не пил. После гуляли, взявшись за руки, вдоль синей-пресиней реки, и всё кругом нас восхищало, и мы частенько без всякого повода хохотали...

Без малого пятьдесят лет вспоминаю этот вроде ничем не примечательный денёк.

***

Я вырос сиротой – и кое-что понимаю в сиротстве. Не знаю почему, но мне кажется, в лучших русских людях изначально заложено что-то вроде чувства сиротства – вот этим чувством они мне близки...

***

По радио говорила русская женщина из Татарстана:

– Еду в автобусе, напротив татарская семья сидит, говорят по-своему, даже малый ребёнок и тот говорит по-татарски, всё это, конечно, хорошо, похвально, что ребёнок сызмальства изучает свой язык, но вот я завела разговор с ребёнком, и он ни слова по-русски не понимает, ну, ни полслова, ни звука не понимает – и мне страшно стало...

– Вы сами-то говорите по-татарски? – спокойно спрашивает корреспондент. – Вы ведь здесь родились?..

– Я?.. – удивляется женщина. – Нет, я не говорю. Что это я-то должна?..

***

Жена рассказывает о шумной драке этажом выше. И вот какая сложная фраза звучит:

– ...И тут выходит любовник матери жены киргиза – и начинается!..

***

– Ты не обижайся. Ну его!.. – сказал я. – Пусть несёт себе что хочет. Запомни: иной раз честная охулка даже лучше ходульной похвалы.

– Не говорите матом. Я сам не ругаюсь и от других слышать не могу, – возразил мне красивый молодой человек. – Так-то я ругаюсь, конечно, но матом – никогда!

Я с удивлением оглядел его. Парень вроде с двумя университетскими дипломами. По всему – успешен в жизни. Всегда шикарно одет. Ездит на дорогущем «мерседесе». У него жена и ребёнок, мать и отец, множество друзей, родимая страна и... чуть не сказал – родной язык. Как раз языка-то лишён, бедненький, иначе не принял бы за матерщину невинное словечко: охулка.

***

Истари принято уважать и почитать стариков. Хотя всяк знает как двадцатилетних мудрецов, так и семидесятилетних глупцов. Вообще почитание старости пошло, наверное, с тех времён, когда средний возраст человечества был невысок. Скажем, во времена Иисуса Христа – всего 22 года. Почтенный возраст тогда был редкостью – и оттого к старикам относились как к реликвии.

Теперь же наступили времена, когда почти перестали рождаться дети, и скоро в стране останутся одни старики, то есть молодых будет так мало, что на них станут показывать пальцем. Молодость станет реликтом – и, соответственно, пожилые люди, которых явно будет больше молодёжи, надо полагать, начнут с уважением и почтением относиться к молодости.

***

Сегодня у меня день рождения. С раннего утра звонят друзья-приятели, поздравляют. Позвонил и прозаик М.П.М., говорит:

– Привет.

– Привет.

– Понимаешь, я знаю, что сегодня должен позвонить тебе, но из-за чего должен звонить, не помню, забыл. Не знаешь, из-за чего я намеревался сегодня позвонить тебе?..

– Нет, не знаю, к сожалению, Михаил Петрович.

– Жаль, вдруг что-то серьёзное хотел сообщить...

***

Кому-то нужно и важно **слыть** – и это, в общем, легко достигается. Мне же хочется **быть** – всегда, везде и во всём, но редко мне это удаётся.

***

Есть люди, живущие в своё удовольствие. Для них вся жизнь – сплошной праздник. Ещё есть люди, вечно ждущие праздника, но так и не дожидаящиеся. А ещё есть люди – их больше всего – не различающие ни праздников, ни будней...

***

С каких-то пор замечаю за собой, что в каждом человеке, будь то конченый мерзавец или проходимец, выискиваю и нахожу что-то хорошее. Ни от кого огулом не отмахиваюсь. Раньше я категоричнее относился к людям. Старею, наверное...

***

Неизменно хорошим поведением отличается только пустоголовый межеумок. Мало-мальски самобытный человек в разное время и в разных ситуациях ведёт себя по-разному. Он живёт своим внутренним ритмом и своими оголёнными нервами...

***

Помню, как хорошо, с какой благодарностью, с каким сердечным расположением думал о Наталье Владимировне Ш. которая, работая в журнале редактором в отделе прозы, одобрила, всего лишь одобрила первые мои рас-

сказы и намеревалась предложить остальной редакции и членам редколлегии для знакомства. Я ног под собой не чуял от счастья!..

***

Володя П. так носился с рассказами Е. Попова, так усердно пробивал их в журнале «Волга», так расхваливал всякому встречному, а я Е. Попова не читал к тому времени и просил Володю – принеси, дескать, почитаю, а он всё обещал. И вот после того, как я лично познакомился с самим Поповым, Володя П. занёс его рассказы, напечатанные в «Новом мире», «Юности», «Сельской молодёжи» – всего 11 вещей. Я прочёл их и убедился: ничего-то стоящего в них нет, никчёмная литература. С Володей П., конечно, разругались по этому поводу. Поистине верно суждение: бездарь плодит вокруг себя исключительно бездарей, чтоб скопом защититься, отстоять пустоту и примитивность.

***

Была и есть нормальная литература. Были и есть всякие Дмитриии Приговы, Владимиры Сорокины, Евгении Поповы и прочие заправила современной русской литературы. Нормальная литература – это как нормальные дети, что рождались и росли во все времена и у всех народов. А вторые – это врождённые инвалиды, убогие дети, коих всегда жалели, внимательнее, чем к обычным детям, к ним относились, но никогда и нигде ими не подменяли нормальных детей. А именно это сейчас делается в русской литературе. Все здоровое рьяно и нагло подменяется явным уродством.

***

Чуткое сердце – врождённое, умное сердце – обрётённое.

Чуткое и умное сердце – вот что в первую очередь должен иметь писатель.

Головным же умом многие авторы в лучшем случае прикрывают свою наготу или заполняют свою пустоту.

***

Для истинного писателя нет вопроса любви или ненависти. Он всегда пребывает в муках любви и разочарований. Здесь его пожизненная драма.

Вместе с тем самого никчёмного человека, самого злого, самого проходимца надо писать если не с любовью, то хотя бы любуясь им. Художник должен быть пристрастным ко всем и ко всему.

***

Всю жизнь обонянием, слухом и зрением я постигал этот мир. Потому в моём писании ко всему отношение чувственное: к людям, животным, птицам, к деревьям, к вещам – ко всему, ко всему...

***

У нас проездом гостили дальние родственники. Так вот Григорий Александрович говорит мне:

– Я с удовольствием читаю ваши рассказы, сват. Длинные романы я не люблю, а рассказы, повести пока ещё читаю. Часто перечитываю ваши рассказы – и всякий раз что-то новое для себя нахожу...

И вспоминает какие-то живые подробности из моей прозы. Не это ли радость! Где-то за тысячи километров живёт шестидесятилетний мужик,

читает твои рассказы, помнит такие изумительные детали из твоих вещей, о которых ты и сам не всегда помнишь. Во имя таких мгновений всё и делается. Пока на земле будет хоть один такой человек, стоит жить и писать.

***

А тёща моя, кажется, ненавидит меня, точнее, не меня конкретно ненавидит, скорее, моё занятие литературой. Неделю тому назад я вслух читал ей один из своих рассказов, и ни звука, ни слова, ни полслова не услышал от неё. Одна напряжённая, сдавленная тишина, и не потому, что рассказ ей не понравился или там не поняла чего-то. Ей просто не по душе мой образ жизни, ей не нравится, что я не похож на её сыновей, что не пекусь с утра до вечера и с вечера до утра о материальном благополучии семьи, что целыми днями либо читаю, либо пишу, либо рассуждаю о чём-то далёком от насущных житейских проблем, словом, живу интенсивной внутренней жизнью и, что, пожалуй, самое ужасное, подчас того же требую от окружающих. Моя тёща однажды так и сказала мне:

– А ты не анализируй всё подряд, поменьше думай и рассуждай, не мучай ни себя, ни других – живи просто, и всё будет хорошо.

***

Есть ли хоть один человек среди родни или друзей, кому я мог бы запросто позвонить или прийти к нему и признаться, что мне плохо, что мне невыносимо жить дальше, что я больше так не могу?..

Нет, такого человека, пожалуй, у меня нет.

***

Мне приснился удивительный сон, вернее, настолько нелепый и дикий, что не знаю, как и записать: будто я запросто, одним лёгким движением снял со своих плеч свою голову, поставил на журнальный столик перед собой и стал аккуратно подстригать усы, подравнивать волосы на затылке...

***

Написать бы нечто такое: безнадежно больные мужчина и женщина влюбляются друг в друга. Оба знают, что всё кончено, что жить осталось совсем недолго, но никак не могут сладить с чувствами – любят, и всё.

У них у каждого есть семья, прошлое, множество отношений, обязанностей, но всё это утратило смысл, важность пред неминуемо приближающимся концом. Им ничего уже не интересно, кроме столь запоздало вспыхнувшей взаимной любви.

***

Видя, как в фильме какой-то тип грубо добивается женщины, насилует её, чувствуешь свою личную вину. Не осуждаешь того типа, не гневаешься – а чувствуешь вину и стыдишься. Отчего так – не знаю.

Может, оттого, что ты тоже мужчина, а может, и кто-то из твоих предков так же поступал – и тебя гложет, так сказать, вина на генетическом уровне?..

***

Всегда шикарно одетая молодая женщина, круто налитая, крепкая, красивая всем, кроме тонких, в ниточку, бледных губ, говорит о муже, что, мол,

хрен он от неё чего ночью получит, если днём не заработает тысяч пять помимо зарплаты.

***

Помню, как я научился плавать: полез в воду и поплыл, потому что видел, как плавают другие. Так и в автошколе впервые сел за руль и поехал, поскольку замечал до этого, как другие управляют автомобилем. Это самый лёгкий и верный путь во многих начинаниях.

Только чувствам нельзя научиться таким образом..

***

Я легко написал книжку «Запах айвы» потому, что не думал, что пишу книгу, в течение многих лет просто записывал картинки и свои размышления, как бы делал заготовки, что-то даже публиковал, но спустя время оказалось, что складывается вполне добротная книга. В те годы я жил тяжёлой жизнью, а книга писалась легко. Просто записывал за собой – и всё..

***

– В этом мире ведь почти всё замызгано, значит ли это, что и писать больше не надо?..

– Писать очень даже надо. Но в том-то и дело, что пишут миллионы, а поэтом в лучшем случае становится один, и только потому, что находит свежие, трепетные, живые слова. Поэзия не может и не должна быть замызганной, как и женщина истинная – она должна быть безупречно чистой и подлинной, как и родниковая вода, как и вино, зачерпнутое из огромного кувшина, зарытого в землю, как улыбка младенца, как сок в стебельке розы перед рассветом..

***

Такой диалог:

- Он на хорошем счету.
- У кого?
- Что у кого?
- На хорошем-то счету.
- У всех.
- Так не бывает..
- Что не бывает?
- Чтобы жил человек – и был у всех на хорошем счету. Самый порядочный и добрый человек – у кого-то должен быть на плохом счету.

***

О писании, точнее, о том состоянии, когда не пишется: внутри у меня всё кипит и бурлит, так и мелькают картинки, живые эпизоды, звучит какой-то говор, но я не в силах выхватить самого себя из этого кипящего и бурлящего котла – и стать как бы сторонним наблюдателем всей этой стихии.

Нашёл наконец точный ракурс. Надо выбраться из всего того, что в тебе происходит, отойти как бы в сторонку и поглядеть на всё это чужими глазами.

***

От стыда не говорил матери и сёстрам, что публикую свою прозу бесплатно, что за неё не платят гонорары..

***

- Какое изобретение человечества для тебя самое главное?
- Как это? – спросил я. – Единственное – за всю-то историю?
- Ну да, – кивнул он. – Самое значительное лично для тебя.
- А... книга, – подумав, сказал я. – Без сомнения – это книга.

***

Когда дочка была маленькая, иногда по выходным водили её отдыхать к роднику на горе за автовокзалом. Мы с женой устраивались на подстилке над самым родником, слушали мерное журчанье струящейся из желобка воды и смотрели на отлого уходящие вниз мутные виды города. Дочка тем временем носилась неподалёку, визгливо радуясь каждой травинке, птичке или бабочке. Иногда жгли костерок из сухих сучочков, жарили на нём мясо или сосиски на прутках и лакомились, запивая ледяной родниковой водой.

Однажды дочка поймала махонькую ящерку и поместила в бутылку из-под минералки. По настоянию дочки принесли рептилию домой. Целую неделю она жила у нас в трёхлитровой банке. Дочка с женой спускались в сырой подвал нашего дома и подолгу с весёлыми криками-воплями ловили там комаров, чтобы накормить нечаянную гостью.

Вечерами вытряхивали ящерку из банки на стол и сами рассаживались вокруг стола. С умилением наблюдали за тем, как ящерка, с изящным сереньким чешуйчатым тельцем, с блестящими чёрными глазками, юркает по столешнице, перебирая оттопыренными лапками с нежными коготками, и вся пульсирует с головы до хвоста. Скоро она стала всеобщей нашей любимицей.

Но кормить её изо дня в день становилось всё труднее. Кроме комаров, она ничего не ела, да и тех подавай ей только живыми, если насекомое не шевелилось, близко не подходила. Жене тоже поднадоело гоняться по подвальным помещениям. Предложили дочке отпустить ящерку на волю. Дочка сперва наотрез отказалась. Но похныкала денёк, похныкала другой и как-то поняла, что ящерка и вправду может умереть с голоду, сама спустилась с банкой во двор и выпустила её за гаражами.

***

Бывало, когда моя пятилетняя дочка о чём-то спрашивала меня и я отвечал ей:

- Вряд ли, доча.
- Она переспрашивала:
- Вряд ли – да, папа, или вряд ли – нет?..

***

Больше недели жили без денег. Хлеб жена приносила с работы, картошку заняли у соседей, и как-то перебивались: консервы в подвале были, чуток мяса в морозилке. И вот к 23 февраля, к мужскому празднику, дочка-первоклашка, вернувшись из школы, подарила мне довольно дорогой блокнот. Стали дознаваться: где взяла деньги? Долго убеждала нас, что нашла денежку, шла по школьному коридору и нашла. Нам, конечно, не верилось, мы осторожно, без напора, высказывали недоверие, и наконец она созналась: заняла, мол, у подружки, чтоб купить папе подарок. Я едва не прослезился – так растрогался. Деньги, само собой, дали ей после, дабы вернула подружке, но я всё не мог успокоиться: как это она, а?..

***

Наш с дочкой поход в школу – всякий раз неповторимое событие, кстати, как для меня, так и для неё. Нам нравится утром вместе выходить из дома, мы всё вокруг подмечаем, радуемся каждой мелочи, мы постоянно беседуем, рассуждаем обо всём – мы живём по пути в школу, то есть для меня довести дочку до школы является не тривиальной обязанностью, а полной прелести полноценной жизнью...

***

Я бываю счастлив, слезливо счастлив, когда чувствую, что нас с женой и ребёнком только трое в жизни, более никого – я, жена и дочь, хотя она, наверное, всего этого не сознаёт, – но мы как-то чисто, нежно, слёзно счастливы и чутки друг к другу, когда ощущаем себя одинокими в этом мире.

Эх, не то, не так записал. Не сумел. А как хорошо чувствовал мысль в начале фразы...

***

«Уже другим голосом, поспешно утерев слёзы, голосом матери, притерпевшейся к своему горю, привыкшей скрывать от дочери заботы о ней, чтобы не раздражать её и не вызвать гнев, с робостью и лаской она сказала дочке...»

В одной этой незаконченной фразе для меня сокрыто столько чуткости, любви и нежности, чего не обнаружишь и в целом романе иного современного автора.

***

Во мне целый заповедник сокровенного, и я делюсь этим сокровенным с читателем – вот и вся моя задача как пишущего человека...

***

В общепринятом смысле он всегда слыл отменным мужем. Но я знаком с ним более сорока лет и точно знаю, что он постоянно всего лишь играл безупречного мужа. Был лицедеем в роли идеального семьянина...

***

Огромный город. Старое кладбище посреди города. Я и Валерий В. на этом кладбище. Сидим среди чужих могил и выпиваем помаленьку. Валера всё жалуется на жену, без конца говорит, что деться ему некуда, что на малой родине с матерью и братом он жить не может – отвык от них давно, и в своей семье всё его раздражает: жена вконец обнаглела, став начальницей на работе, чуть что – истерики закатывает, и дети совсем от рук отбились, оскорбляют его, помыкают, прямо из дома выгнать готовы...

Я слушал, слушал и возмутился, сказал, что он сам посадил детей себе на шею, помнишь, спросил я его, как ты поправил меня, да так по-хамски, что мне неловко стало, дескать, не Танька она, дочка, а Татьяна, и это при ней, при сопячке шести или семи лет, а теперь ей все восемнадцать, и ты пожинаешь плоды.

Да и как ты с женой себя вёл, всю жизнь по выходным стирал вместе с нею, отжимал бельё и развешивал, а по будням она карьеру делала, пропадая на службе до позднего вечера, когда ты для неё щи варганил, уроки

с детьми делал, пока она в люди выбивалась и выбилась наконец, ты же сидишь себе дома и то пишешь, то нет, весь на нервах, и выпиваешь часто, а когда выпиваешь, дуреешь, щетинишься на всё и вся, и жена, ясное дело, старается окончательно подмять тебя, ощущая явное своё превосходство...

– Да ну, что из того, – перебил он меня, – что стирать я помогаю?..

– Как можно мужику стирать, имея в доме трёх крепких женщин?!

***

Ты любишь жену и ребёнка. Быть может, любишь тоньше и сильнее, чем любят многие и многие своих жён и детей, ибо у тебя они поздние. Но ты не можешь позволить, чтобы они ограничивали твою свободу. Они могут овладеть твоим временем, твоими интересами, но лишит тебя внутренней свободы, втиснуть в какую-то расхожую форму жизни и управлять твоей душевной стихией, насесть на волю – этого ты не можешь позволить им.

***

Я гостил у своей сестры в кубанской станице. У сестры частный дом с отдельной летней кухней и просторной кладовкой для консерваций и прочих припасов. Большой участок земли с огородом, фруктовыми деревьями, цветами, курами и скотным двориком. Скотину они уже не держали: возни с ней многовато, а толку совсем ничего. Все три взрослые дочери живут в краевом центре, а самим с мужем нужно всего немного. Исправно получают незначительные свои пенсии. Вдобавок муж соорудил парник для ранних огурцов. Такую нехитрую конструкцию из металлических дуг обтянул прозрачной плёнкой в два слоя, получилась отличная теплица длиной пятнадцать метров и шириной более трёх. Две добротные грядки с удобной дорожкой посередине. Хлопот с этой теплицей немало, конечно, зато к майским праздникам поспевают свежие огурчики. Хватает и на свой стол, и девчонкам в город изредка отправляют, и на станичный рынок на продажу по два-три ведра в день выносят.

Дом сестры на самом краю станицы. Дальше просто нет жилья, сплошное безлюдное раздолье полей и садов. Рядом с домом, метрах в десяти от калитки, за густой зарослью камыша течёт мелководная река Челбас. На этой реке постоянно кормятся и шумно резвятся дикие утки. Зять мой прорубил широкий просвет в зелёной стене камыша и соорудил удобный для рыбалки дощатый мосток на сваях. Садись на табуретку на этом мостке, ставишь перед собой ведро с водой, баночку с червями – и рыбачь в своё удовольствие. В реке водятся и линь, и окунь, и сазан, и щука, но на удочку хорошо ловятся в основном красноперка да карась.

Всё светлое время суток я почти постоянно пропадал на реке. С утра пораньше выходил во двор. Молчаливая спросонья сестра собиралась на рынок с огурцами. Кругом стояла безмятежная тишина. Лишь где-то далеко в станице сварливо гоготали гуси. Да над шиферной кровлей дома на маковке старой телеантенны сидел голубь витютень и, надувая зоб, глухо стонал. Я вытягивал из-под застрехи навеса над крыльцом раскладную удочку, подбирал баночку с выкопанными с вечера червями, миску с подкормкой и отправлялся на реку. Под вишнёвыми деревцами по-над берегом с интересом останавливался. Хотя вишню давно обобрали, но если всмотреться пристальней в гущину листвы, то можно обнаружить вызревшие до черноты крупные вишенки и насладиться поздними гостинчиками природы.

Когда я ступил на мосток, река блистала мелкой рябью и вся курилась золотистым паром. Я сел на табуретку и начал раскладывать удочку. Тотчас откуда-то появлялись две знакомые кошки, одна рыжая, другая чёрная, по-хозяйски устраивались позади меня на мостке. Так они лежали всё время и терпеливо ждали, когда сорвётся с крючка рыбка, чтобы подхватить её и опрометью кинуться прочь с добычей в зубах. Клёв сегодня будет хороший, наверное: то совсем близко, то подальше всплёскивает рыбёшка. Даже крупная рыба сочно чмокает, пуская по речной глади большие круги. Швыряю в излюбленное своё уловистое место несколько комков подкормки и закидываю удочку. Рыба мне особо не нужна, в сущности, сам я съедаю не более трёх карасей за раз, сестре же с зятем вовсе надоела она. Мне просто нравится находиться наедине с самим собой. Сидеть в тишине и думать о своём наболевшем.

Тишина на реке относительная. На самом деле не слышны всего лишь человеческие голоса. Остальная природа шумит себе безумолчно. Камыши от лёгкого ветерка шелестят. Вода под мостком вяло плещется. Стрекозы шуршат слюдянистыми крыльшками. Водоплавающие дикие птицы гомонят невдалеке: вот они ныряют и выныривают, взлетают и садятся, гонятся друг за дружкой все эти кряквы, нырки, чирки, чернети и бог знает кто ещё, творят свою колготную, шумливую жизнь. У дальнего берега важно вышагивает на тонких длинных ногах элегантная серая цапля.

Поплавок мой тем временем постепенно перемещался к стустку зелёной тины, я взялся за удилице, желая вернуть его на прежнее место. Но неожиданно леска натянулась, и я с изумлением вытянул из воды крупного карася. Он не бился на крючке, даже не трепыхался, просто висел как неживой, не делая никаких движений. Кошки тотчас оказались перед моими ногами. Но карась не сорвался с крючка, и я не выпустил его из рук, и разочарованные кошки вернулись на свои места.

Я сидел и думал о жене с дочерью. Я уехал из дома после шумного семейного скандала. Всё началось с самой заурядной стычки. Я пришёл домой чуток во хмелю, и жена с порога встретила меня вопросом:

- Ты что – опять?
- Что я – опять?..
- Напился! И на работу ко мне притащился и опозорил меня...
- Ах, значит, я тебя опозорил?..
- Да! Да!.. Ты меня опозорил!..
- Перед кем – хотелось бы знать?
- Перед той же Петровой!..
- Перед Петровой, значит, я тебя опозорил. Пришёл туда пьян и попросил её позвать тебя и тем самым опозорил!..
- Да! Да! Да! Опозорил!..
- Перед той самой Петровой, которую вы своим женским кагалом в своём садике оставили старой девой?
- Как это мы её оставили старой девой?..
- А так! Ей ведь уже за сорок, а она всё ещё на детских утренниках на Новый год играет Деда Мороза, а на остальных праздниках – Бабу Ягу, и это из года в год. Вот перед этой Петровой я тебя опозорил, и только тем, что пришёл к вам слегка выпивший!..
- Да, ещё как опозорил! А сам постоянно красивые слова твердишь о высоких материях, достаёшь меня придирами! Как ты так можешь, а?..

– Могу, милая. Не злись и не обижайся. Ведь своей придирчивостью я всего лишь сбиваю с тебя рутинные стружья..

– Скоро сам алкогольными стружьями покроешься!..

Я не стал разуваться. Развернулся и как был с папкой под мышкой выскочил из дома. Гулял себе по городским улицам и думал о своей жизни. Где-то за полночь со мной в попутчики увязался хорошо одетый молодой человек: мне тоже, мол, не спится, поспоняемся вместе. Со стороны он смотрелся вполне приличным парнем, вежливым и понятливым. Я много говорил. Само собой, не о раздоре с женой распространялся, всё больше на отвле- чённые темы, чтобы хоть как-то развеяться. Парень прилежно соглашался со всем, что я говорил, мы гуляли себе и дружелюбно, как мне казалось, беседовали, как вдруг неожиданно и резко он сказал:

– Дай папку!

В руках у меня была папка из кожзаменителя с одной городской газетёнкой с моей публикацией и блокнотиком с ручкой. Я ответил:

– Я не понял, что вам дать?

Он нетерпеливо выкрикнул:

– Папку, говорю, дай сюда!

Удивлённый, я невольно протянул ему папку – он выхватил её и побежал прочь.

– Там ничего нет, парень, пустая она!.. – крикнул я вдогонку. – Куда же вы?!..

Но он даже не оглянулся, он завернул в какой-то переулок и исчез. Я озадаченно постоял на месте и, помнится, досадливо произнёс:

– А как хорошо говорили – и вот на тебе...

Потом, шагая себе дальше, возмущался:

– Да что же это такое – что за день такой дрянной?!

А назавтра жена с новым ожесточением навалилась на меня.

– Ты плохой человек, – сказала она. – Ты всем плох. Единственно сносное в тебе – Бог одарил тебя талантом. Но тут нет твоей заслуги. А во всём остальном – я повторяю: ты плох, гадок, омерзитель.

Я малость оторопел. После задумался над её словами и понял: она во многом права. Многим я плох: я раздражителен, безрассуден и безответственен. Но всё это именно потому, скорее всего, что Бог одарил меня хоть малым, но даром, и потому изначально, от рождения – я другой, и ничего с этим не поделаешь. Вся разница между нами: она хочет жить и живёт, а я думаю о жизни и почти не живу, вернее, живу не так, как живёт она, как живут многие, как принято жить. Но кем это принято – никак не пойму.

Не знаю, как же мне быть, когда весь я увязлён тяготами повседневной жизни. Когда за последние годы попорно и потеряно буквально всё, что тебе дорого и чем ты жил. Наверное, просто нужно махнуть на всё рукой – и уйти в себя, жить только тем, что тебе по душе. В любой ситуации, при любых обидах, утратах нужно искать в себе что-то светлое и надёжное. А там и жизнь, глядишь, наладится, и добрые люди появятся, и душа твоя взгрустнет и запоёт. Это всегда случается, если не теряешь надежды и постоянно заглядываешь в себя. Безвыходных ситуаций в жизни нет. Но есть малодушие и чрезвычайный эгоизм в каждом из нас. Я давно заметил, что любовь искренних и совестливых людей – это почти всегда несчастье. Не знаю, отчего так происходит.

В принципе, я смог бы развестись с женой. Тяжело, с муками, но смог бы. Но вот без дочери не смог бы жить. Без дочери я просто умер бы. Так мне кажется. Но ведь она скоро вырастет, выйдет замуж и, пожалуй, жить

с родителями не будет. Как же я тогда перенесу разлуку с ней? Тогда – это другое, подсказывает разум. Тогда – это естественно. Тогда это природа. А так, а сейчас, разлучать дитя с отцом – хуже ничего не может быть. Сейчас она нуждается во мне. Сейчас и я нуждаюсь в ней больше, чем когда-либо в будущем может случиться. Конечно же, сегодня больше всего я люблю свою дочь. Люблю больше своей матери. Больше своего брата. Больше своих сестёр. Больше жены. Больше малой родины. Больше литературы. Больше всей жизни люблю свою дочь...

Слышу с мостка, что сестра вернулась с рынка. Громко переговаривается с мужем. Муж из года в год слышит всё хуже, и ей приходится кричать. Скоро сестра зовёт меня завтракать. Я складываю удочку, швыряю карася кошкам и шагаю к дому. Садимся за стол под виноградным навесом. Сестра накрывает на стол. Зять выносит из кладовки трёхлитровую банку с красным домашним вином.

- Что это свою кислятину сразу выставил? – говорит сестра.
- Что? Что ты говоришь – не пойму? – переспрашивает муж.
- Кому твоя кислятина нужна – спрашиваю? Тоже мне вино...
- Очень даже хорошее вино. Ничего в винах не понимаешь.

Сестра не возражает. Молча приносит и ставит на стол початую бутылку водки. Выпиваем с зятем по рюмашке и закусываем холодными кусочками куриной грудки. Следом зять разливает из банки вино по стаканам. Сестра прикрывает свой стакан ладонью и говорит с усмешкой:

- Благодарствую. Я уж как-нибудь без вашего вина обойдусь.
- Что ты говоришь? – спрашивает зять. – Тебе сладкого вынести?..

Сестра с лукавинкой в глазах улыбается. Отвечает с задором:

- Конечно, и вина налей, и музыку заведи, попляшем на пару.
- Что ты говоришь? Тебе музыку включить? Объясни толком...

Сестра лениво машет рукой. Далее едим почти молчком. С редкими короткими репликами. Мне нравится наблюдать за сестрой и её мужем. Их отношения полностью и окончательно устоялись. Они ничего нового не ждут от жизни. Все ожидания и тревоги только о детях и внуках. Самим больше ничего не нужно. Правда, несколько лет назад сестра перенесла тяжёлую хирургическую операцию, но всё вроде обошлось. Теперь остаётся жить и радоваться каждому дню.

– Вот когда работал в школе, тридцать раз подтягивался на турнике, – говорит зять ни с того ни с сего, наливая по второму стакану. – А сейчас и трёх раз не смог бы...

Сестра улыбается и подначивает мужа:

– Ты давай ещё о службе в армии расскажи. Ты понимаешь, – поворачивается она ко мне, – все разговоры у него о школе и армии. Будто больше ничего не было в его жизни. Вот счастливый человек – сто лет проживёт...

– Ты что говоришь? – возмущается зять. – Какие сто лет? Мне ещё семидесяти нет...

Зять всю жизнь проработал учителем физкультуры. Сестра медсестрой в поликлинике. Много добра не нажили, конечно, зато врагов и завистников тоже нет. Живут себе, ни от кого не завися и никому не завидуя, и горя не знают.

– Слушай, сходи кур выпусти, – говорит сестра мужу. – Пусть походят, лапки промнут, травки поклюют.

- Чего? Чего ты говоришь?
- Кур выпусти, говорю же.

– А-а, кур, значит, забыли...

Зять идёт выпускать птиц. Я закуриваю, любуюсь роскошно цветущими неподалёку кустами роз. Витютень всё стонет над крышей дома. Куры шумным косяком выбегают на волю и разбредаются по простору за штакетником. Суетливо копошатся в густой траве-мураве. Воинственным стражем одиноко вышагивает молодецкий пёстро-яркого окраса петух с огненным трясущимся гребешком.

– А петух-то красив, чертяка! – замечаю я.

– Красив-то – красив, но очень жестокий, негодник. Напарника насмерть заклевал.

– Как это?

– Их два петуха было с одного выводка. Вместе росли и вроде мирно жили. А прошлой весной этот в кровь забил второго. Не успела даже зарубить, чтобы мясо не пропало. Когда вернулась с базара, тот мёртвый валялся в курятнике. Теперь один остался на целых девятнадцать несушек. Зато видел бы ты, какой он дамский угодник. Вот посмотри...

Сестра взяла из вазы печеньё и кинула за штакетник. Петух тотчас подбежал, прыжал лапой печеньё к траве и громким клёкотом зазвал подружек. Несушки бегом стянулись к нему. Он убрал лапу с угощения и отступил в сторонку, куры стали суматошно клевать печеньице, а он стоял гордый и с царственным достоинством наблюдал за всем этим. Потом ещё и залиvisto кукарекнул, вытянув шею, возглашая мир о своём гареме.

– Эй, муж, прихвати с кухни арбуз! – крикнула сестра в сторону дома и мне сказала: – На рынке первые арбузы появились, купила один разговеться.

Скоро зять притащил увесистый пакет, выкатил из него полосатого красавца, взял его двумя ладонями, поднёс к уху и сильно сжал, желая услышать характерный треск. Если арбуз спелый, он трещит изнутри. Сестра опять не преминула посмеяться над мужем:

– Ты же вроде глухой, что там можешь услышать? Или, может, врёшь, что глухой?..

– Что ты говоришь? – сказал зять привычное, устанавливая арбуз на столешнице. – Какие сейчас могут быть арбузы? До хороших арбузов ещё жить да жить.

Затем взял нож и стал пластать его, с хрустом разваливая на аккуратные дольки. Арбуз оказался вполне красным и сладким. Съев всего кусок, сестра сходила к летней кухне и принесла тазик с зелёной фасолью. Вывалила на стол кучу стручков и стала чистить. Возьмёт салатový стручок, оборвёт хвостик, оборвёт другой, разломит на три-четыре части и кинет в тазик. Только и слышно ритмичное и уютное: хруст-хруст-хруст...

– Пойду ещё немного посижу, – сказал я. – Может, кого покрупнее поймаю.

– Посиди, если не надоело, – согласилась сестра. – Только крупной рыбы там нет.

Шагнув на мосток, я замер, замороженный чудесным зрелищем. По реке ровной вереницей плыло семейство лебедей. Белый лебедь впереди, белый лебедь позади, а между ними восемь крупных бледно-коричневых лебедят. Они плыли совершенно бесшумно и строгим порядком: все смотрели только вперёд и расстояние между всеми идеально одинаковое. Неожиданно из строя выбился лебедёнок, отплыл в сторонку, и всё семейство, как по команде, замерло на месте. Взрослые лебеди изогнули изящные шеи и молчаливо смотрели на нарушителя, и скоро тот покорно вернулся в строй, и караван лебедей чинно двинулся дальше...

**Александр
ЛАЙКОВ**

...ТОЛЬКО РОДИНЫ СВЕТ

***

В моём краю в яры вырастают вербы,
А в корни верб – стальные якоря.
В белёных трубах воют злые ветры,
И жизнь хранят сугробы января.

Как ржавый бинт, рывком сорви коросту,
Заройся в снег по локоть – и замри! –
Почувствуешь, как маленький отросток
Толкается в ладошку от земли.

Пускай живёт и греется до срока.
Зачем губить зародыш вербы зря?
Его судьба прекрасна и жестока –
Держать корнями в бурю якоря!

***

Анатолию Чеснокову

Я в прошлом столетии печь затопил –
Завыла чугунная вьюшка!
Дымком потянуло до самых стропил,
И брагой наполнилась кружка.

-
- Александр Дмитриевич Лайков родился в 1953 году в посёлке Икрязное Астраханской области. После окончания Астраханского педагогического института работал учителем в сельской школе, служил в частях ПВО, был корреспондентом и редактором газет, заместителем редактора литературного журнала «Симбирск». Один из создателей и составителей ульяновских альманахов «Карамзинский сад» и «Беседка муз», журнала «Симбирск», поэтических полос и сборников местных литераторов. Автор поэтических сборников «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Публиковался в литературных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Поволжья и Сибири. Стихи А. Лайкова вошли в антологию «Ульяновская словесность: начало 21 века» (Ульяновск), переведены на венгерский язык и опубликованы в журнале «Зов» (город Будапешт). Лауреат нескольких журналистских премий, поэтической премии им. Николая Благова, Международного поэтического конкурса им. Игоря Григорьева, литературного конкурса им. Мусы Джалиля в Астрахани, конкурса одного стихотворения в Красноярске и других. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Ульяновске.

А угли с шипеньем стреляли к ногам,
Как брызги ядрёной вишнёвки!
И, босый, молился с похмелья снегам
Кудрявый поэт из Теньковки.

Замёрзнешь, дружище! Ступай-ка ты в дом,
Согрей свою душу и тело...
Опять по России раздор и содом,
И тьма бесенят налетела.

Но рано нам мерить терновый венок,
Обжёгшись о холодность мира:
За нами – Россия: Языков и Блок
И Пушкина звонкая лира!

Подкинем поленьев, чтоб дым к небесам,
Чтоб в стужу запели капли.
А утром поклонимся древним местам,
Где вечнозелёные ели,

А самая старшая память хранит
О встрече друзей достоверно.
...Истлеют дискетки и рухнет гранит,
Одно только Слово – бессмертно!

Ты слышишь, дружище, певучую речь?
Не все ещё песни допеты!
Кудрявый потомок затопит нам печь,
Чтоб в круг собирались поэты.

***

Александр Дашко

Я наелся ягод волчьих,
Стал, как волк, матёр.
Посреди заветных строчек
Запалил костёр.

Здравствуй, Волга, бакен-пеленг
И столетний вяз,
С камышом в кувшинках ерик!..
Я сегодня – ваш!

Там, где был я, мир порочен,
Город – нелюдим.
Кто-то плачет, кто хохочет,
Кто-то пьяный в дым.

Кто обрывом – там, где омут,
Два шага – и вниз...
Не рассказывай другому
Про такую жизнь!

Про утраченную нежность
К деревьям и псам,
Как бродил я, безутешен,
По глухим лесам.

Как зверел в плену бессонниц,
Как, бывало, пил...
Не предал друзей и совесть,
Тех, кого любил.

А вот к небу был причастен:
Я – рыбацкий внук,
Заселял, как Бог, Прикаспий
Малышнёй белуг.

В ПВО, на дальней «точке»,
Был судьбой храним.
...Я хочу не ягод волчьих –
Горсточку рябин!

НОСТАЛЬГИЯ

Это осень, мама, осень.
Иней на листве.
И роятся мысли-осы
В буйной голове.

Облетает рыжий волос –
Плата за стихи.
И как будто расколось
Сердце от тоски.

Вспоминаю Волгу, вербы,
Первые слова...
Как давно я дома не был,
Не колал дрова.

Сор в глаза и драйв по нервам!..
Но назло врагам
Остаюсь, как бакен, верным
Здесьним берегам.

Здесь – цветы живые в банке –
Память о сестре.
Я поправлю фото в рамке
На седом бугре...

А года бегут как поезд
И резвей коня.
Но чиста душа и совесть
В чёрной злобе дня.

Здесь – печаль моя и радость,
Горе от ума,
И любовь с горчинкой малость,
Посох да сума.

Сколько я дорог протопал
Пешим по Руси!
Жди меня, дружище-тополь,
Вишня, не грусти!

Завтра к отчему порогу
Выйду на заре.
...По утрам знобит немного –
Осень на дворе.

ПРИМЕТА

Когда под моряной пружинили ветки
И волны качали изменчивый мир,
Я бросил на стрежень три звонких монетки,
Чтоб снова вернуться к реке Бахтемир.

Чтоб снова увидеть морские разливы,
По берегу детства пройтись босиком...
Услышать, как в сумерках падают сливы
И гуси на Каспий летят косяком.

Чтоб вспомнить друзей закадычных ватагу,
Футбольные страсти и знойную тишь...
Но там, где купал я гнедую конягу,
В протоке шумит шелопутный камыш.

Белёские чайки похожи на плавки,
Рыбацкие шляпки гребут по волнам.
И вечный трудяга – знакомый мой бакен –
Рисует фарватер гудящим судам.

Я помню: под вётрами дымно и жарко,
Мы смолим бударку с умелым отцом.
...Где вётры и добрая наша бударка?
Спилили тутник у ворот за крыльцом...

Под ним мы в обнимку с девчонкой сидели,
Всё было впервые и сложно у нас.
И сердце стучало на самом пределе,
Как севший на мель одинокий баркас.

...Гуляет моряна, и сушатся сетки,
И чалится к пирсу могучий паром.
А я уезжаю. Бросаю монетки...
И белая лебедь мне машет крылом!

***

От рожденья до вечности –
Только Родины свет.
Вновь за окнами плещется
Волга в сизый рассвет,

И туман над осокою
Вяжет млечный узор...
Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

Там под шиферной крышею
Распевает скворец,
Под раскидистой вишнею
Вяжет снасти отец,

Там у мостика с яликом
Рай для жёлтых утят,
Пахнет морем и яблоком
И золою утрат.

Там под сливой на лавочке
Я девчат целовал.
Мама, милая мамочка,
Ставь скорей самовар.

Мы нащёлкаем чурочек,
Чтобы круче был чай,
Прибауткою-шуточкой
Всю разгоним печаль.

По обычаю веником
Подметём у ворот.
Над Икрянкою-ериком
Красно солнце замрёт.

И, подковами цокая,
Конь взлетит на бугор.
...Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Жизнь! Нечаянная радость...

Анатолий Жигулин

Здравствуй, мама! Я приехал.
Сколько света в этот день!
Даже тени от ореха
Упорхнули за плетень.

Где же праздничная скатерть?
 Рыбный с корочкой пирог?
 Слышу я сквозь стон и кашель:
 «Захворала я, сынок.

Всё болит, и нету мочи.
 Исушила жажда плоть.
 Видно, в пасмурную осень
 Приберёт меня Господь».

Леденящий мамин голос
 Сердце трогает до слёз...
 Поседел, посёкся волос
 Смоляных роскошных кос.

Подкосила маму старость:
 Все там будем в свой черёд.
Жизнь – нечаянная радость!
 Сыновья продолжают род.

ЯНВАРСКИЕ НОЧИ

Январские ночи студёны и долги.
 Луна налипает на стёкла фрамуги,
 И сыплется хвоя с божественной ёлки,
 Как будто заколки с причёски подруги.

И тикают ходики возле гардины,
 И капает яблом вода из-под крана,
 Как звонкая рифма великой Марины –
 Слегка приглушённо, морозно и странно.

Воркует голубкой вода в батарее.
 Тепло и уютно. Все в доме уснули.
 Янтарною каплей густой акварели
 Мерцает нарядное платье на стуле.

Но дышат соблазном другие картины,
 Старинные вальсы, бенгальские свечи,
 И вкуса прогорклой осенней калины
 Открытые томно роскошные плечи.

Всё было и будет прекрасно и мудро:
 И ёлки, и вальсы, и шорохи снега.
 Январь истекает. За окнами утро.
 И длится любовь до скончания века.

СВЕТАЕТ

Ничего не приходит на память:
 Ни имён, ни событий, ни дат...
 Но всё время отчаянно тянет
 Выйти ночью в намокнувший сад.

Там на ветках змеиные тени
И луны апельсиновый срез,
И дурман от персидской сирени
Вдоль Икрянки разносит норд-вест.

Шебуршат моложавые листья
В предвкушенье весенних дождей...
И рождаются вещие мысли
В голове поседевшей моей.

Хлопнет ветер распахнутой ставней –
Хлынет в горницу солнечный свет...
И пойму я, что в мире – светает
И с природой един человек!

***

Брату Евгению

Давай, братишка, сядем в лодку,
Но никуда не поплывём...
И горькую, как свадьба, водку
По кружкам мерно разольём.

Помянем матушку вначале.
В раздумье молча посидим...
На кладбище всегда печально,
Но даже грешник – несудим.

А мы – не ангелы, братишка,
В стране манкуртов и химер.
Моя неизданная книжка –
России обнажённый нерв.

И ты не прячь свои мозоли,
Разводы шрамов и морщин.
Ведь нам преподавали в школе:
Они – достоинство мужчин!

Какая свежесть по утранке...
Давай дыши, рабочий класс!
Какие женщины с Икрянки
Влюблялись безответно в нас!

А мы от правды не юлили,
Поджав, как псы, понуро хвост...
Любили женщин. Честно жили,
Пусть не хватало с неба звёзд.

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет Александра Дмитриевича Лайкова
с юбилеем!**

**Виктор
БИРЮЛИН**

КОРОВА, СЕСТРА МОЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПТЕРОДАКТИЛЬ

В советские времена фотолаборатории на предприятиях и в учебных заведениях часто устраивали в туалетах. Почему-то считалось, что их слишком много, а обустройство выходило недорогим. Вода подведена, есть слив, и затемнять помещение не надо, поскольку нет окон.

И эта действующая с первых послевоенных лет фотолаборатория размещена в длинной узкой комнате с торцевой стеной из мутных стеклопакетов, прикрытых чёрной упаковочной фотобумагой. С двух сторон тянутся полосы потерявшей цвет кафельной плитки. Над ней – оголившиеся красные кирпичи в белых прожилках известкового раствора. В нескольких оставшихся кабинках урчат холодильники с хранящимися в них фотоматериалами. Ряд обычных кранов нависает над внушительной бетонной ванной на месте давно забытых толчков. В ней когда-то привычно стояли лотки с проявителями и закрепителями, тоже полузабытыми. Впрочем, здесь и сейчас можно изготовить фотографии по старинке.

Лаборатория неспешно, но неустанно работает. В ней тесно от фототехники и бутафории на все случаи жизни. Для её заведующего, известного фотографа, она давно стала вторым домом, вся его профессиональная деятельность сосредоточена в этих уже музейных стенах.

Говорят, что лучший день для посадки дерева – сегодняшний: деревья растут долго. Пожалуй, и лучший день для фотосъёмки – сегодняшний, ведь завтра мир станет другим.

Вычитал, как в 20-е годы прошлого столетия фотограф работал с деревянным штативом и двумя деревянными кассетами с четырьмя стеклянными фотопластинками. Он неспешно ходил, ставил штатив, смотрел, шёл дальше. К вечеру делал всего четыре снимка, таская все эти тяжести. Сегодня такие фотографии на вес золота.

-
- Виктор Владимирович Бирюлин родился в 1951 году. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор сборников литературно-критических статей, книг публицистики и эссе. Печатался в различных российских и зарубежных журналах, альманахах. Живёт в Саратове.

«А я размышляю над фотомонтажом о последнем птеродактиле на Земле, – рассказывает заведующий. – Его единственное оставшееся яйцо разбито – больше птеродактилей не будет! Потеря оплакивается всеми, кто рядом. Это созвучно мыслям о последних людях на Земле. Когда-то ещё такой момент наступит, а печаль на сердце уже сейчас».

В глазах мастера, повидавшего столько лиц, впитавших в себя столько чужих взглядов, светится неистребимое любопытство человека, с детских лет замороженного чудом рождения образа на чистом листе бумаги.

Люди уходят, техника меняется, здания рушатся, когда-то наступит черёд и этой повидавшей виды фотолаборатории, но что-то остаётся нерушимым.

Что?

ОТВЕТ НА ВОПРОС ДРУГА О СЧАСТЬЕ

Перед Новым годом позвонил друг детства. После приветствий и пожеланий разговор неожиданно зашёл о счастье. Кажется, это он меня спросил, счастлив ли я.

Говорят, что счастье не зависит от каких-либо обстоятельств, места проживания и тому подобного. Счастье не колет, не жжёт, а ласкает, ничего не требуя взамен.

Перед звонком друга смотрели с женой по телевизору фильм о любви английских дворян в 19 веке. Устроились на диване как в непроницаемом для внешних раздражителей коконе.

Радость всегда рядом, стоит только поднять глаза к небу, поймать лицом луч солнца, вдохнуть всей грудью воздух жизни.

Размышлять и стараться не грешить – что ещё остаётся порядочному человеку?

Ещё говорят, что счастье – это состояние ума, что в счастье надо верить.

Когда внуки хулиганят, бывает, раздражаешься и шлёпнуть даже готов. Но вот смотрю из окна на отъезжающего Тиму – маленького, в зелёной вязаной шапочке, семенящего рядом с мамой, – и сердце охватывает жалость. Мама заботливо усаживает сына на заднее сиденье, прогревает мотор и осторожно выруливает со стоянки.

Как-то, лёжа с отцом на пляже, Тима воскликнул: «Пап! А хорошо жить!»

А младший внук Никитка научился пускать бумажный самолётик, держа его за киль сверху, но летает!

Вдруг кольнёт, что единственная цель в жизни – это как можно больше в ней налюбоваться.

Испёк наконец лепёшки. Сейчас начну вкушать их с мёдом и чаем, заваренным с мятой. Хорошо весь день думать, вспоминать, смотреть, читать.

Осенний сад навеивает печаль. Ну, что поделаешь?

Чудо – и белая полоса от самолёта, неожиданно появившаяся в просвете между огромных тёмно-серых туч с лохматыми краями, и стадо коров, во главе с пастухом бредущее по сельской дороге, как и сто, и тысячу лет назад.

Вспоминаешь летний зелёный сад, облитый солнечным светом, наполненный жужжанием, веселящим мою виноградную душу.

Навалилась усталость, не хочется напрягаться. Праздность, я твой! Домашнее вино живительной влагой побежало в жаждущее тело...

Наверное, впервые встретил Новый год во сне. К чему, в самом деле, тарачить глаза, дожидаясь полуночного звона далёких кремлёвских часов, да и пить-есть в глухую ночную пору?

УКРАДЕННЫЙ ДЕНЬ

У наслаждения одиночеством горьковатый привкус. Стоило семье уехать из сада, как на душе защемило. Да и не пишется после бесконечных садовых хлопот. Но летом важнее сад. Зимой он всё с лихвой вернёт, и бодрое творчество вернётся. А пока сушу яблоки и баню топлю. Свежие дубовые поленья горят не спеша, с достоинством. Ну, подожду. Не всегда всё идёт так, как хочется.

Солнце, чистое голубое небо, тишина – млеющее лето. Приехал младший сын с донской чехонью и со своим домашним пивом, посидели за вечерним костром. Утром он занялся машиной, а я продолжил орудовать секатором – виноградные кусты просветлели, и я вместе с ними приободрился. Мы же люди – не просто размножающиеся организмы. Мы ищем смысла, радости, удовлетворения. И находим.

Неожиданно застучал по синапу дятел. Рукой с дорожки можно достать! В старом стволе яблони ему есть чем поживиться. Ближе к вечеру первый сверчок подал голос из розового пиона. Слышно по всей округе.

Сентябрь оказался дождливым и холодным, в сад не выезжали. И вот выдался долгожданный тёплый и солнечный день для сбора с трудом созревших виноградных гроздей. Жаль, не осталось времени побродить по саду, заглянуть в каждый его уголок. И как будто украли день.

А в саду тихо. Дозревают последние томаты. Стоят задумчивые яблони, освободившиеся от плодов. Подростая трава расстилается под ногами мягким зелёным ковром.

Только глиняный кот Семён посмотрел на меня с укором, мол, чего же, хозяин, так долго не приезжал?

И какая-то птица в небе печально прокурлыккала.

ФАМИЛЬНЫЙ КОРЕНЬ

Бабушку, бабулю, как мы её звали, я запомнил аккуратной, опрятной старушкой, читающей книгу. Лида, племянница мамы, рассказывала, что когда тётя Аня гостила у них после войны, то спросила у неё, моющей полы в горнице: «А под кроватью вымыла?» Под кроватью Лиде, которой шёл двенадцатый год, мыть не хотелось, поскольку мешала «обтяжка», но пришлось.

Мама, бабулина средняя дочь, всегда гордилась чистотой в своей квартире. Сейчас ей под девяносто, еле ходит, но в комнате у неё по-прежнему порядок. Поддерживать его уже в тягость, и она, бывает, ворчит на нас, что, мол, не туда стул поставили, ей лишний раз напрягаться, переставлять.

На моём рабочем столе, где бы я ни служил, кроме компьютера всегда находились только документы, которыми был занят.

Младший сын как-то заметил, что не может бросить на землю даже фантик – несёт его до мусорной корзины, а если не встретится по пути, то и до дома.

Старший сын, парень более размашистый, занятой, но и он время от времени устраивает в своём доме генеральные уборки, не гнушаясь взять в руки половую тряпку.

По семейным преданиям, и бабулин отец Фёдор Либерцев тоже любил порядок, отличался среди односельчан аккуратностью, ответственностью.

Такое уважение к порядку по одной чётко просматриваемой родственной линии невольно бросается в глаза.

Задумался я об истоках семейного стремления к чистоте, поскольку набивший уже оскомину мусорный беспредел время от времени всё-таки поддёргивает нервы, и сразу ухватился за бабулину фамилию.

Жили Либерцевы в селе Расловка 2-я, что на берегу волжского залива немного вверх от Саратова. Ближние сёла – Вольновка, откуда была родом бабулина мама, Шевырёвка, Боковка, Вязовка. Один из многих русских деревенских уголков. Откуда же в нём взялись Либерцевы? Фамилия для русского уха непривычная, явно не славянского происхождения.

Допустим, мама бабули, то есть моя прабабушка, в девичестве была Куприянова. Сама бабуля, выйдя замуж за односельчанина, стала Бардиной. Обычные фамилии, часто встречаются. О Либерцевых слышать не доводилось.

Что же значит фамильный корень *либер*? Как говорится, откуда у парня испанская грусть?

Оказалось, что слово *либер* в качестве фамилии встречается довольно часто в западных странах. Созвучно ему и название города *Либерец* в Северной Чехии. Восходит оно, возможно, к италийскому божеству *Либер*. Он олицетворял собою мощь природы, радость и изобилие, что сблизило его с греческим Дионисом. Что касается перевода слова на русский язык, то, например, с латинского оно переводится как *свободный* (*Ното liber – человек свободный*), а с немецкого – как *дружище* (*lieber Freund*), *голубчик* (*mein Lieber*).

В Поволжье немцы, как у нас исстари звали всех европейцев, жили со времён пригласившей их в эти края Екатерины II. Вполне вероятно, что отцу бабули фамилия досталась от обрусевшего предка *Либера*. Но этого уже не определишь.

Получается, что корень бабулиной фамилии тянется, возможно, из далёких западных земель, у жителей которых уважение к порядку является краеугольным камнем образа жизни. Не здесь ли истоки и нашей семейной аккуратности?

Здравый смысл подсказывает не спешить с однозначным ответом. Ведь и среди русских людей немало аккуратистов и чистюль, и среди европейцев достаточно нерях, найдутся такие, наверное, и среди *Либеров*.

От родного села бабули и мамы осталось несколько домов, в которых живут скупившие их дачники. Дачами застроены и бывшие сельские окрестности. Другое дело – старое кладбище на заросшем густой травой холме недалеко от села. Из земли тянутся кресты, на которых ещё можно прочитывать фамилии Бардиных, несколько других, тоже, видно, местных.

Либерцевых я не нашёл.

Прадед Фёдор был крепким середняком, как тогда говорили, и в коллективизацию у спокойного, работающего мужика, старающегося обеспечить большую семью, отобрали всю живность. Он уже не смог подняться, сторожил чужие бахчи, на которых и принял смерть от лихих людей. Дети его, спасаясь от голода, в тридцатые годы перебрались в посёлок Увек под Саратовом, а после войны и дом свой шатровый перевезли.

Внимание отвлекли две вороны, которые энергично преследовали третью, видно, набедокурившую. Несколько минут стояло сплошное карканье, гвалт и шум над кустами, куда нырнула, улепётывая, нарушительница спокойствия. Но вот вороны улетели. И тут же откуда-то вывернулась сорока. Уселась на столбике, огляделась любопытными глазами и звонко застрекотала, оповещая всю округу о происшествии.

Как в сказке.

КВАРТИРА С ВИДОМ НА ЛУГ

Мартовское небо с утра нахмурилось, закрапал дождь, сырой воздух на глазах сгустился до туманной дымки. Но с девятого этажа моего дома видно, как в наполненной талой водой мелкой выемке, устроенной на пустынной земле бывшего авиационного завода, плавают пара диких уток-крякв. Чтобы удостовериться, посмотрел в бинокль. Да, самец и самка. Отчётливо видны зелёные голова и шея селезня, бурые перья его подруги. Она держится впереди. Он заботится о её безопасности, неважно, что вокруг никого нет. Плавают спокойно по большой луже, слегка обрамлённой прошлогодней высохшей травой. Откуда они взялись? Им и есть-то здесь нечего.

Эх, воля-вольная – ты одна чего-нибудь стоишь!

Утки – птицы небольшие, уступают в размахе крыльев гусям и орлам. Но летуны они прекрасные – и под облака взлетят, и сотни километров за день отмахают.

Наверное, не я один наблюдаю за пернатой парой. Большинство моих соседей из бывших самолётостроителей. О чём думается им при виде отдыхающих уток на месте порушенных цехов?

Завод был историческим, гордостью столько поколений. И людей на нём хватало одарённых, увлечённых своим делом. Но это не помешало мошенникам разграбить предприятие, выпускавшее в последние годы надёжные и неприхотливые пассажирские «яки».

Завод ушёл в прошлое, да и утки – не будущее этого загороженного городского луга, зарастающего травой и кустарниками в ожидании новых хозяев, далёких от всяких полётов. Свободным птицам ничего не стоит сняться с мелководья и вновь встать на крыло.

После обеда хмарь развеяло, и небо заголубело.

В очередной раз взглянул на одинокий водоём – он был пуст.

КОРОВА, СЕСТРА МОЯ

Летом Владимир Петрович гостил у деревенской родни. Помогал по хозяйству, ходил за околицу на небольшую заросшую камышом речку, пристраиваясь с удочкой на шатких мостках, бродил по недалёкому лесу в поисках земляничных полян. Было непривычно тихо вокруг, спокойно, мирно.

Однажды соседи, муж и жена, позвали помочь с коровой, которая не смогла разродиться. Вслед за хозяевами Владимир Петрович зашёл в сумрачный небольшой хлев. Терпко запахло свежим навозом. В углу жалобно мычала лежащая на измочаленной соломенной подстилке корова. Владимир Петрович разглядел светлые пятна на тёмной шерсти. И ещё понял, что дела её плохи. Телёнок был мёртв, надо было спасти саму роженицу. Хозяева попросили Владимира Петровича подержать ей голову, пока они попытаются вытащить незадавшийся плод. Ещё сказали, что если не удастся, то корову увезут на забой. А она молодая, здоровая, жалко такую терять.

Корова, несмотря на своё удручающее положение, с кротким любопытством скользнула по незнакомому лицу. Своими печальными с поволокой глазами она неожиданно напомнила Владимиру Петровичу давно умершую старшую сестру. Он положил крупную коровью голову с аккуратными рогами-серпиками себе на колени, стал поглаживать шерстяные щёки и приговаривать успокаивающие слова, которые говорил бы и ребёнку:

– Чу, чу, не бойся, всё будет хорошо...

Корова уже не отрываясь глядела на Владимира Петровича. Доверившись ему, она перестала мычать и вздыхать стала реже и не так глубоко. Владимир Петрович даже почувствовал некую душевную ниточку, связавшую их обоих в одночасье. Он продолжал утешать её словами, судя по недоумённому взгляду хозяйки, непринятыми в обращении с животными. В ставших вдруг близкими выпуклых глазах под густыми ресницами легко читалось выстраданное желание: «Может, и в самом деле всё будет хорошо? Закончатся мои мучения, я отдохну, встану, и меня отведут пастись на ближний дуг».

Меж тем муж с женой, что-то отрывисто говорившие друг другу, разом замолчали, обречённо опустив измазанные в крови руки. Владимир Петрович какое-то время бережно поддерживал коровью голову, не в силах оставить её. На него по-прежнему неотвязно смотрели глаза сестры. И в них ещё жила надежда.

Выйдя на свет, Владимир Петрович стал машинально отряхивать брюки от густо налипших коричневых шерстинок. Не попрощавшись, побрёл домой.

РИЧИ, БОЙЦОВЫЙ ПЁС

Жил-был абрикосовый шарпей по кличке Ричард, или Ричи. Его купил парень своей девушке, чтобы не скучала. Девушка забавлялась с мягким, в складках, неповоротливым щенком, похожим на медвежонка. Но всё-таки заскучала, ушла, а Ричи остался у парня, который собак любил, но человеком был занятым.

Сторожевые качества шарпея оказались не востребованными, и он зажил спокойной домашней жизнью с короткими выгулами в городском дворе, дни и годы покатались сами собой. Летом его иногда вывозили в сад, где он резвился от всей своей собачьей души. Бегал во всю прыть по узким дачным улочкам, бросался за хозяином в Волгу, тут же, ловко перебирая лапами, устремлялся к надёжному берегу, хотя никто его этому не учил.

В доме появилась молодая хозяйка, с ней он быстро нашёл общий язык. Потом появились маленькие человечки, их он осторожно обходил, всегда уступал им, несмотря на бесцеремонное с собой обращение. Его хмурый взгляд, фиолетовый язык и широкая морда с припухлыми губами никого не вводили в заблуждение.

Боялись его одни только кошки. Завидев их, он преображался: вставал в энергичную стойку, а потом срывался и вихрем мчался к длиннохвостым существам, неизменно пробуждавшим в нём охотничий азарт.

Ричи вырос в простоватого, по-своему хитрого пса, точно знающего, как добиться желаемой косточки, прогулки подольше и, конечно, внимания хозяйки, долгое отсутствие которого повергало его в уныние.

Он неизменно подбегал с лаем к входной двери, подходил потереться к коленям, вытягивал, заранее жмурясь от удовольствия, шею, чтобы её почесали, мог заворчать, не желая сходить с облюбованного места. Он не доставлял лишних хлопот, и к нему относились приветливо, понимая его жизненные обстоятельства.

А потом он постарел.

В саду уже не бегал, а полёживал в тени. Да и дома больше лежал, подходя только поласкаться. Правда, исправно продолжал встречать гостей недоверчивым хриловатым лаем.

У него стали побаливать почки. Несколько раз напрудил в коридоре. На прогулках стал испытующе поглядывать на хозяина, не сразу отзываясь на команду идти домой.

Что творилось в голове у пса древней бойцовой породы, никогда не выходявшего из тесного круга человеческой семьи? Не узнаешь. Но однажды вечером Ричи убежал с собачьей свадьбой, стоило только хозяину задержаться, прикуривая, на другой стороне дома.

Вернулся на следующий день покусанным в кровь кобелями и с присосавшимися клещами. Его кинулись лечить, но Ричи перестал есть и пить, молча лежал на боку, вытянув в сторону лапы. Слегка приподнимал голову, когда его ласкали, пытаясь утешить, а потом опять замирал.

Ещё через несколько дней у него начались судороги, и ночью он тихо скончался.

Хозяин похоронил Ричи в густых дубовых посадках. Когда опускал его в яму, начало покрывать. Присыпал неприметный холмик опавшими листьями. Ему хотелось порадоваться за пса, беспечально прожившего свои немалые годы. Но мешал разошедшийся дождь.

РЫБАЛКА ДИЛЕТАНТОВ

Господи, пять часов утра! Край неба только светлеет. Самый сладкий сон. А в тихом летнем саду он ещё слаще. Но Ванюшка быстро заводит машину, и мы рулим к недалёкому устью Хмелёвки. Опоздали! В густых камышах и вокруг них уже торчат удочки местных рыбаков.

Пока вытаскивали из багажника снасти и надувную лодку, подъехал джип с большим дюралевым катером на прицепе. Его идеальные носовые обводы устремлены скорее вверх, чем вперёд. Джип привычно развернулся. Съехал прямо в воду. Из него вышли два крепких мужика в высоких резиновых сапогах. Настоящие речные волки. Отцепили катер, ловко забрались в него. На малых оборотах прогрели мощную «Ямаху» и стрелой помчались к далёким островам.

Проверят сети. Не на удочку же «волки» ловят рыбу. И домой с богатым уловом. А может, причалят к знакомому острову. Поставят палатку. Наберут сушняка. Не спеша разведут костёр. Затеют к вечеру уху. Вынут из прибрежного песка охлаждённую бутылочку. И за дружеской беседой под звёздами и свежим волжским ветерком проведут заветные часы жизни.

Накачав свой двухместный «Шкипер», направили его за нескончаемую полосу камыша. Утренняя прохлада быстро растворилась в лучах взошедшего солнца. Камышовая зелень стала нежнее, мягче. В глазах зарябило от водяных бликов. Поспешили забросить несколько «косынок», «бакланов» и небольшую, всегда некстати путающуюся сеть. Побросали для порядка забученную с вечера прикормку из сухарей и жмыха.

Всё это оглядываясь, поскольку рыбоохрана на Волге не дремлет. Потом Ванюшка половил немного на удочку. Один раз сорвалась хорошая плотва. Немного поблеснил. Блёсны у него французские. Первый класс. Но щуки и судаки уже позавтракали. А я сидел на вёслах и разглядывал берег, с наслаждением вдыхая неповторимый запах волжской воды.

Казалось бы, берег как берег. Ну, высокий, обрывистый, древние отложения можно руками потрогать. Дело в другом. Всякий раз, когда смотришь с Волги на берег, чувствуешь себя немного первооткрывателем.

Чередующиеся земляные пласты выглядят безжизненными, миллионы лет назад исчерпавшими плодоносную силу. Но нет. Кое-где в них вцепилась трава. А внизу почти отвесной стены, на границе с водой – пышное зелёное ожерелье из деревьев и кустарников.

А чего стоит вид разнообразных, порой причудливых построек прямо на кромке. Вот маленький дворец из красного кирпича, весь в башенках. А вот обычный дом, но с двумя широкими навесами по обе стороны. То ли для застолий, то ли для рыбацких затей. Похоже, владельцы и дворцов, и хижин смирились с мыслью о возможных оползнях, обвалах. Зато в их окна вливается постоянно меняющийся свет отражённого Волгой солнца. И круглый год рыбалка. Равнодушные к ней вряд ли поселятся в таком близком соседстве с большой водой, которая может быть и лихой, опасной.

То и дело встречаются сходки к Волге. В глаза бросилась винтовая железная лесенка с ажурными перильцами. А вот пошли укромные пляжики. На одном красуется маленькая синяя палатка. Воображение рисует в ней влюблённую парочку. Не будут же рыбаки спать в такой час. Встречаются и замаскированные от недобрых взглядов лодочные стоянки.

Невольно забылся, пока не услышал: «Пап, чего ты в самые камыши прайвишь?» Напротив Ванюшка со своим хитроватым добрым прищуром в очередной раз замахивается спиннингом. А над головой солнце уже во всё небо. Вокруг спокойная волжская гладь. Её лёгкое колыхание убаюкивает, кажется, не только нас, но и острова, берега и «Шкипера», которого я привязал для устойчивости к камышам.

Вся жизнь в эти минуты сошлась на нашей лодке. Душе немного надо для радости. Достаточно приветливого родного взгляда, ласковой воды за бортом, смешного кваканья лягушек возле недалёкого берега и нескольких чаек, зигзагами носящихся над головой.

Как часто бывает в наших краях, погода резко изменилась. Вдруг подул сильный ветер. Волны стали накатывать всё выше, уже захлестывая нас. «Шкипера» качало. Куст камыша, к которому он привязан, вырвало с корнем.

Мы заторопились обратно, собирая по пути свои забросы. Улов? С десяток небольших плотвичек, краснопёрок и линьков. И два рака, залезших в «баклан» за рыбой. У них была потом своя история со счастливым возвращением в родную стихию.

СЕМЕНА ЖИЗНИ

Вышел из дачи в осенний сад. Ещё только половина восьмого вечера, а вокруг уже глухая ночь. Правда, наверху светло. Небо в ярких крупных звёздах. Большая Медведица венчает обрыв с северной стороны. Серп месяца застыл над южным горизонтом. Прямо над волжскими островами, на которых с утра опять загремят выстрелы охотников. Пока же слышны только отдалённый лай собак в посёлке и далёкий шум моторов на трассе. Да и они становятся всё глуше и глуше. Окружившую меня земную темноту подсвечивает лишь слабый свет из дачного окна. Он подчёркивает нахлынувшее ощущение нереальности происходящего. Родной ли сад вокруг меня засыпает? Или я лечу вместе с ним куда-то в необозримом мерцающем пространстве?

Очевидно, эти мысли наваял межпланетный зонд «Вояджер-1». Через 36 лет после старта он вышел наконец за пределы Солнечной системы. Изве-

стие взбудоражило. Ведь это равносильно исходу наших пращуров из Африки. В конечном счёте они освоили всю планету.

Находившись по тёмному тихому саду, отправился тоже спать. Ещё раз окинул высокое небо. Его от края до края пересёк Млечный Путь. Сколько раз видишь его за жизнь? Сотни, если не тысячи. И каждый раз вытянутые в белую кисею неисчислимые звёзды поражают своей яркостью, кажущейся близостью и загадочностью.

В детстве послали с приятелем в Академию Наук несколько наивных вопросов о Вселенной. И, к нашей радости, получили на них ответы, в том числе о том, что она бесконечна. Но вот, оказывается, что бесконечна не Вселенная, а Вселенные, которые образуются всё новыми и новыми Большими взрывами.

Семена жизни носятся по рождающимся Вселенным, цепляясь за что удастся. Но прорастают не везде. На нашей планете волей случая проросли и растут. Учёные предполагают, что будут расти ещё с миллиард лет. А потом? Да какое нам, живущим сейчас, до этого дело? Дело есть. Хотя бы потому, что знание по-прежнему – сила, а неизвестность притягивает так же, как и тысячи лет назад. И нам всё ещё небезразлична судьба наших детей, внуков, правнуков и всех дальнейших потомков до скончания веков.

В СУХОЙ И ТЁПЛЫЙ ДЕНЬ

Ходишь вокруг виноградных кустов, уже тронутых желтизной, пробуешь в задумчивости ягоды. Кажется, уже достаточно сладкие. Пора! Завтра за дело! Но завтра с утра всходит ещё жаркое солнышко. Решаешь немного подождать. Пусть ягоды сахара наберут побольше, вино будет крепче. А к вечеру вдруг прогнозы переменялись, предвещают дожди. Да и ночами уже холодно по-осеннему. Ладно, завтра начну.

И так промучаешься в нерешительности неделю-другую.

Но вот решение принято. День сухой, тёплый. Берёшь секатор и начинаешь аккуратно срезать успешные прогретые чёрные плотные гроздья. Одну за другой, не спеша, мурлыча себе под нос какую-нибудь незатейливую песенку. Испытываешь редкое состояние душевного спокойствия.

Собранный виноград с такой же тщательностью перебираешь, давишь и отправляешь в бродильные баки. Какое-то время напряжённо ждёшь, когда же придёт в движение вся эта разнородная масса. Наконец, в очередной заход в винодельню видишь, что сусло уже забродило, закипело, с ходу набирая силу. И на душе становится легче.

Несколько раз днём, в полночь и ранним утром заходишь мешать мезгу, погружая её большой деревянной ложкой в неукротимо бурлящую материю. Через неделю шапка начинает потихоньку опадать. Молодая винная вселенная, охлаждаясь и замедляя движение, переходит в более устойчивое состояние. Вскоре брожение останавливается. И несколько десятков литров домашнего красного сухого вина оказываются в погребе. Пусть спокойно дозревает, сколько отпущено судьбой.

А пока полкружки вина нового урожая! Конечно, оно ещё грубовато на вкус. Но в молодости все немного грубоваты. Поэтому в выдержке нуждаются и вино, и люди.

Дальше пойдёт сливание с осадка – в середине ноября, в марте, в начале лета... Каждый раз снимаешь пробу. И каждый раз замечаешь, как твоё вино неудержимо взростает, увь, старея. Цвет становится гранатовым, вин-

ные ножки маслянистее, запах тонким, неопределённым в своём разнообразии, а вкус в меру терпким.

Доброе вино дарит человеку ощущение безмятежного блаженства. В такие минуты с особенной силой веришь, что красота и в самом деле спасёт мир. Жизнь устоялась, и пусть будет нам в радость.

НЕВИДИМОЕ ОБЛАКО

Выставка местных художников, участников знаменитого Хвалынского пленэра, вот-вот откроется. Появляются первые посетители. Они заходят не спеша, небольшими группами и в одиночку. Тут и там начинают вспыхивать разговоры, где-то и слишком громкие. Это никому не мешает. Взгляды обращены к увешанным картинами высоким стенам.

На картинах изображены деревья, цветы, солнечные поляны, меловые холмы, старые дома и живописные фигурки людей. Летние впечатления от увиденного в окрестностях старинного волжского городка, давно облюбованного художниками. Картины полны света, легки, изменчивы, как сама жизнь.

Молодая художница стоит возле своих работ. Волнуясь и переживая, она перехватывает взгляды в их сторону. Напротив неё, энергично жестикулируя и не обращая внимания на почтительно обходящую их публику, увлечённо беседуют два уже опытных мастера. В центре внимания на время оказывается немолодой художник с большой, воздушной, лёгкой на вид бородой, очевидно, один из организаторов пленэра. В окружении молодёжи он терпеливо наговаривает что-то в диктофон корреспондента.

Мерный шум голосов продолжает нарастать. Продолжается и неспешное кружение людей вдоль стен. Развешанные на них рядами картины выглядят окнами в ушедшее лето с его светлыми мечтами. Окна разные, маленькие и большие, и свет сквозь них струится разных оттенков и силы. Изливаясь со всех сторон, он сгущается в невидимое облако, вслед за людским вращением заполняющее всё пространство. Люди проходят через струящиеся волны света, и в их снах наяву зарождаются зелёные островки надежды.

Чаще защёлкали затворами фотографы, засуетились, выбирая лучшую позицию для съёмки, телеоператоры с треногами и массивными камерами. Просторное помещение незаметно заполнилось, вокруг задвигали стульями, рассаживаясь. Через считанные минуты начнётся официальная часть выставки с выступлениями, воспоминаниями и награждениями.

Но неофициальная ещё продолжает свой свободный ход. Разговоры не утихают, появляются новые посетители, смотрят на светоносные стены и входят в невидимое облако.

КТО ТЫ?

С возрастом острее замечаешь, как всё вокруг вертится в привычном чередовании. Это верчение напоминает бег на месте. И нарастает желание остановиться, прекратить толчение воды в ступе.

Бывает, что размышления о суете жизни подталкивают к затаённой мечте.

Я уже седой, дети давно обзавелись семьями, а мне всё грезится чудесная жизнь без сожалений и страха перед будущим, где я выгляжу обаятельным,

умным, ловким, окружённым красавицами, где всё кажется ярче, изысканнее, дела вершатся сами собой и каждый день светится радостью.

Со временем пришло понимание, что все эти сладкие, терпкие грёзы относятся не ко мне, а к другому существующему внутри меня человеку, которому я не позволил развернуться в предназначенную ему ширь, мощь и красоту.

Человек этот не имеет отношения к моей душе, с которой я веду постоянный разговор, или к моим мыслям, с переменным успехом пытающимся разобраться в окружающем мире, не является совокупностью моих неосуществлённых способностей и качеств...

Так кто же этот человек, оставшийся во мне зародышем, тревожащим, будоражащим всю жизнь? Откуда он появился? Почему его несостоявшаяся жизнь так желанна и мне?

**Иван
ПЕЧАВИН**

СЕЛО В СТЕПИ

***

Отшумит и заново зайдётся
Шорохом шершавых ковылей
Полная расплёсканного солнца
Даль прямая утренних полей.

Я ещё, как рань речная, молод.
И к душе моей на огонёк
Не крадётся раковины холод,
Не скребётся зависти сурок.

Степь моя и стусток синей сини,
Отдавая нежность и тепло,
Вы меня рискованным взрастили,
Посадили в крепкое седло.

Конь надёжный, вскормленный овсами,
По траве некошеной бредёт
И косит лиловыми глазами...
Свежестью равнина обдаёт.

Кружит ястреб высоко-высоко,
Разрезают небо два крыла.
Что мне приготовила дорога?
Что мне эта даль приберегла?

***

Куга шелохнётся устало,
Скользнёт по надводью луна.
Как птицы, заволжские дали
Притихнут в объятиях сна.

-
- Иван Петрович Печавин родился в 1942 году в Баку. Детство и юность прошли на Урале. Окончил филологический факультет Балашовского педагогического института. Работал учителем русского языка и литературы. Публиковался в журналах «Аврора», «Нева», «Волга», «Волга–XXI век». Автор книг «Мой посёлок», «Слушаю степь», «От Джиды до Волги», «Яблокопад», «Северные картинки» и др. Живёт в селе Любимово Советского района Саратовской области.

А сверху светло и нестрого
Полярная светит звезда,
Как будто вражды и тревоги
Не знала земля никогда.

И в этом спокойствии ясном –
В деревьях, траве и воде –
Я чую, видать, не напрасно
Хороший свой завтрашний день.

Мой сад – соловьиные гнёзда,
И дом мой – источник тепла,
Сумейте ни рано ни поздно
Спалить мою душу дотла.

В ночном ощущенье свободы,
Когда расправляется грудь,
Обидно за прошлые годы,
Тревожно за будущий путь.

По полю любви и печали,
В краю, где метели и звон,
Поклон вам, заволжские дали,
За всё – мой сыновний поклон.

***

Иду по замкнутому кругу
Просёлком около села.
Луна – любезная подруга –
Ни с кем, по счастью, не свела.

Мне одному идти нетрудно.
За чернью пруда – пашни чернь.
Выносят злаки из-под спуда
Судьбу столиц и деревень.

И я вдыхаю этот запах
Рожденья жизни и любви.
Спокойно спят восток и запад.
Не дремлют только соловьи.

Не гаснут только звёзд лампы,
В ночи рассыпав предо мной
И стон заброшенного сада,
И плеск водицы прудовой.

САДЫ

Село в степи
Сплошь в яблони одето.
Не тропись
И чуточку постой.
Хотя листву
Выпаривает лето,
Но всё-таки
Прохлада под листвой.

И звон такой,
Аж потревожить жалко.
Откуда он?
С разбегу не поймаешь.
Сады горят
Девичьим полушалком,
Избыток жара
Страхивая в рожь.

А в самый зной,
Когда в зените солнце
Остановилось,
Глушь-полюнь куря,
Под яблоней
Из старого колодца
В лицо ударит
Стужа января.

По кулаку
Висят плоды литые,
Пульсируют,
Как жилочки в виски.
Срываясь,
Молодые, золотые,
Стучат по крышам,
Будто молотки.

И этот звук,
Бодрящий и весёлый,
Прибавит песен
И любви в делах.
Недаром,
Загорая на просёлках,
Мальчишка каждый
Яблоком пропах.

***

После работы поют трактористы.
Плавится в сумраке пламя костра.
Вздвигнув над пашнею профиль ребристый,
Смотрят нигроловый сон трактора.

Песня то стихнет, то слышится громче,
То оборвётся, как будто струна.
Русской гармошкой на бархате ночи
Нужный аккорд подбирает луна.

Звёзды на небе сошлись в серединке,
Катятся звуки в траву под откос.
И на железе блеснули росинки
Каплями светлых непрошенных слёз.

***

Увязла речка
В сумрачной осоке,
Прибился месяц
К лодке поплавком.
И щука,
К камышам прижавшись боком,
Не шевельнёт
Округлым плавником.

Собака спит,
Уткнувшись мне в колено,
Язык костра
На рукаве дрожит.
Бежит смола
По свежему полену,
Как будто жизнь
Играючи бежит.

ДУБ

Летающие листья ольхи –
Дождливой поры пороша.
Беспечно летит в лопухи
Осеннее рыжее крошево.

Картавую песню завёл
Опять листобой до завтра.
И дуба корявый ствол
Застыл, как скелет динозавра.

Угрюмо встречая века,
Стоит он средь шумного пала
И смотрит на всё свысока,
Качая ветвями устало.

В нём были заключены
Незримые миру известья:
И голос великой войны,
И трепет вселенской весны
Грядущего тысячелетья.

***

Вечерний снег горит что пламя.
Горит вечерняя заря.
И машет стылыми крылами
Угрюмый ветер января.

Возница, погоняя лошадь,
Едва услышит на ходу,
Как на судьбу ворона ропщет
Одна в заброшенном саду.

Хоть не из робкого десятка,
Но всё ж под этот дикий крик
Я в воротник упрячусь зябко,
В овчинный мягкий воротник.

Вдохну тепло. А это значит,
Что на разбеге длинных вёрст
И мне сопутствует удача
В январский северный мороз.

Уже видны огни посёлка.
Живёт в нём женщина одна –
Смугла, застенчива, но только,
Увы, в меня не влюблена.

И всё же тёплыми речами
Приблизит к жаркому огню
И напоит горячим чаем,
Как очень близкую родню.

***

По косогорам и кочкам
Трав переливчатый шёлк.
Вишня зелёным платочком
Машет тому, кто ушёл.

Вижу большую дорогу,
Что пролегла в стороне.
Только отсюда, ей-богу,
Некуда выехать мне.

Речка, ветла и осока,
Плеск в камышовой глуши.
Просто, неброско – а сколько
В этом любви для души...

**Нелли
КРЕМЕНСКАЯ**

ФАНТОМЫ ВОЙНЫ

ДЕТИ ХЛЕБНОГО ГОРОДА

Танька сидела за столом с надутыми губами. Опять в её тарелку плеснули ковшиком этой манной каши. Она её ненавидела. В каше не было ни грамма масла, сахара и молока. Сварена была на воде, да к тому же из ржаной муки. Над тёмно-серым вязким болотом возвышались неразмешанные комья разной величины: от горошины до грецкого ореха. Но воспитательница сказала, что, кроме чая, больше ничего не будет.

Танька пошлёпала ложкой по самому большому «ореху». Болотные брызги полетели в разные стороны. Одна тёмная капля уселась на её розово-молочной щеке, вторая – на белобрывистой чёлке. Воспитательница рассердилась и вывела её из-за стола.

Что такое орех и каков его божественный вкус, Танька знала. С мамой и старшим братом Витькой они от войны бежали в Ташкент. Им дали отдельную комнату. Семь квадратных метров. На троих. Если бы комната была больше, к ним обязательно подселили бы ещё одну семью, а то и две, и три. Многие так жили, отгородившись друг от друга только натянутыми простынями.

Маминой зарплаты едва хватало на хлеб и картошку. А из-за дувалов местных домов свешивались не только орехи, но и яблоки, алыча, абрикосы, гранаты – немыслимой вкусноты южные фрукты. Только надо было поздно вечером или рано утром успеть подобрать их с земли или украсть с дерева. Правда, последнее было чревато жестоким наказанием: убить могли. Иногда разворачивались битвы и за упавшие на дорогу фрукты. Слишком много голодных ртов набежалось в «хлебный город».

Витька был почти старым: ему уже десять лет исполнилось. Он был худым, шустрым и, как обезьяна, лазил по деревьям. Какими путями он добывал вкусные вещи, Танька не знала. Ночами она беспробудно спала. Днём же он щёлкал её по носу и иначе, как Кишмиш, не называл. А чаще всего просто дразнил:

-
- Нелли Фёдоровна Кременская родилась в 1939 году. Окончила филологический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Работала учителем, журналистом, социологом. С 1974 года занимается резьбой по дереву. Лауреат и дипломант областных, республиканских и союзных выставок. Многие работы находятся в частных коллекциях России, США, Германии, Франции и Кипра. Автор нескольких сборников рассказов. Постоянный автор журнала «Волга–XXI век». Живёт в Саратове.

«Кыш, мышь!» Она обижалась, начинала кукситься и грозилась пожаловаться маме.

Однажды Танька разом смолотила с килограмм абрикосов и потом сильно болела. Благо, косточки научилась выбрасывать, а то померла бы. Поэтому часть продуктов Витька стал припрятывать для матери и «на потом». Придя с работы и обнаружив в доме горсть орехов или пару груш, мама ругала сына, плакала и умоляла не трогать чужого.

В этот раз Витька забыл забрать Таньку из детского сада. Мама была на работе. Воспитательница перевела её через дорогу, а дом – вот он, совсем рядом. Это был временный саманный барак для сезонных рабочих. Но сейчас он до отказа был забит беженцами. Его обитателям страшно повезло: всё-таки крыша над головой. Многие беженцы с детьми, убогим скарбом вообще на вокзале жили, в скверах, по обочинам дорог. Хорошо – лето пока. Потом они как-то рассасывались по городу и его окрестностям. Но новые волны замученных голодных людей прибывали и прибывали в расхлябанных товарных вагонах и снова и снова заливали улицы Ташкента. Что будет зимой, власти боялись думать.

Благополучно миновав двор, где дети скакали по нарисованным на земле квадратам, Танька напрямиком отправилась в свою комнату в надежде разыскать еду. Обычно узбеки не запирали жилища. Красть было нечего. Да и не в их традициях. Но беженцы ввели в моду отгораживаться от посторонних. Вот и Танькина комната была изнутри заперта на крючок. Правда, верёвочка, привязанная к нему, была выведена наружу. Танька дёрнула за верёвочку, крючок поднялся – и дверь открылась. Она заглянула в тумбочку, где обычно хранилась еда. Но там ничего не было. Разочарованная, стала размышлять, что делать. Очень хотелось есть. Ну очень! Сейчас она, наверное, съела бы даже ржаную кашу...

Базар! Там всегда есть еда. Танька даже знала, что за неё надо платить «денюжки». Вчера мама целую пачку «денежек» положила в шкаф под газету. Впрочем, «шкаф» – слишком красиво сказано. Это был большой и длинный ящик из досок для военных или каких-то технических нужд, поставленный «на попа». Внутри него придурковатый (и поэтому негодный для армии) молодой узбек за тарелку супа сделал полки, и, пожалуйста, – отличная мебель.

Танька влезла в «шкаф», достала всю зарплату и потопала на перекрёсток, где всегда (она уже знала это) с безумно вкусными вещами сидели торговки. Нацелилась на золотого петушка на палочке из жжёного сахара (хотя рядом одуряюще благоухал плов, дразнились румяные лепёшки, блестя на солнце потные корчаги кумыса и козьего молока). Такого же петушка мама ей уже покупала, и Танька помнила его сказочный вкус. Шумно проглотила слюну и за жжёную птицу великодушно отдала все деньги, что расстрёпанном веером держала в руке. Пожилая узбечка всепонимающим взглядом стрельнула по ребёнку и ласково спросила:

– Тебе сколько лет, девочка?

– Скоро пять. – И уточнила для справедливости: – Четыре года и три... нет... тринадцать месяцев. Я уже большая.

– Большая, большая. Я вижу.

Перед женщиной стояло беззащитное лопоухое существо с доверчивыми голубыми глазами, с белоснежными косичками, которые кудрявыми рожками торчали в разные стороны из-под панамки, с драными коленками и в самодельных сандалиях. Что-то дрогнуло в лице узбечки. Она сняла с девчонки панамку, высыпала в неё с пяток яблок и вручила желанного петуш-

ка. Не взяла ни рубля. Все деньги аккуратно свернула, вложила в панамку и придавила яблоком.

– Иди домой, никуда не сворачивай. Денежки положи на место, где взяла.

– Я их в шкафу взяла, под газетой, – разговорилась Танька. – Мама там их прячет. – И пожаловалась незнакомой тётё: – А Витька меня мышом дразнит.

Женщина засмеялась.

– Ну какая ты мышь?! Ты – человек. – Торговка взяла её за плечи и, развернув, слегка шлёпнула по попе. – Марш домой!

Танька притопала к дому, одной рукой прижимая к животу панамку с яблоками, другой – вцепилась в уже оплавленного петушка. От удовольствия жмурилась, сладкие слюны стекали не только с подбородка, но и орошали голое пузо. Иногда она размазывала их ладошкой. Даже резинка от трусов кое-где намочила.

Дети во дворе уже гоняли самодельный мяч (комок тряпок, зашитых в более плотную ткань). Увидев Танькины яблоки, они бросили игру и окружили девочку. А та не жадничала. Все раздала. Даже петушка полизать давала. На дне панамки остались только деньги. Они никого не заинтересовали, и Танька просто вытряхнула их на землю. А панамку натянула на голову. Ветер шевелил денежные бумажки, босоногая дворовая мелкота наступала на них, затаптывала в пыль, футболила в кусты.

– Тань, тебя Витька искал, – сообщили дети.

Какое-то время Танька следила за игрой. К ногам подкатил тряпочный мяч. Она попробовала было отфутболить его, изо всех сил размахнулась, но потеряла равновесие, шлёпнулась и содрала подсохшую ранку на коленке. Заревела, но, так как все увлечены были игрой и никто не стал ей сочувствовать, плакать передумала и пошла домой.

Было жарко...

Почему-то снова хотелось есть. Танька опять заглянула в тумбочку, но еды там не прибавилось. Подняла с пола обглоданную петушиную палочку, погрызла её, но сласть в ней давно кончилась, щепки были невкусными, и она выплюнула их.

Мамы нет... Витьки нет... Есть хочется... Коленка ноет...

Танька почувствовала себя несчастной. Хотела опять заплакать, но взгляд упёрся в стенку «шкафа», и что-то заинтересовало её. От самого верха до низа высокого ящика шевелились две живые чёрные ленты. Мураши! Так местные жители называли маленьких чёрных муравьёв, которых в каждом доме водилось множество и которых вывести было почти невозможно. Они не кусались, но проникали в любую упаковку, тысячами набрасывались на всё съедобное, особенно на сладкое.

Одинаковыми (толщиной сантиметра полтора) ленты казались только на первый взгляд. На самом деле все мураши одной ленты с разной скоростью, но друженько ползли вверх, другой ленты – вниз. Конечно, Танька не сообразила, что там, на вершине шкафа, мураши обнаружили что-то вкусненькое. На активные действия её подвигли скука и любопытство: куда это военным строем марширует одна лента? Вторая (которая вниз), понятно – в свой дом, к мурашиной маме.

Однажды девочка видела, как по ближайшей улице с лопатами, ломами и мотыгами на плечах ровной колонной шли тётти. Потом они остановились и начали рыть траншею для большой трубы. Командовал ими хромой дядя. Очень смешной: подпрыгивал, когда шагал. Танька пробовала копировать

его, но у неё ничего не получалось. Зато очень похоже выходило у Витьки. И когда сестрёнка капризничала, он начинал при ходьбе подпрыгивать, и настроение её тут же менялось.

Может, и мураши что-то делают наверху «шкафа». Интересно, что?

Танька влезла на топчан (доски, прикрытые тряпьем), на котором сидела, потом взобралась на тумбочку, которая служила кухонным, обеденным и письменным столом. Почему-то всё время перевешивали то голова, то попа. С трудом удерживая равновесие, она ухватилась за верхнюю доску «шкафа», встала на цыпочки, чуть подтянулась, но так ничего и не увидела: не хватило роста. Тогда она пошарила ладошкой по верху «шкафа». Что-то есть! Схватила это что-то, встряхнула, изо всех сил подула на живую муравьиную плёнку (от усердия чуть не шлёпнулась), и... вот она – кисть винограда! Объеденная, правда, насекомыми, но – это ничего, всё равно вкусная и очень сладкая, в чём Танька тут же убедилась, не слезая с тумбочки. Да вообще, когда она всё-таки благополучно (и это было чудом!) сползла на пол, от находки остался один скелет. А довольная Танька решила посмотреть мурашину маму. Но спускающаяся лента терялась где-то под днищем «шкафа». Танька наклонилась к полу, почувствовала его живительную прохладу, встать не захотела и, утомлённая своими подвигами, как-то враз заснула, крепко и сладко.

Витька был в школе. В Ташкент из Ленинграда эвакуировались артисты. Одна балерина и организовала танцевальный кружок. К стенам сдвигали парты и на освободившемся пятачке тренировались. Витька охотно посещал занятия. Пластика гибкого и вёрткого мальчишки привлекла внимание балерины. Она показывала очередное балетное па, как вдруг он задеревенел и остановился посреди класса. Словно ошпарило: Танька! Совсем забыл про неё. Ринулся в детский сад. Там никого уже не было. Домой примчался, когда Танька отбыла на базар. Ребята сказали, что она вышла на улицу. И он побежал искать её по дворам, скверам и переулкам...

В поисках сестрёнки Витька долго метался по городу. Он вдруг осознал, что ищет её не только из-за того, что от матери за его забывчивость крепко попадёт, а просто не представляет, как можно жить без Таньки, без её простодушной рожицы, смеха, капризов, милых глупостей. Чуть ли не с самого рождения она требовала его внимания (присмотреть, поиграть, покормить). И сначала ему нравилось это. Когда подрос, его потянуло к ровесникам. И Танька стала обузой. А сейчас, в войну, когда мама по четырнадцать-шестнадцать часов была на работе, почти вся забота о ребёнке легла на него. Танька мешала ему общаться с друзьями, надоедала своей назойливостью. Частенько он досадливо отмахивался от неё. А теперь вдруг понял, что очень любит её. Что она нужна ему. Очень. И он должен найти её! Найти, и всё тут! Должен!

Звал. Расспрашивал прохожих, беженцев. Заглядывал под скамейки. Искал в кустах. Торговка на перекрёстке сказала, что похожая по описанию девочка была здесь, в руках держала много денег. Но и товарки её клятвенно подтвердили, что отправили мальшку домой и не взяли с неё ни копейки.

Витька помчался к дому. Вошёл в комнату и в полумраке увидел Таньку, боком лежащую на полу. Похолодев, он встал перед ней на колени, взял за плечо и опрокинул на спину. Из рта ребёнка, видимо, обильно текла кровь, которая чёрной плёнкой покрыла губы, щёки, подбородок, свободным морем растекалась по животу. Витька закрыл лицо ладонями и, раскачиваясь, громко завыл.

– Вить, ты что? – тоненьким голоском испуганно спросил Танькин дух.

Витька убрал ладони и... не поверил: перед ним, протирая кулачками заспанные глаза, сидела сестрёнка. Свет слепого окошка уже более чётко озарил её: на мордахе и животе сотни мелких чёрных муравьёв доедали сладкие остатки после сахарного петуха и клада-винограда.

Стоит ли говорить, как обрадовался Витька?! Стоит ли рассказывать, как Танька под строгим допросом сообщила ему о своих приключениях? Как он стряхивал с неё муравьёв и отмывал от следов преступлений? Как бегал по двору и собирал деньги?

А маме о приключениях дочки доложили только через несколько дней. И то соседи. Витька по опыту знал, что сестре нельзя наказывать молчать: обязательно проболтается. Просто сам молчал. А Танька после разборок с братом тут же всё забыла. Начисто. Для неё ведь каждый день – событие. И что же? Всё помнить?

СУД ЛЮДСКОЙ

1

В этот вечер в поселковом клубе крутили фильм про войну. Что произошло, сразу никто ничего не понял. После слов киношного немецкого офицера: «Лечь! Встать!» – в зале раздался крик раненого зверя, такой страшный, что зрители замерли в ожидании какой-то катастрофы: пожара, землетрясения, падения самолёта, да мало ли что может приключиться с каждым живым существом на этом свете. Крик этот услышал и киномеханик. Экран погас, зато в зале вспыхнул свет. Протяжный вопль шёл откуда-то с первых рядов. Зрители вытягивали головы, недоуменно посматривая друг на друга. В узком пространстве между экраном и рядами кресел на заплёванном грязном полу навзничь бился в жутком припадке известный на всю округу бабник и балагур Гришка, с такой длинной и мудрёной фамилией, что его иначе, как Гитарой, никто и не называл.

Люди в растерянности окружили его. Никто не знал, что в таких случаях делают. А Гришка продолжал кричать, тяжело и горестно. Из-под содранных скребущих ногтей текла кровь, сапоги гулко громыхали по деревянным доскам.

Первой пришла в себя бабка Агафья, в новом, по случаю культурного места, белом платочке с красными парадными мушками:

– Голову... Голову-то держите!

К Гитаре сразу кинулось несколько человек. Люди словно обрадовались команде и уже действовали слаженно и по обстоятельствам. Под голову подсунули чью-то шапку, четыре мужика навалились на руки-ноги, на вырывающееся тело. Кто-то помчался за врачом.

А в это время сквозь толпу робко пробиравлась худенькая двенадцатилетняя девочка, единственная Гришкина дочка. Люди были ещё в шоке, не сразу её узнавали, но, узнав, сторонились, пропуская вперёд. Не дойдя до отца несколько метров, она замерла, испуганно прижав кулачки к подбородку. По лицу медленно катились слёзы.

Через час Гришка был у себя дома. Ему казалось, что диван, на котором он лежал, качался то вверх, то внезапно падал вниз. А в перерывах отрывисто звучала команда на немецком языке: «Лечь! Встать! Лечь! Встать!» Когда его поливали ледяной водой из брандспойтов, куча одеял, которые набрасывала на него хрупкая девочка, не могли его согреть. Но самым страшным видением было стремительно наплывавшее на него лицо немецкого врача

со шприцем в руках. После мучительных опытов, которые проводили на них, заключённых польских концлагерей, мало кто выживал. И только лошадиное здоровье и величайший Гришкин оптимизм, вопреки рвоте, галлюцинациям, жуткой ломоте во всём теле, помогли ему возвращаться из небытия.

«Лечь! Встать! Лечь! Встать!»

Глаза его каменели. Не мог он объяснить дочери, что с ним происходит. Не мог. Хотя прошло столько лет. Даже сейчас не мог говорить об этом. Даже с ним, Сашкой, с которым прошёл немецкие лагеря, с которым встретились всего один раз после войны: сидели со стаканами водки, никого к себе не подпуская, они просто, закинув головы и открыв рты, ревели с сухими глазами. Ревели грубо, тоскливо и некрасиво. Девочка запомнила это.

«Лечь! Встать! Лечь! Встать!»

Девочка родилась после войны. Но война догнала её и не давала покоя.

2

Прошло много лет. Девочка выросла. Превратилась в высокую стройную женщину. Стала биологом, женой, матерью. Много ездила по стране. Встречалась со многими людьми. Встречи эти все разные, но, как морские капли, сливались в одну безликую волну и исчезали в бездне времени. Конечно, многое оставалось в памяти. Но особенно поразило её знакомство с человеком в белгородской гостинице, куда собрались участники Всесоюзного совещания по биологическому методу защиты растений.

Было это утром в столовой. За столиком перед ней сидел потёртый жизнью старичок, хилый, какой-то пришибленный, в побитом молью пиджаке и несвежей рубашке. «Сторож, наверное», – решила она. С великодушием молодой здоровой женщины она предупредительно протянула ему вазочку с крупно нарезанными кусками хлеба:

– Берите.

Он робко взял самый маленький кусочек.

– Что же вы так мало? Берите ещё. Намажете маслом...

И, не дожидаясь, когда он снова протянет руку, подхватила ножом размякший кубик, мазнула раз-другой и весело шмякнула готовый бутерброд около его тарелки. Он не сказал ни слова, но посмотрел на неё с каким-то удивлённым испугом.

«Дворник, наверное. Дикий какой-то», – мелькнуло у неё в голове, хотя сама не поняла, почему дворник должен быть диким...

– А что же вы яйцо не берёте? Давайте я почищу его вам.

Она взяла яйцо, смачно шлёпнула по столу, очистила и подала старику. Тот опять как-то странно взглянул на неё, взял яйцо, надкусил, но поперхнулся и долго откашливался и сморкался. Жизнь была в ней через край, требовала деятельности, событий, и потому не сказавшего ещё ни слова старика хотелось расшевелить, тоже как-то втянуть в её орбиту.

– Давайте познакомимся. Вера Григорьевна. – Она первая через стол протянула ему руку.

– Любомир Андреевич, – надтреснутым голосом с лёгким неистребимым акцентом произнёс он.

И вдруг как-то тяжело, с хрипом задышал. Лицо его исказилось. Он делал чудовищные усилия, чтобы прийти в себя, но, помимо его воли, из груди стали вырываться какие-то странные звуки. Он резко встал. Отодвинутый махом стул забалансировал, но раздумал падать и только брякнул двумя ножками по мраморному полу. Старик был уже у выхода.

«Боже! Что с ним? Что я с ним сделала?» – чувство непонятной вины захлестнуло её, вырвало из-за стола и бросило к двери. Старик стоял в углу вестибюля гостиницы и, уткнувшись в стену, безутешно плакал. Выдавший виды пиджачок болтался на острых, вздрагивающих лопатках.

Она не помнила, как оказалась около него. Ей во что бы то ни стало надо было объяснить, что она не хотела его обидеть, что если это всё-таки произошло, она молит его простить. Чем угодно она готова искупить свою вину. Конечно, было бы вообще замечательно, если бы он объяснил, в чём эта её вина. Странно, но именно от этих её слов его плач усилился и перешёл в судорожные рыдания. Чтобы не привлечь любопытного внимания прохожих, она потянула его за руку в сквер и усадила на лавочку.

И тут она услышала рассказ, от которого ни уйти, ни избавиться не могла всю жизнь. Всю жизнь её преследовали заплаканные глаза старика, его дребезжащий голос и страшные слова.

– Я бывший нацист. Имею за плечами три европейских вуза. До войны моё имя гремело в научном мире. Я обладатель многих наград и премий мира. Наука и привела меня, родовитого шляхтича, к фашистам. Дешёвый человеческий материал – пленных – немцы предоставляли мне в любом количестве. Лаборатории, прекрасное оборудование, деньги, почёт – всё, только работай. О нравственной стороне никто и не думал. Не думал и я. Главное – работа. И я ушёл в неё с головой. Передвигался в тылу передовых частей, рвущихся к Сталинграду. Там же и попал в плен. Отсидел в ваших лагерях двадцать лет. Что перенёс – об этом лучше не вспоминать. Бесконечные допросы, пытки, издевательства охранников и уголовников. Но самое страшное началось, когда я вышел на волю. Польша не захотела меня принять. Родственники отказались от бывшего нациста. Сын и дочь не хотят меня видеть. Поселили в деревне под Волгоградом. Делом чести каждого мужика деревни было избить или хотя бы ударить меня, женщин – плюнуть в меня. От мальчишек проходу не было: забивали камнями. Вслед летело: «Фашист, фашист...» Несколько раз поджигали избушку, в которой я поселился. Не давали работать. Нечего было есть. Одна женщина пожалела меня. Благодаря ей и выжил. Матка боска! Сколько же она, бедная, перенесла! Как её третировали, презирали соседи! Мы даже детей не могли завести, боялись – убьют.

– Как же вы сюда, на совещание руководителей лабораторий, попали? – спросила Вера Григорьевна и сама удивилась своей бестактности.

– Недавно предложил областному центру свои услуги. Я ведь продолжаю следить за научной мыслью. В допустимых пределах, конечно. Секреты не для меня. Чудо, что никаких документов не потребовали и дали лабораторию. Видимо, из предварительного разговора поняли, что я не новичок. Я вообще за много лет впервые вырвался из деревни, куда меня сослали. И сразу вы со своим участием. Вот нервы и сдали.

Он виновато улыбнулся и надолго замолчал. На другой стороне сухого облупленного фонтана лениво скрябал метлой мужик в валенках с галошами, несмотря на начинающуюся жару.

– А ведь совсем недавно, чтобы выжить, брался за самую грязную работу: чистил от навоза коровники, за корку хлеба освобождал выгребные ямы.

«Вот почему от него так скверно пахнет», – мелькнуло у неё в голове. А в глубине гвоздём вонзилась и постоянно царапала мысль: «Может, это он проводил медицинские опыты над моим отцом...»

И сразу брезгливость от нравственной и физической нечистоты старика мелькнула в её лице. Чуткий к малейшим движениям настроения, он заме-

тил её неприязнь и сразу замкнулся, споткнувшись на фразе. Он сидел, сторбившись, глубоко несчастный, раздавленный жизнью, судьбой, собственными страстями. Потом мотнул головой, словно отгоняя какие-то страшные видения, и обречённо продолжал:

– В каких только передрягах я не побывал! Иногда думал: всё, помру сейчас. А Бог душу мою не принимал, на людской суд возвращал. Словно отметил той же непрощёной печатью Каина. Не раз хотел я на себя руки наложить. И с радостью бы сделал это. Да, казалось, судьба испытывает меня и говорит: это крест твой, не смей бросать его, заслужил – неси.

Из столовой выходили люди и исчезали в ожидавшем автобусе. Пора было ехать на совещание. А он всё сидел на скамейке, старый, отвергнутый всем миром, бесконечно виноватый перед людьми и уже заплативший за это страшную цену. Пальцы одной руки машинально барабанили по колену, вторая, свесившись, мелко дрожала. И жалость, такая острая и нестерпимая, пронзила женщину и так сковала дыхание, что она резко наклонилась, сорвала чудом выросшую из асфальтового плена и успевшую расцвести дикую ромашку и размашистым жестом поднесла ему.

ПОЛИГОН

Дело умных – предвидеть беду, пока она не пришла.

Питтак, древнегреческий мыслитель

От жары в канаве стало меньше воды, кое-где она покрылась ржавой ряской и стала пахнуть болотной гнилью. Зато головастики из маленьких прозрачных живчиков превратились в пузатых длиннохвостых рыбок-нерыбок, зверей-не-зверей – словом, в смешных невиданных уродцев. Девочка, которая едва удерживала в руках дрыгающегося головастика, ещё не знала чувства брезгливости и страха перед разными формами жизни. Мир она воспринимала пока очень дружелюбно. Её только интересовал вопрос: почему лапки головастика, видные сквозь полупрозрачное пузечко, растут внутри, а не снаружи, ведь ими нельзя бегать.

От этой проблемы её отвлек черноволосый синеглазый мальчик, неслышно подкравшийся сзади. Он сильно ударил палкой по воде, и фонтан брызг окатил её с головы до ног. От неожиданности она выронила головастика на песок, гибким движением обернулась и погналась за обидчиком. Мальчик был её ровесником, но казался меньше, подвижнее и изворотливее, и она не догнала его.

– Дурак!

Запыхавшись, она вернулась к канаве и опять взяла в руки полуживого, облепленного песком головастика. Но он уже не интересовал её, и в досаде она бросила его в воду. Туго заплетённые светлые косички воинственно торчали в стороны.

Мальчик сел на землю на безопасном расстоянии.

– А у нас котёнок в варенье упал, – сообщил он, выкапывая босой пятой ямку в земле.

– В горячее? – девочка сразу забыла об обиде.

– Нет. Оно уже остыло. Мама в банки разлила, но не закрыла.

– Захлебнулся?! – ахнула девочка.

Её нос на круглом лице сморщился от жалости. Она готова была заплакать.

– Не-а. Он прыгнул и задними лапами провалился в банку с вареньем. Голова торчала, но выбраться не мог.

– Ой, какой сладкий стал! – девочка засмеялась и ехидно спросила: – Вы что, облизывали его по очереди?

– Кто же котят оближивает? Они в шерсти. Мама тёплой водой его отмывала.

– Это сколько же варенья пропало! – Совсем по-бабьи она всплеснула руками.

Они уже давно сидели рядом, потом, наклонившись голова к голове, следили за небольшими лёгкими жучками с красными и узорчатыми спинками. Их называли солдатиками, наверное, потому, что бежали они строем, уцепившись друг за друга, хотя больше напоминали поезд, каждый жучок которого был вагоном.

– Как ты думаешь, куда они едут?

Мальчик не знал, но не стал признаваться в этом. Тогда девочка пропела:

– На базар, на базар. Покупать самовар. – Она сорвала стебелёк и разрушила поезд.

– Пойдём на полигон. Я тебе салют покажу, – позвал он.

Полигон был совсем рядом. Это было огромное, издали казавшееся ровным поле, по которому клубами гонял пыль суховей. Но тот, кто ступал на эту брошенную военными землю, начинал понимать, как изувечена и отравлена она была. Вся она была изрезана окопами, блиндажами, большими ямами, в которые ставили тяжёлую технику. Как экзема на коже живого существа, всюду виднелись большие пятна разлитой солярки и бензина, торчало искорёженное железо, резина от колёс, измочаленные брёвна, полусгнившие доски. Металлические гусеницы и чудовищные колёса так взрыли и притоптали землю, что наружу не мог пробиться живой росток. Этот искусственный пейзаж дополняли попадавшие на каждом шагу стреляные гильзы от разных систем оружия. Детям запрещено было появляться на полигоне. Взрослые не раз говорили им об опасности. Но их неудержимо влекло сюда ещё и обилие пороха, разбросанного повсюду. Встречался он в самом неожиданном виде: порошком, кристаллами, разной величины кольцами и даже длинными макаронинами.

Шагая по этому мёртвому полю, ребята набрали на неразорвавшийся артиллерийский снаряд, лежащий на боку в полуметре от окопа.

– Слабо нажать на головку? – синими глазами мальчик испытующе смотрел на девочку.

– Стра-а-шно, – вспомнила она наказания взрослых, как цапля стоя на одной ноге и почёсывая её другой.

– Ничуть!

Замирая от ужаса, он приблизился к снаряду и дотронулся до его острого конца.

Опасаясь взрыва, девочка быстро шмыгнула в окоп. Комья земли зашелетели вслед за ней.

– Вылезай, трусиха!

Через минуту они, смеясь, по очереди шлёпали ладошками по головке снаряда.

Но скоро им надоела эта игра. Тогда мальчик решил показать обещанный салют. Он нашёл пустую гильзу от бронебойного патрона, набил её порохом и тупым концом привычно воткнул в крутой склон глубоко вырытой боль-

шой ямы. Спички у него всегда были с собой. Он даже покурился немного, хотя это и не нравилось ему. Да и отец не раз обещал выпороть его за это. Но уж очень хотелось быть взрослым.

– Ты отойди. А то она сейчас рванёт! – сказал он покровительственно.

Девочка сдунула белую чёлку со своих глаз и шагнула назад. В это время гильза зашипела, заворчала и начала плеваться белыми искрами. Потом как-то чмокнула и вылетела из земли. Девочка едва сумела отклониться в сторону, как, перевёртываясь в воздухе и разбрызгивая горящий порох, гильза просвистела в нескольких сантиметрах от её головы. Испугаться она не успела, но «салют» восхитил её. Мальчик тоже был доволен, так как не всегда гильза вылетала из земли. Какие-то законы физики, которых он не знал, иногда держали её там.

– Давай ещё! – Девочка азартно отвела чёлку с глаз.

– Мне домой надо, – схитрил мальчик: он не был уверен, что «салют» повторится.

Вечером мама девочки, укладывавая её спать, увидела дырку на платье.

– Ты что, курила?! – нахмурилась мама.

– Нет, – честно ответила дочь.

– Почему же платье прожжённое?

Но тут закипел чайник. Мама побежала выключать его и больше не задавала вопросов. И девочке не пришлось изворачиваться, чтобы скрыть, что она была на полигоне.

А мальчик... Мальчик погиб через два дня. У него в руках разорвалась боевая граната.

ДУЛО, СТРЕЛЯЮЩЕЕ В МЕНЯ

Ну никак не лез ключик во внутренний замок почтового ящика. Никак! Что-то мешало. Пришлось дверцу выдирать «с мясом». Хорошо, железка поддавалась и отогнулась. Поковырялась в замочке, и вот она – уже подсохшая жвачка. И хоть ящик был безнадежно испорчен, возня с ним не была напрасна: в руках оказался пухлый пакет из Суздаля. Удивилась. Вроде бы там – ни родни, ни знакомых. Но... адрес – её. Фамилия – тоже.

«Уважаемая Ольга Андреевна! Двадцать пять лет я разыскиваю Вашего отца. Если дойдёт это письмо, пожалуйста, откликнитесь».

Взглянула на подпись: Владимир Ильич Антропов. Шутка, что ли? Ах да! Ведь генсек – Юрий. И в середине фамилии – «т», а не «д». Всё равно кого хочешь оторопь возьмёт: фамилия-то редкая. Да ещё такая известная.

«После войны прошло почти сорок лет, а я до мельчайших подробностей помню, как Ваш отец спас меня от смерти. Если бы не он, никогда не было бы у меня любимой женщины, детей, внуков. Да и вообще не было бы этих сорока лет мирной жизни».

Мне тогда восемнадцать было. Перед первым боем старшина сказал: «Не закрывай люк, заклинй его – все сгорим». И правда, когда попал снаряд, я пробкой вылетел из танка. Но только один. Остальные погибли. Неизвестно, сколько провалялся в кустах без сознания. Видимо, получил сильную контузию, потому что голова лопалась, тошнило, ноги не держали. Лицо опалило горячим воздухом. Оно раздулось и было как чужое. Сильно обожгло тыльную сторону ладоней. Они болели... Так болели...»

Вдали услышал мирную немецкую речь и ломанулся в лесную чащу. Понял: тот бой мы проиграли...

В лесу бродил несколько дней. Сколько – не помню. Питался ягодами и сырыми грибами. Огонь развести боялся. Слизывал росу ипил болотную воду. Шёл, не разбирая, ночь сейчас или день. Была возможность – шёл, нет – падал, отлёживался. На нашу часть набрёл ночью. Даже обрадоваться не смог: от слабости и головокружения какое-то парализующее равнодушие было. А тут и НКВДэшник объявился, капитан. «Почему ночью шляешься? Шпион немецкий?!» И – хрясть рукояткой пистолета по лицу. Связали руки-ноги, кинули на землю. А утром – на расстрел.

Перед боем у нас отбирали все документы. Но свою фотографию с одноклассницей я утаил. Мы тогда в день окончания школы сфотографировались. На обороте было написано: «Володя Антропов и Лена Соколова». Я сказал, что Антропов, школьник и танкист, – это я. Капитан сравнил изображение с моим опухшим и разбитым лицом и опять «убедился» в том, что я окончательно заврался и что я шпион, засланный немцами в их часть, чтобы оставлять знаки на деревьях, указующих её маршрут. Меня так удивила его фантазия, что внятно не смог противопоставить ей ничего.

Время было не просто суровое – экстремальное. Ведь часть тоже выбиралась из окружения. Не было еды, воды, а главное – патронов. Шли из последних сил. Столкновений с немцами избегали, хотя они шарили по лесу, чистили свой тыл.

– Антропов! Становись к сосне!

Связанного и истощённого, прислонили к дереву. Капитан поднял пистолет, прицелился. Клянусь: я видел вылетающую пулю. Как в замедленном кино. Её жало должно было вляпаться мне в лоб. Мгновение – и навсегда я остался бы в том лесу. Да Бог прислал Вашего отца.

– Отставить! – Он вышиб оружие из руки.

И тут же пистолет грохнул. Но уже в молоко. Что случилось? Ведь я видел убивающий меня патрон. Наверное, удар полковника застал пулю частично ещё в стволе, и, вылетая, она изменила траекторию. Я не успел возрадоваться, что уцелел, как Ваш отец ястребом налетел на расторопного капитана:

– Каждый патрон на вес золота, а вы тратите его не на врага, а на советского танкиста! Уничтожаете бойцов Красной Армии! Это ведь на вредительство похоже. По прибытии к своим я доложу о вашем поведении командованию.

Последние фразы страшно напугали капитана. До войны он сам всех пугал, гноил заключённых и знал цену угрозам. Через несколько дней ординарец Вашего отца по секрету мне рассказал, что между полковником и ретивым НКВДэшником состоялся торг: капитан не будет ябедничать на меня и на таких же примкнувших к части солдат, а он забудет о преступно израсходованном патроне и «об уничтожении квалифицированных (я же танкистом был) бойцов в военное время». Дурдом. Абсурд. Но другого языка капитан не понимал. И опять Ваш отец спас меня. Неизвестно, чем закончилось бы расследование моей «шпионской» деятельности, если бы капитан нашептал о ней в органы. Да и вопрос: что нашептал бы? Отменной сволочью он был! Многим он не просто насолил, а жизнь спустил под откос.

В то время я даже не осознавал, каким бесстрашным человеком был Ваш отец. Ведь любой НКВДэшник мог содрать даже генеральские погоны. Тем более во время войны... Тем более после окружения... Да такого можно было напелести... И плели... Много голов тогда полетело... Но я молодой был. Глупый. Многого не понимал. А когда понял (годы спустя) – восхитился.

Господи, как тяжело нам дался этот прорыв к своим! Начались холода, ночами земля покрывал иней. Временами выпадал снег. Я шёл без шлема (где-то потерял его), в обгоревшем комбинезоне, от усталости и полученной контузии – в полубреду и в тумане. Уже и не понимал – куда, зачем и почему. К тому же отчаянно болели руки. Сначала они покрылись пузырями, потом образовались корочки, которые трескались, кровоточили, подсыхали, вновь лопались и никак не заживали. И даже во сне боль не утихала. Лицо тоже кипело, но терпимо. Постепенно входило в норму, и я становился похож на своё изображение на фотографии с Леной.

Мы шли небольшими группами. Так легче было затеряться в лесу и выжить. Шли и шли. Отрубали у павших, уже разложившихся лошадей копыта. В редкие дни отдыха по многу часов варили их и пили бульон. О сне мечтали. Преодолевать его было тяжелее всего. Спали на ходу, падали, иногда и не поднимались. Пыткой было стоять в карауле, охранять прижавшихся друг к другу мертвецы спавших людей и... не заснуть самому. Чтобы веки не закрывались, между ними вставляли обломки спичек. Глаза воспалялись, кровоточили. Но и с открытыми глазами всё равно спали. Чудовищную усталость не могли преодолеть ни страх замёрзнуть в лесу, ни опасность внезапно нападения немцев или своих бойцов, блуждающих по лесу и в темноте принимающих нас за оккупантов. Несколько раз немцы заставляли нас врасплох, косили автоматами. Без патронов мы отбивались врукопашную, но сил не было, спасался тот, кто успевал удрасть. Это была кошмарная гонка на выживание. Грешным делом, я тогда пожалел, что капитану не дали пристрелить меня.

К своим часть вышла сильно поредевшая.

Отвоялся в госпитале. Из-за сильнейшей контузии хотели комиссовать. Но я не дался.

Полковник, как и я, вышел из окружения. Но мы расстались. Его я больше не встречал. И почти забыл о нём.

Капитан тоже вышел из окружения. Его направили в тыл, казнить и миловать таких, как я. Подозреваю, не столько миловать, сколько казнить. Но по дороге поезд его разбомбили. Судьба вновь столкнула нас в госпитале, где я отлёживался. Но... Лучше бы не сталкивала... И не из-за того, что он очередную пакость мне приготовил... Он был... самоваром... Без рук, без ног. А ведь ему было едва за тридцать. Лучше бы погиб... И страх, неприязнь, даже ненависть к нему вмиг исчезли. Никому такого не пожелаешь... Не знаю, была ли у него семья. Медсёстры написали матери в уральскую деревню. Скорее всего, мать и забрала его. Меня подлатали и – снова на фронт.

Прошёл все четыре года войны. Многого повидал, многое вытерпел. Часто стоял на краю. Часто рядом слышал дыхание курносой с косой. Конечно, война несёт с собой массу случайностей. Для каждого человека, столкнувшегося с ней, она непредсказуема. Но никогда я не был так близок к пропасти, никогда больше не заглядывал в дуло, стреляющее в меня.

После войны женился на Лене. Она для меня талисманом стала. Долгие годы жил мирной и, смею утверждать, счастливой жизнью.

Но уже много лет всё чаще всплывают картины той военной поры. И события в том лесу. Без сомнения, это была очень важная точка в моей жизни, застрявшая в памяти и с каждым годом всё более бередившая меня. Она не только не уплывала в прошлое, а становилась все ярче и болела всё больше.

В Министерстве обороны мне сообщили, что Ваш отец год назад ушёл из жизни. Я опоздал. Но дань памяти и великой благодарности к нему я должен отдать хотя бы Вам, его дочери. Иначе не будет мне покоя. Поэтому я и написал Вам письмо.

Извините за излишние подробности, но мне важно было Вас, человека, вся жизнь которого прошла в мирное время, (уж простите за пафос!) ввести в ту атмосферу невыносимой тяжести и напряжения, ядовитой подлости и высокого героизма, что несёт с собой война».

Подпись. Число. Обратный адрес. И вновь – просьба откликнуться.

Она откликнулась. Поблагодарила за память об отце. *«Будет время и возможность приехать – встречу. Сходим на кладбище. О ночёвке не беспокойтесь. Поживёте у меня».*

Он приехал рано утром. Маленький, плотный, с большой лысиной на голове и густым басом. Она заметила на тыльной стороне ладоней старые, заросшие, но все же заметные рубцы от сильных ожогов. Успокоилась: значит, в письме не врал.

Отдыхать после дороги не стал.

На могиле отца оставила его одного. Пошла якобы навестить своих знакомых, но издалека наблюдала за ним. Он встал на колени, перекрестился (государство всё ещё было безбожным, и крест, которым редкие граждане осеняли себя, воспринимался как чудачество, экзотика). Склонив голову, долго стоял так. Губы его шевелились. Он то ли молитву читал, то ли разговаривал с прошлым. Когда она подошла к нему, лицо его было в слезах, хотя он отворачивался, торопливо и (как ему казалось) незаметно вытирал их.

Позвала родных, друзей, тех, кто хорошо знал её отца. Владимир Ильич поставил на стол бутылку десятилетнего армянского коньяка. Посидели. Помянули. А тут и день закончился.

Она постелила ему в дальней комнате, когда-то принадлежавшей матери. Выключили свет. Затихли.

Стала засыпать, как вдруг услышала: в ночи что-то громко упало. Поспешно накинув халат, ринулась к гостю. На боку лежал стул, а Владимир Ильич в майке и пижамных штанах метался в узком пространстве между окном, шкафом, стеной и кроватью. Безумными глазами он взглянул на неё и громко скомандовал:

– Антропов – к сосне!

И крик этот прозвучал так нелепо, так ненормально, что она сначала остолбенела, а потом кинулась на кухню за валерьянкой. Пока капала её в воду, он вырвался из тесноты одной комнаты и бегал уже по всей квартире.

– Антропов! К сосне! – сам себе рычал он, по пути натываясь на столы, хлопая дверями, опрокидывая стулья.

Она догадалась, что это – последствия контузии.

– Успокойтесь. Пожалуйста. Вот, попейте.

Он дико глянул на неё. В нём клокотал и рвался наружу крик-приказ самому себе. Где-то глубоко-глубоко в сознании билась здравая мысль, что он пугает её. Но ничего поделать с собой не мог.

И так всю ночь. Перед рассветом крики стали тише. Часа на два он вообще затих.

Утром, выходя из ванной, встретился с ней и, пряча глаза, буркнул:

– Спиртного – ни капли нельзя.

Засобирался домой. Оставлять его не стала. Пошла провожать.

У дверей вагона остановились.

– Всё, что вам написал, – чистая правда. Кроме одного: семейное счастье – разрушено. Дети повзростали, я им не нужен. А жену не виню: не выдержала она моих проблем с головой. Никакое лечение не помогает. С годами только хуже становится..

Опустил голову. Как двоечник на экзамене, носком ботинка зачем-то поковырял выбоину в асфальтовой дорожке перрона. Женским естеством она почувствовала его пустое и гибельное одиночество. В груди что-то тонко и больно заныло.

– Хорошо, что побывал на могиле вашего отца. Душу омыл. Очистился. Помолчал. Трудно вздохнул.

– И от земных дел освободился.

Шагнул в тамбур.

– Прощайте! Спасибо вам.

Ей показалось, он ждал, что она остановит его и возьмёт к себе навсегда. Поезд тронулся. Она не остановила...

**Александр
ТИХОНОВ**

ЖАЖДА ЧУДА

***

Отпустить бы насущное, чтобы
Долго-долго по снегу идти
И вдыхать этот мир до захлёба,
И всему изумляться в пути.

От полночных огней в отдаленье
Проходить и желать от души,
Чтоб в глуши сохранилось селенье,
Но народ разъезжаться спешит.

Оправданья ищу. Но себе ли?
Или снегу, что знает одно:
Нет села там, где вьюги свистели
И под утро стучались в окно.

Я там не был ни разу. Но всё же,
Сбив пургу, обратив время вспять,
Так хотел бы поверить, что может
Возродиться глубинка опять.

Тянет дым над заснеженной крышей,
И ничто не пророчит беду.
Слышишь, снег?
Всё наладится!
Слышишь?..
Через выставший город бреду.

-
- Александр Александрович Тихонов родился в 1990 году в п. Большеречье Омской области. Работает заведующим научно-краеведческим центром им. А.А. Жирова в Тарской центральной районной библиотеке. Стихотворения и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Подъём», «Север» и др. Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014), романа «Охота на зверя» (Москва: АСТ, 2016), соавтор научно-популярной книги «Сила Сибири. История Омского края» (Омск, 2016). Лауреат всероссийских литературных премий: им. М.Ю. Лермонтова (2015), «В поисках правды и справедливости» (2016), региональной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2015).

***

Летит. Кружится. Падает. Вростаёт
В сугробы у замёрзшего окна
Январский снег, а серенькая стая
Таскает из кормушки семена
Подсолнечника. Хорошая старушка
Их сыпала. До солнечного дня
Теперь протянут птицы. «Где же кружка?» –
Нелепо тянет срифмовать меня.
Но за окном – ни кружки, ни старушки.
От щедрых подношений ни следа.
Ещё слетают бойкие пичужки
К дышащей паром форточке, но там
Царят иные запахи. Вростаёт
В сугроб не этот снег, но прошлый год.
Поминки отшумели, и пустая
Квартира словно новой жизни ждёт.
А снег идёт. И в этой снежной гуще
Блуждает беспокойная душа
И кормит птиц, поющих для живущих
На всех без исключенья этажах.

***

На дороге в Тифлис – два вола, запряжённых в арбу.
А навстречу – коляска с кудрявым, смешливым поэтом.
Позже он убеждал себя, дескать, про всё позабудь...
Но до смертного часа в подробностях помнил об этом:

Как скрипели колёса, как жарко курился рассвет,
На полнеба алел, словно свежая рваная рана.
«Вы откуда?» – спросил у смурного возницы поэт.
Тот взглянул отрешённо и вымолвил: «Из Тегерана».

По накрытому тряпками грузу скользнул острый взгляд,
И напуганный Пушкин, страшась и желая ответа,
«Что везёте?» – шепнул. И как будто качнулась земля,
Оглушённая страшным известьем: «Везём Грибоеда».

На дороге в Тифлис, на изломе горючих времён,
Два следа от повозок в пыли раскалённой белели.
Так двух гениев – каждый великим талантом клеймён –
Параллельными курсами в вечность вели параллели.

Но ни пыль, ни пурга не меняют истории суть.
По кровящей неонем столице из «Внуково» едут
Похоронной процессией. Спросят: «Кого там везут?»
Но ответ всем известен, конечно: «Везут Грибоеда...»

ОМСКУ

И не важно,
как долго в его утробе
пробыл плод таланта.
Но он был нашим!

Город вслед кричал:
– До свиданья, Роберт!
И по скверам кликал:
– Ты где, Аркаша?

– Ты куда, артист?
– Поднимаюсь выше,
в звёздный звон,
где ангел крылами машет.

Город лишь вздохнул:
– До свиданья, Миша.
На погонах звёзды –
теперь ты маршал.

Снова будут к небу
расти гиганты –
над собой
и крышами новостроек.

Где-то в спальном квартале
искрит талантом
тот, кто пробует звёзды
достать рукою,

В колыбельке лёжа. Ещё без нимба.
Ты храни его, Боже, кто бы он ни был.

***

Казалось, юность поросла былём,
Но жажда чуда всё куда-то манит.
С утра соседка вешает бельё,
И простыни – как паруса в тумане...

Усталости и лени вопреки,
Гляжу в окно, в котором плещет лето.
Вновь умоляю: память, береги
Мальчишеское ощущение это.

Я не хочу быть нудным ворчуном,
Размениваясь на дела и вещи.
Я распахну рассветное окно,
А там – в тумане – паруса трепещут!

ЛЕОНИД

*Памяти поэта
А. Н. Чашечникова*

Закрота книга, но строка звенит.
Так меч простора просит, в ножнах лёжа.
Не древний царь спартанский Леонид
Владел клинком, но сельский мальчик Лёша.
А путь его был долог и тернист:
Сквозь сумерки времён навстречу свету
Шёл молодой весёлый баянист,
Наш Лёнька – выпускник из «культпросвета».

До самой смерти гол был как сокол.
Ленивую размеренность разрушив,
Сквозь масло будней остро шёл глагол,
Заточенный, чтоб жечь сердца и души.
Вскипала, раскаляясь добела,
Поэзия, замешанная с кровью.
Судьба же Николаича вела
То в Астрахань, то вовсе в Подмосковье.

Но строчке нет покоя. Всё звенит.
Всё требует, чтоб я прочёл и понял.
Как будто ждёт почивший Леонид
Того, кто вложит меч в свои ладони,
Чтоб слово обожгло живым огнём
И в ясности звенящей укрепило...

А русские поэты день за днём
Подмоги ждут. И гибнут в Фермопилах.

***

...Но, отказавшись верить наотрез,
Беззубый рот в усмешке злой ощерив,
Шёл римский стражник медленно к пещере,
А вслед ему неслось: «Христос воскрес!»

Вёл стражника неясный интерес.
Он замер в кротком сумраке гробницы
И, дрогнув, поднял с пола плащаницу.
И прошептал: «Воистину воскрес...»

16.04.2017 г.
Светлая Пасха.

***

Отраженье небес на его доспехе,
Перезвон кольчуги и лязг стремян.
На коне вороном Пересвет проехал,
Будто думал средь войска узреть меня.

Не увидел. Я мокну в сибирской хляби.
Опоздал на сраженье. На семь веков.
Через поле с прищуром глядит Ослябя:
Вот уже расступились ряды врагов,

И на чёрном коне, выйдя против света
И сощуриль глаза и подняв копьё,
Половецкий воин на Пересвета
Поглядел, дескать, время пришло твоё.

И пустили в галоп! С юным ветром вровень
Поскакали к началу любых начал.
Пусть копьё Челубея просило крови,
Но у русского – солнце из-за плеча.

Две холодных стены выпускали жала.
Шли одна на другую, а в этот миг
Струйка крови по росной траве бежала.
Чья та кровь – неизвестно. Пойди пойми...

Гаснет небо над Родиной. Тьма клокочет,
Мол, упавшее солнце нельзя спасти.
Но рассвет-Пересвет мчит навстречу ночи.
Он всё ближе. Кольчуга его блестит.

***

Я иду расставаться с тобой.
С неба сыплет противная морось.
Кто сказал, что мы сшиты судьбой
И отныне не выживем порознь?

Кто сказал, мол, уступки нужны,
Чтоб самим не распасться на части?..
Как мы были чисты и нежны,
Как хотелось нам общего счастья!

Старый чайник кипел на плите.
Стопки книг, запах кофе и пыли.
Дождь хлестал за окном, снег летел...
Боже мой, как мы счастливы были!

Кто сказал, что мы сшиты судьбой?
Я сказал. Не боюсь повториться.
Вроде, шёл расставаться с тобой.
Оказалось – мириться.

***

За плечом у ангела-хранителя –
Белый свет.

Храни его, храни.
Пусть он знает: в мире не одни
Он и я. Тем жизнь и удивительна,
Что не ясно, то ли вечный бой
За меня ведёт броня живая,
То ли я от мрака закрываю
Ангела-хранителя собой.

***

«Смерти нет», – повторяет в бессонье душа.
«Ночи нет», – заходящее солнце ей вторит.
Как боится душа разучиться дышать,
Так светило страшится, что выгорит вскоре.

«Ночи нет...» – солнце крутит наш маленький шар.
«Смерти нет...» – если каждый продолжен в потомке.
Но взрослеет душа, чтоб понять не спеша,
Что сама для себя – лишь потёмки.

Шелестят по архивам шаги и тома,
Заполняются храмы просящими чуда.
Понемногу собрав от души и ума,
Понимаю себя и немного... Иуду.

Он на всё был готов ради звона монет,
Но не много ли нас нынче этим болеет?
А душа всё твердит: «Смерти нет, смерти нет...»
Снова солнце взойдёт, осветив Галилею.
Снова солнце взойдёт, осветив Назарет.
«Ночи нет» – солнце верит трудам Галилея.

***

Бессмертие течёт по венам городов,
Пulsирует – «ура!» – парадная столица.
Несметные полки, глаза солдатских вдов...
Глядят с портретов в май мальчишеские лица.

И вроде от войны мы слишком далеки,
А выцветший портрет – и тот запаян в пластик.
Но крепнут каждый миг бессмертные полки.
Шагаем с ними в такт. Мы. Становясь их частью.

**АНТОН
ШУШАРИН**

ТЕМНЕЕТ РАНО

1

Скачков сидел за письменным столом и сочинял отчёт. Сдать документацию на подпись начальнику он должен был ещё два дня назад. Перечитав последнее предложение, старлей поморщился и, скомкав лист, отбросил в сторону. Взгляд потянулся за окно. Глаз зацепился за жилки колючей проволоки. Вот! Строчки в его отчёте выходили такие же неровные и колючие.

Скачкову вспомнился сон, который вымучил его под утро.

Ему снилась лечебница в осенних горах, обнесённая высоким забором. Выбитые стёкла, облупившаяся краска на стенах, пожелтевшая потолочная плитка, узор на которой похож на копошащихся в молоке опарышей, и несколько десятков людей, поражённых неизвестной болезнью. Он, Скачков, в белом халате ходит меж рядами больничных кроватей, на которых лежат разлагающиеся люди. С них слоями слезает кожа, плоть отстает от костей и выглядит как мясо вяленой рыбы. Через распахнутые окна в палату ветер закидывает листья, они кружатся, опускаясь на больных. Люди почти не разговаривают, кто-то стонет, кто-то тихо бредит. Запах гниющей плоти не даёт дышать, его мутит, он быстрым шагом пересекает палату и распахивает дверь запасного выхода. Чистый горный воздух, свинцовое осеннее небо. Он прислушивается: кажется, до него доносится шум прибоя, похожий на артиллерийскую канонаду. Откуда здесь-то? К нему на кресле-каталке подъезжает один из больных – сморщенный человечек с голым черепом, весь покрытый гноящимися язвами.

– Здесь рано темнеет, – тихим голосом говорит он, как будто не обращая ни к кому.

Скачков молчит.

-
- Антон Алексеевич Шушарин родился в 1987 году в д. Косновская Холмогорского района Архангельской области. Окончил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет. Работал санитаром на скорой помощи, кровельщиком, курьером, социологом, служил начальником отряда в колонии строгого режима. Впервые опубликовался в 2010 году в архангельском журнале «Двина». Лауреат литературной премии мэра Северодвинска и Совета депутатов Северодвинска «Никольское устье» (2012); обладатель Гран-при в области литературы V Международного фестиваля «Дар-2013» (Екатеринбург). Финалист III Межрегионального литературного конкурса «За далью – даль», посвящённого А. Т. Твардовскому, в номинации «Проза». Автор сборника рассказов «Ангелы в ночи». Живёт и работает в Архангельске.

– У меня отняли обе ноги, – продолжает больной. – Ты же начальник, сделай что-нибудь.

– Я не врач, – разводит руками Скачков.

– Тогда улетай, – всхлипывает больной.

Он скребёт язву на щеке. Под ногтями остаётся кожа, которую он принимается вычищать, потеряв интерес к собеседнику.

Скачков расправляет крылья и взлетает.

– Во, – доносится до него чей-то голос, – канюк полетел.

– Прощайте! – кричит он, но не слышит собственного голоса.

Его крик заглушается нарастающим низким гулом. С треском падает дерево, вырванное с корнем. Гарь. В нос ударяет вонь взрывчатки, всё вокруг застилает дым. Скачков со всего маха налетает на витки колючей проволоки. Грудь пронзает холод, Скачков падает, крылья ломко обвисают. Оглушённый, он слепо шарит по земле. Под ладонями – россыпь ещё горячих стреляных гильз...

Лопатки свело дрожью, старлей поёжился, положил ручку и сунул правую руку под мышку. В кабинете было очень холодно. Он подошёл к окну, посмотрел наружу сквозь обледеневшее стекло и в который раз пожалел, что своевременно не дал команду дневальному утеплить раму. Из окна были видны часть изолированного участка и бараки соседних отрядов, здание дежурной части и лес за пределами колонии строгого режима, в которой он служил.

Скачков вернулся к столу, который располагался прямо напротив входной двери. Буквой «т» к нему был приставлен ещё один, за которым осуждённые писали объяснительные, заявления на условно-досрочное освобождение, на краткосрочное или длительное свидание с родственниками, на выдачу вещей, на... В общем, заявления осуждённые писать любили и делали это часто, отрывая начальника отряда от его работы, вынуждая бегать с этими заявлениями к руководству.

«Плыл по городу запах сирени-и-и...» – пело за дверью радио. Периодически песни прерывались, и по коридору разносился грубый голос: «Внимание, колония! Осуждённому такому-сякому прибыть в дежурную часть!» или: «Внимание, колония! Начсоставу прибыть в столовую для проведения обеда жилой зоны!»

– Ничего не успеваю, – пробормотал Скачков, покосившись на пачку необработанных документов.

Но... Нарочито медленно достал сигарету, в задумчивости поднёс её к носу и вдохнул запах табака. Ему вспомнилось, как утром, проснувшись в поту, ничего не соображая, он бродил по комнате, переживая приснившийся кошмар, потом оделся, зажёл сигарету и стал тупо разглядывать складки на своих помятых брюках.

Старлей сел за стол. От воспоминаний во рту скопилась горечь. Курить расхотелось.

– Дневальный! – крикнул он.

В кабинет завалился невысокий худой зэк, одетый в чёрную «хэбэшку». «Иванов С. Б. Отряд № 7» – было написано на бирке, пришитой на правой стороне груди.

– Меня зовут Сергей Борисович Иванов, меня пол-Европы знает. Все в курсе?

Лицо Серёги Иванова, угрюмое, изборождённое глубокими морщинами, не соответствовало его забойной, блатной речи и жиганским манерам. Он стоял на ставке дневального отряда, что подразумевало посильную помощь

в организации работы с осуждёнными. Иванов отвечал за своевременный подъём эков, выход на утреннюю зарядку, сопровождал рабочие бригады к месту развода на работу, давал указания уборщикам, наводящим чистоту в помещениях отряда... За работу он получал небольшое денежное вознаграждение плюс возможность получать дополнительные передачи, краткосрочные и длительные свидания с родственниками.

– Сергей, сделай кофе и возвращайся. Будем документы подбивать, – дал указание начальник отряда, оставив без внимания выходку дневального.

– Начинается, – скривился Иванов и с ходу поменял тон: – Но для вас, Владимир Николаевич, хоть мордой в грязь!

– Уймись, – осёк его Скачков. – Ставь чайник. Я совсем замёрз тут..

– Мёрзнешь, родной человек? А я тебе говорил, Николаич, давай окно утеплим. А ты мне чё? «Потом, потом...» – Дневальный подошёл ближе. – Ты плохо спал, что ли, Николаич? – щурясь, спросил он. – Я вот сегодня ужасно спал. Полнолуние...

– Серёга, кончай баззять. Не то настроение, – оборвал его Скачков.

Дневальный хмыкнул и пошёл к двери.

– Хоть бы котлет домашних принёс, гражданин начальник. Совсем я без мяса отощал.

Он обернулся, внимательно посмотрел пронзительными карими глазами на начальника отряда, усмехнулся и вышел.

– Ухо! – послышался крик из коридора. – Сделай кофе для начальника отряда!

Скачков проводил взглядом скрывшуюся за дверью спину: а ведь и впрямь тощой. Он подошёл к висящему на стене маленькому зеркалу и оглядел своё отражение. А сам-то лучше? Светлые короткие волосы, высокий лоб, нос с горбинкой, усталые серые глаза, широкие скулы. Всё же свежее. Оскалив отражению зубы, Скачков вернулся к столу, нехотя взял ручку и продолжил писать. Домой бы сейчас пойти, выспаться... Странно, что об одной и той же вещи утром мы думаем одно, а вечером – другое. Утром я ненавижу эту форму, эту работу. Зато, когда я выхожу за забор, мне нравится чувствовать на себе погоны. Где правда?

– Контрик в локалке! – заорал стоящий «на атасе» зэк.

Это означало, что в барак пожаловал отдел безопасности. Скачков надел ушанку, бушлат, застегнулся и вышел в коридор.

– Внимание, отряд! – крикнул сидевший около его двери зэк.

Все осуждённые разом обернулись.

– Вольно, граждане, – пробурчал старлей. – Ты чего орёшь?

– Вы тут ходите, движуху тормозите, – заулыбался «атасник» – во рту блеснули золотые коронки передних зубов. – Присматриваем за вами.

– Ладно. В локальный участок кто зашёл?

– Оперативный дежурный.

– А-а-а, Саньч, – разочарованно протянул Скачков и вернулся в кабинет.

Оперативный дежурный делал формальный обход по отрядам, чтобы расписаться в журнале посещений. Никакого дела до начальника отряда ему не было.

В кабинет вернулся дневальный, неся в руках кружку кофе. По кабинету распространился терпкий аромат. Зэк Иванов пил только дорогой, хороший кофе, который ему присылали с воли.

– Где салфетка, которую я оставлял?

Начальник отряда, оглядев стол, развёл руками.

– Ну и для кого я салфетки ношу, чтобы на столе пятна не оставлять? – Иванов взял первый попавшийся листок и поставил на него кружку.

– Э-э-э! – Скачков торопливо переставил кружку. – Это же заявление. Ортман просит свидания.

– Ну и хорошо. Ты лучше порви его, – посоветовал Иванов. – Ортман слабак. Но при этом он никого не уважает, даже своего отца. Он подбивает мужиков на тебя жалобы писать. Давай его в банку закроем.

– Рано, – отозвался начальник отряда. – В ШИЗО заехать он всегда успеет. Пусть пока плавает, а мы понаблюдаем.

Старлей сел за стол, отпил обжигающе горячий, крепкий кофе, держа кружку в ладонях, и глубоко вздохнул. Ему хотелось оказаться дома, скинуть берцы, походить по ковру босиком, поваляться с книжкой на диване.

И чтобы дома было светло. Он уже забыл, когда был дома днём, уходя на службу рано утром и возвращаясь почти ночью.

– По дому загрузил, отец? – поинтересовался дневальный.

– С чего ты взял? – Скачков пожал плечами.

– Я такие вещи сразу подмечаю. Восьмой год сижу, – пояснил Иванов. – Эх, начальник, нашёл ты себе работу!..

Отзываться на сочувствие старлею не хотелось. Он повёл рукой:

– Присаживайся давай, поработаем.

Дневальный, вздохнув, присел спиной к окну. Мысли Скачкова тянулись к дому, он медлил, сделал ещё несколько глотков из кружки, всё не решаясь отставить её.

– Ну, чего сидим вздыхаем, Николаич? – заторопился дневальный. – Давай работу мне, а то я пошёл тогда. Мне по отряду двигаться надо.

Скачков протянул ему пачку листов.

– Вот тебе список отряда и таблица. Видишь названия граф? Там я карандашом статьи пометил. Считаешь, сколько у нас человек сидит по каким статьям, и вписываешь цифру в пустую клетку. Всё понятно?

– Всё понятно, – эхом отозвался зэк Иванов.

За дверью началось оживление.

– Отрядник тут? – спросил кто-то.

– Тут, – ответили ему.

– Сейчас я ему всё выдохну! Беспредельщики!

Дверь распахнулась.

– Николаич! – В кабинет ворвался всклокоченный осуждённый, очевидно, только забежавший с улицы. Его морщинистое вытянутое лицо покраснело от мороза, очки запотели, и он смотрел на старлея поверх их. – Что за дела, Николаич! Что за беспредел! Я в прокуратуру писать буду! – он кричал, отчаянно жестикулируя. – Я вообще..

– Алексей, во-первых, я не разрешал тебе войти, а ты уже вошёл, – не поднимая головы, оборвал его начальник отряда. – Во-вторых, сними головной убор, в-третьих, надо представиться как положено. Да? В-четвёртых..

– Да пошли вы все! – срывающимся голосом крикнул зэк и выскочил из кабинета.

Скачков как ни в чём не бывало продолжал писать.

– Совсем сидельцы охренели, – не отрываясь от работы, резюмировал Иванов.

– Он по жизни кто? – поинтересовался Скачков.

– Мужик, – ухмыльнулся дневальный. – Пока что.

– Узнай, чего он хотел. Может, действительно проблема.

– Николаич, он провокатор. Не грузись. Смотри, сейчас он успокоится и извиняться придёт, гадам буду. Хорошо ты его срезал. «Во-первых, во-вторых...»

Скачков глянул на дневального и достал из стола половинку листа.
– Начальнику ФКУ ИК... – начал он сам себе диктовать. – Рапорт. Докладываю, что сего числа осуждённый...

В кабинет постучали.

– Да-да, – крикнул Скачков.

В кабинет зашёл «мужик» Алексей.

– Осуждённый Федотов А. П., отряд номер семь. Гражданин начальник, разрешите обратиться! – отчеканил он.

– Когда я наконец делом займусь! – вздохнул старлей, бросил ручку и поднял глаза на Федотова. – Алексей! Можешь ведь, когда захочешь. А я вот на тебя рапорт пишу, – Скачков ткнул пальцем в начатый рапорт. – Сам себе. Сейчас зарегистрирую, документы составлю, и на дисциплинарную комиссию пойдем. Обнаглел ты, Алексей.

– Извини, Николаич. Криво въехал, признаю. Ходил в ларёк. Денег нет на карточке. А как же их нет, если мне жена перевод неделю назад отправила! Меня уже клинит от этой вашей бухгалтерии!

– Разберёмся, Федотов. – Скачков сделал себе пометку в блокноте. – Иди в отряд.

– Ты извини, Николаич, не хотел я пылить! Клинит, представляешь!

– Иди в отряд, тебе говорят! – приказал начальник.

– Вали отсюда, мышь! Сейчас по печени получишь! – заорал дневальный. – Вишь, работаем!

Зэк Федотов, пятась, улетучился.

– Вот видишь, Николаич, уважают тебя зэки. Извиняются, когда не правы, – усмехнулся дневальный. – Кстати, я закончил. На вот, проверяй.

– Молодец, Сергей! Пружина!

– Меня ж зэки не отвлекают через каждые две минуты, – отмахнулся Иванов.

Начальник отряда пробежался глазами по цифрам. На первый взгляд всё примерно сходится. Всё равно никто сверять данные не будет. С таким движением осуждённых по отрядам цифры всё равно ни у кого не совпадают.

– Ну что? Всё ровно?

– Да. Заметил, сколько у нас из-за порожняка сидит? Украл телефон, отнял сумку, набил рожу. За банку кофе сесть! И таких половина отряда. Ну что вы за народ?!

– Зря ты так, Владимир Николаевич. – Иванов отложил бумаги и посмотрел на начальника отряда. – Зэк зэку рознь. Счастливы те, кто не сомневается. Любящий муж, ребёнок, блаженный какой-нибудь... А в зону попадают сомневающиеся. Потому и пьют на свободе, потому и воруют, потому и грабят, что сомневаются. Ищут что-то, без чего жить нет никакой возможности.

– Ну-ну, – отозвался начальник отряда, – всю жизнь по тюрьмам да по лагерям. Это вот поиск?

– Знаешь, в мире много хороших людей, которые совершают плохие поступки, а мы – уголовники, какой с нас спрос, – ответил дневальный и, помолчав, добавил: – Тот, кто не убивает себя, должен молчать о жизни.

«Откуда он это берёт? Неужели сам придумывает?» – озадачился Скачков.

Зазвонил телефон. Начальник отряда поднял трубку, представился. Оператор поста видеонаблюдения попросил подойти в дежурную часть. Выходить на мороз не хотелось. Занят. А если на него наступят начальнику, он что-нибудь соврёт. Здесь так принято. Врёшь, а тебе верят. Это удобно. Так удобнее всем, потому что так проще.

Старлей захлопнул рабочий блокнот, собрал на краю стола бумаги и встал из-за стола.

- Ты куда? – озаботился дневальный.
- Курить хочу, – отозвался начальник отряда. – Зайди к Окуневу, скажи, пусть чайник ставит, а то я у него ещё с утра не был.

2

Скачков вышел из кабинета и прошёлся по отряду. Осмотрел подсобные помещения, пожелал приятного аппетита тем зэкам, которые гоняли чай в комнате для приёма пищи, проверил работу кабельного телевидения в помещении для воспитательной работы. Всё было в порядке. Если бы не случайность. В сушилке для верхней одежды он поймал жулика, который разговаривал по мобильнику. Старлей отнял запрещённый предмет, сунул его в карман и велел осуждённому зайти к нему на беседу.

Завершив обход, Скачков зашёл в каптёрку, где располагался старший дневальный, «смотрящий на отряде». Он отвечал за дисциплину в отряде, за ремонт помещений, считался неоспоримым лидером и авторитетом. Окунев сидел за столом и мешал ложкой кофе, приготовленный для начальника. Он встал, уступая место старлею, и поприветствовал его кивком головы.

– Здорово, Николаич.

– Привет. Дай пепельницу. Рассказывай, какие движения, какие новости, информашка оперативная какая есть? Что за ночь произошло, пока меня не было?

Обычно с самого утра Скачков первым делом заходил в каптёрку и разговаривал со старшим дневальным, или завхозом, как его ещё называли неофициально сотрудники. Окунев рассказывал, что произошло в отряде и в локальном участке барака за время отсутствия начальника отряда. Сегодня отчёты напрочь выбили из графика.

Окунев поставил на стол пепельницу и сел по другую сторону стола.

– Замполит вызывал вчера. За ремонт спрашивал.

– И как?

– Давайте быстрее, говорит. А где я денег возьму? Позвоню домой, скажу: мама, продавай квартиру, пацанам надо новые сортиры ставить!

Завхоз глубоко затянулся и потушил сигарету.

Зэк Окунев был на голову ниже Скачкова, но шире в плечах. Под серым свитером перекатывались мощные мышцы. Весь он походил на молодого, очень сильного зверя. Его глубоко посаженные голубые глаза, даже когда он смеялся, глядели жёстко. Даже голос Окунева был похож на рык. Он отсидел восемь лет за разбой. Ему осталось каких-то девять месяцев, и последнее время он заметно нервничал. Дмитрий, как и все, хотел домой. В Питере его ждала старенькая мама.

– Дим, я не помешаю? Начальник, день добрый!

В каптёрку зашёл один из приближённых к завхозу людей.

Это был воистину амбал. Он повернулся боком, чтобы пройти в дверной проём. Помещение заметно уменьшилось – настолько много места занимал зэк. Игорь Акимов почти два метра ростом, и весу в нём килограммов 130. У него коротко остриженные тёмные волосы, голубые глаза навывкате, огромные кулаки и низкий, всегда хриплый голос.

Игорь «двигается» по отряду, поддерживает дисциплину, если необходимо, даёт денег на ремонт, поэтому Скачков разрешает ему некоторые вольности: подольше поспать, посмотреть телевизор после отбоя, покурить в каптёрке.

Осуждённые в колонии дезорганизованы. Каждый второй зэк бегаёт к операм и делится информацией: где прячут телефоны, кто напился, кто

принял «пронос» или «переброс», и так далее. Здесь много врагов и нет друзей. Люди запуганы, озлоблены, здесь каждый сам за себя, и потому разрозненной массой управлять нетрудно, как, впрочем, и на воле.

– Николаич, ты спишь с открытыми глазами, что ли? – Игорь присаживается на свободное место у стола, табурет трещит под его весом.

– Встань! Сломаешь табурет! Я тебе говорил: не садись на него.

Окунев уступил своё место на устойчивом стуле, а сам пересел на табурет.

– Такие все тупые!

Он искоса смотрит на наколки, покрывающие левую руку Акимова. У завхоза наколка только одна: «перстень» на среднем пальце свидетельствует о том, что он побывал в питерских Крестах.

– Николаич, когда в отпуск? – не обращая внимания на ворчание Окунева, интересуется Акимов.

– Через неделю.

– Ты вчера тоже говорил, что через неделю.

– Через неделю минус один день. Если замполит отпустит.

Скачков посмотрел на кусочек неба в маленькое слуховое окошко, потом взял шапку и стал приглаживать мех вокруг кокарды. «Девочка моя синеглазая», – пело радио. В коридоре кто-то подпевал ему, коверкая мотив.

С улицы доносился стук железа – кто-то занимался на спортплощадке, несмотря на мороз. Идти в кабинет не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Не хотелось видеть жуликов, слышать нытьё про одежду, питание, свидания, передачи, работу, отдых... Не хотелось видеть начальство, выслушивать нотации, выполнять невыполнимые приказы.

Ему вспомнилось, как вчера замполит попросил его остаться после вечернего совещания на разговор.

– Посадишь завтра утром своего старшего дневального в изолятор, – закуривая, приказал он.

– Товарищ майор, за что? – изумился Скачков. – Меня мой завхоз устраивает, оперов тоже, с порученной работой справляется. Обстановкой на отряде владеет, люди его уважают. Мне новый завхоз не нужен.

– Ты чего понёс, Вова? – спокойно прервал его замполит. – Он мёртвый у тебя. Ремонты встали. Ээки курят в подъезде, униженные и оскорблённые головы поднимают. Каждая мышшь имеет что сказать. Такого быть не должно! Он давить должен. Режим должен быть!

– Садить не буду! – отрезал старлей, упрямо наклонив голову. – Я с ним поговорю. Ремонт пойдёт. Дисциплину наладим. Всё нормализуется. Я обещаю.

– Ну смотри, Вова. Офицерское слово твоё, – замполит открыл окно и выкинул окурки.

– Николаич, куда в отпуске поедешь? В Египет? – вывел его из задумчивости хозяин каптёрки.

Окунев закурил третью сигарету и вопросительно посмотрел на начальника отряда.

– Какой-то ты смурной сегодня.

– Никуда не поеду. Денег нет. Машину буду ремонтировать.

– Продай ты свою девятку! Давай пацаны с Питера тебе «ауди» подгонят. Я тебе сто раз говорил, – предложил Окунев.

Старлей покачал головой.

– Я за столько лет так и не понял, зачем вы здесь работаете. Денег не получаете, зато геморроя до фига. Каждый день из-за всяких животных по сандалиям получаете. Угрожают вам постоянно. Наказывают за всё... –

Акимов повертел в руках резиновое кольцо-эспандер, с которым не расставался. – Вот скажи, Николаич, тебе это зачем надо?

– Не знаю, – вздохнул начальник отряда и отхлебнул остывший кофе из кружки.

– Может, ещё кофе? – спросил завхоз.

– Давай.

– Голованов! – крикнул Окунев в коридор. – Три кофе!

– Уходи из этого болота, Николаич, – продолжил Акимов. – Здесь, чтобы работать, нужно быть мерзавцем. А ты другой. Мы с тобой три года работаем. Я неглупый человек, вижу тебя. Все видят, что тебе тут нехорошо. Ищи другую работу, – закончил Акимов и откинулся на спинку стула. – От тебя я только добро видел и справедливость. И тебе добра желаю.

– Я ищу, – протянул Скачков.

Завхоз и его помощник смотрели выжидательно.

– Но пока безуспешно. Деньги нужны.

В каптёрку зашёл тощий зэк и, поставив на стол три кружки кофе, молча вышел.

– Владимир Николаевич, мне с вами поговорить надо. – В каптёрку заглянул зэк, у которого начальник отряда забрал телефон.

– Дверь закрой! – зарычал Окунев, встал и закрыл дверь на ключ. – Как они меня все задолбали! – проворчал старший дневальный.

– У меня близкий в Питере – бандюга. – Акимов упёрся локтями в стол и придвинулся к своей кружке кофе. – Полтора миллиона в неделю поднимает. Ни разу не сидел! Он себе значок сделал какой-то. Под кирпич проезжаем как-то раз, нас патруль останавливает. Всё, думаю, или штраф, или заберут. Он им значок сунул, менты ему честь отдали и отошли. Я говорю корешу: мне срочно такой нужен. А он: у тебя фигура не той формальности!

– По твоей роже можно лекции читать о вреде алкогольного зачатия, – подтвердил Окунев и хлопнул Акимова по плечу. – Ты это к чему рассказал?

– Так, начальника развеселить. – Акимов залпом опрокинул содержимое своей кружки, встал и направился к выходу. – Николаич, я к тому, что деньги можно всегда заработать. А если душа не лежит – ничего хорошего не получится. Я это тебе сто раз говорил.

Он повернул ключ и вышел.

Завхоз поднялся и снова закрыл дверь.

Акимов на свободе сильно пил. Дело кончилось тем, что в пьяном угаре он насмерть забил жену. Дали ему десять лет строгого режима. Отсидев половину, он обзавёлся новой семьёй, сыну скоро будет два года, и сроку осталось полтора. Уголовное дело и судьбу Игоря Скачков знал досконально. Он готовил материалы на его условно-досрочное освобождение. Втайне начальник отряда надеялся, что это его последний осуждённый, которого он подготовит на УДО. Со дня на день должен был прийти ответ от одной фирмы, где ему обещали хорошее место.

– Николаич, переведи с отряда Жездриса, – прервал молчание Окунев. – Я редко такие вещи прошу сделать. От него толку никакого. Уборщик он хреновый. Весь большой. Всё время ноет. Один, говорит, выход у меня – самоубийство, – завхоз усмехнулся. – На отряде он не нужен. Сними ответственность с себя. Чую я: криво въедем мы из-за него.

– Ладно, Дима, – Скачков поднялся из-за стола, – решим в ближайшее время. Спасибо за угощение. Пойду работать.

– Да ладно тебе, Николаич. Всегда рады. С человеком поговорить. – Окунев открыл дверь и выпустил начальника отряда в коридор.

3

– Внимание, отряд! – крикнул «атасник». – Отрядник идёт!

Старлей быстрым шагом прошёл по коридору и открыл дверь своего кабинета. Не успел он сесть за стол, как к нему ворвался дневальный Сергей Иванов.

– Слышишь, Николаич, мне бумажка пришла из спецчасти, – вскричал он. – Скоро я гражданином Финляндии буду и уеду досиживать срок туда!

– М-м-м, – промычал Скачков.

– Вот зачем ты так, отец? – Иванов с осуждением посмотрел на него.

Старлей никогда не мог понять, когда этот человек шутит, а когда говорит правду. Люди в колонии между собой считали, что Иванов «пересидел» и немного помешался. Однако работал он хорошо и на должности стоял ещё до того, как Скачкова перевели сюда начальником отряда.

– На, посмотри.

Дневальный протянул бумагу, в которой говорилось, что при условии предоставления необходимых документов осуждённый Иванов имеет право быть признанным гражданином Финляндии.

– У меня мать русская, отец финн. Сейчас все родственники имеют финское гражданство. У меня два паспорта. Понял теперь?

– Теперь понял, – озадаченный Скачков вернул листок.

– Ну и почему ты мне не поверил, Николаич? Разве я тебя обманывал когда-нибудь?

– А почему я должен тебе верить? У меня нет оснований тебе доверять! – отрезал старлей.

– Вот! – торжествуя поднял палец Иванов. – То есть если я в чёрном, а ты в синем, то мы разные. Жизненные обстоятельства, разные стороны баррикад, бла-бла-бла...

– Тебя чего понесло, Серый? – устало улыбнулся Скачков.

– Ты представь, что я работаю, что я просто здесь работаю. Согласись, зэк даёт работу сотруднику: не было бы нас – не было бы вас. Представь, что я такой же человек, что мы не разные. Просто я тут работаю.

– Ты умный и хитрый, Серый, – ответил начальник отряда, вертя в руках степлер, которым он играл всегда, когда размышлял. – Значит, опасный. Мы же в тюрьме! Здесь никто никому не доверяет! Ты сам-то доверяешь кому-нибудь?

– Как же ты тут служишь?! – закатил глаза дневальный, и старлей опять не понял, шутит он или всерьёз. – Отчуждение и одиночество.

– Одиночество – как стержневое чувство, – добавил начальник отряда.

– Хороший ты человек, Володя, – помолчав, признался Иванов. – Я бы тоже мог быть хорошим человеком, но меня посадили. Да, виноват. Каждый день думаю об этом. А с тобой мне приятно общаться, отец. – Зэк снова пристально посмотрел в глаза начальнику отряда. – Ты бы знал, какие наказания потерпевшая давала! Вот уж точно: чем больше счастья в жизни человека, тем трагичнее его свидетельские...

– Из-за разговоров работа встала. Теперь я уже точно выговор получу, – не дослушав, прервал его Скачков. – Сегодня весь день одни душевительные беседы.

– Вот ты думаешь: дурачок Иванов С. Б., отряд номер семь, да? – дневальный подался вперёд, продолжая пристально смотреть на начальника отряда. – А мог бы ты обаянием город взять?

– Как это?

– Вот тебе сколько лет, начальник?

– Двадцать восемь.

– А мне сорок четыре. Видел бы ты меня в двадцать восемь лет! Я тогда мог приехать на любой район и просто одним обаянием его взять. Я в Питере жил. Ну ты знаешь, читал дело.

– Нет, не знаю. В деле не всё пишут, – ответил начальник отряда.

– А-а-а, – возбуждённо протянул Иванов, – так ты не знаешь ничего, родной! Ну ничего, я расскажу тебе. Я же учился в Институте международных отношений. Я лингвист. На пяти языках говорю. Говорил. Давно. Школу закончил в Финляндии, а в институте учился в России. Знаешь почему?

– Почему?

– Потому что мать моя – умная женщина. В СССР тогда бесплатное образование было, бесплатная медицина. Всё на халяву.

– Ну, – согласился Скачков.

– Я всегда себя финном считал, это мой родной язык, я на нём думаю. Хотя в России я прожил больше времени...

Тут в дверь постучались, кто-то начал открывать её.

– Закрывай дверь с той стороны, грач! – крикнул Иванов, и дверь тут же захлопнулась. – Вот видишь, начальник, сила в тюрьме – абсолютный бог. Если ты добрый, великодушный – значит, беспонтовый. Страдание не даёт никаких прав. Только сила. Остальное – уход от реальности.

Скачков с интересом посмотрел на дневального. Впервые человек, который сидел в колонии, так раскрывался перед ним. Начальник отряда старался не потерять нить разговора и одновременно пытался понять, к чему клонит дневальный, где тут подвох.

– Я же первый раз сижу, Николаич, – продолжил дневальный.

– Не может быть: «первоходы» у нас не сидят.

– Судимость вторая, – пояснил Иванов. – Мне условно давали, а потом я человека убил. Я плохой был человек. Я думал, что я самый лучший, самый умный. Мы тогда, если бы захотели, могли бы города брать. Представь, что у тебя друзей не пять, не десять, а десять тысяч! Конечно, я был плохим человеком.

– Что значит «плохим»?

– Я ногу гаишнику прострелил. Он меня остановил, я ему взятку дал, а он взял. Я ему ногу прострелил. Ты же должен меня оштрафовать, а ты деньги берёшь, говорю ему. А он: у меня семья, дети, не убивай. – Зэк вытащил из кармана пачку сигарет, достал сигарету, покрутил в руках и спрятал обратно. – А один раз я четыре часа битой бил троих коммерсов, а одному ухо отрезал, потому что они детям шоколадку не дали. А дети были бездомные, голодные.

Глаза у Серого блеснули.

– А сколько у меня женщин было! – Он вскочил со стула и в волнении заходил по кабинету. – Тому, кто создан для игры, всегда хорошо в женском обществе. Женщины – благодарная публика. Они многое готовы терпеть, если ты умеешь зажигать огонь восхищения в их глазах.

– Ты с чего разоткровенничался? – прищурился Скачков.

– А не знаю, – наклонившись к нему, ответил дневальный и снова зашагал по кабинету. – Хочу так сегодня. Карты под стол, стволы на стол! Должен же я хоть с кем-то раз за срок начистоту поговорить! Без оглядки! Как с психологом или с психиатром. Может, это из-за бумажки этой...

Задумавшись, он медленно снова присел к столу.

– Знаешь, в чём между нами разница, Серый? – задумчиво сказал начальник отряда. – В том, что у меня есть идеалы, а ты свои давно потерял. Ещё тогда. Посмотри на себя. Ты же разочаровавшийся романтик. Циничный

романтик. Хочешь, чтобы людям было хорошо, молодец. Но методы-то... – теперь уже старлей усталился в глаза дневальному. – Я верю в добро. Просто так верю. Мне для этого не нужно никому уши отрезать. Мне даже не нужно ненавидеть вас, осуждённых: бандитов, убийц, насильников, людоедов, воров... Добро есть. Для этого ничего не нужно делать. Нужно просто это знать. Знать и поступать по совести.

– Ты хороший человек, Володя, – вздохнул зэк Иванов. – Была бы моя воля, я прямо сейчас отпустил бы тебя домой. – Он махнул рукой, потёр лоб, вспоминая, что хотел сказать, и продолжил: – Цинизм – это искушение, одолевающее все умы. Ты ещё не поддался, но уже вот-вот... Надеюсь, я не увижу, как ты превратишься в циника.

Он сел на стул, ссутулился, сложил руки перед собой в замок. Скачкову показалось, что дневальный постарел за время разговора. Теперь это был не жиган, не топотун, а уставший человек с морщинистым худым лицом, большими залысинами, узловатыми пальцами и печальными карими глазами.

– Два года досидеть осталось, – сказал сам себе Иванов. – Спасибо, начальник! Как-то легче, что ли, стало. – Дневальный хлопнул себя по коленям и усмехнулся. В глазах его снова загорелся привычный огонёк. – А ты пока загадку отгадай! – Он вытащил из кармана листок, положил перед начальником отряда на стол, поднялся и вышел.

Скачков развернул бумажку. *«Что на свете милее всего? Что на свете слаще всего? Что с земли не поднимешь?»* – прочитал он.

4

– Владимир Николаевич, разрешите? – В кабинет зашёл зэк, у которого начальник отряда забрал телефон.

– Ну чего ты ходишь, Киселёв? – раздражённо спросил Скачков, потрепав на худенького лопухого мужчину с тонкой щёткой усов, стоящего по стойке «смирно».

Киселёв никогда не имел никаких нареканий. Заходил редко, говорил по существу, не нарушал. Скачков был огорчён, что забрал у него телефон. С точки зрения оперативной обстановки это было бесполезное действие.

– Представляете, Владимир Николаевич, с женой разговаривал, – развёл руками зэк. – Помните, вы доверенность помогли мне оформить? Я звонил ей сказать, что отправил. Только жена-то бывшая.

– Ну, понятно, – начальник отряда посмотрел на листок с загадками. – Андрей, что на свете милее всего?

– Каждому своё. Семья, наверно... – И уточнил: – Для меня.

– Почему семья?

– Потому что у меня её нет, а она для меня очень дорога. Дочь, когда паспорт получала четыре года назад, взяла фамилию жены, а отчество деда. Ты мне, говорит, только биологический отец. Я тебя не знаю и знать не хочу. Я ведь двенадцать лет сижу. Она маленькая совсем была, когда меня посадили. Сын тоже фамилию деда взял. А с женой я ещё раньше развёлся. Владимир Николаевич, не наказывайте меня за телефон. Он у меня простой. Я никому не звоню. Только жене. Бывшей. Мне больше некому звонить, я столько лет сижу, да и возраст не тот, чтобы сексом по телефону заниматься, как некоторые.

– Иди, Андрей. Позови мне Сашу Жездриса.

– Жездриса? Уборщика? Позову.

Киселёв вышел из кабинета.

«А что тогда на свете всего слаще?»

В дверь постучали.

– Осуждённый Жездрис прибыл.

В кабинет, ссутулившись, бесшумно зашёл седой мужчина, subtilный, с большой головой, тихим голосом и удивительно чистыми, светлыми глазами.

«Какой из него насильник? – в который раз поразился Скачков. – Да ещё и детей! Он же рубаху в штаны нормально заправить не может. И подушка у него как лягушка, и одеяло убежало... Чего-то я не понимаю в этом мире».

Жездриса осудили за совершение развратных действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Проще говоря, он показывал свои причиндалы детям.

– Присаживайся, Жездрис, – начальник отряда указал на стул. – Рассказывай, как здоровье твоё, как настроение?

– Сегодня получше. Вчера голова очень кружилась. Утром в санчасть хотел пойти. Не выпустил прапорщик из локального участка. «Иди сортир мой, животное», – сказал. Меня никто не любит здесь.

– Здесь люди не для любви собрались, если ты ещё не понял, – сухо отрезал Скачков. – За что тебя любить?

– Я знаю. Сам виноват. – Жездрис обхватил голову своими большими ладонями. – Я, Владимир Николаевич, думаю, это болезнь какая-то. Отец тоже страдал этим.

Скачков, заметив, что у осуждённого затряслись губы и на глазах выступили слёзы, встал и закрыл дверь на ключ. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь увидел, что Жездрис плачет. Тогда его точно сживут со свету. Один Серый чего стоит!

– Я боюсь, что эта болезнь сыну передастся, – дрожащим голосом прошептал зэк и, достав платок, торопливо вытер лицо.

– Эта болезнь эксгибиционизм называется, – старлей с трудом подавил зевоту. – Мне психиатр твой в санчасти сказал.

– Может, и так, я не знаю, – Жездрис высморкался. – У меня нервная система совсем расшатана. Сахарный диабет усугубляет состояние. Я добрый человек по натуре. Делаю, что говорят, всегда. А они ведь не понимают, издеваются. Специально мусор кидают на пол, унижают меня. Я думаю, что я тут умру. Срок у меня большой, здоровье слабое, возраст... Мне на свободу уже не выйти.

– Вот таких разговоров мне не надо! Если есть у тебя трудности, ты сразу подходи и говори, будем решать.

– Хорошо. Спасибо, Владимир Николаевич, – осуждённый посмотрел на начальника отряда своими светлыми глазами. – Мне тут не спалось вчера. Я знаю, что вы ко мне положительно относитесь. А я говорить не умею. В общем, я вам письмо написал, – он положил на стол конверт. – Вы сейчас не читайте, а читайте, когда я уйду, чтобы я не видел.

«Что сегодня за день? – Скачков со вздохом посмотрел на часы. – То загадки, то письма».

– Саша, – сказал он, – я тебя перевожу на другой отряд.

– Почему? – Жездрис растерянно посмотрел на начальника отряда. – Я что-то плохо сделал?

– Дело не в этом. Ты человек больной, вот я тебя и переведу к пенсионерам и инвалидам. Там условия лучше, контингент другой.

– Избавиться от меня хотите, – Жездрис был похож на побитую собаку, заискивающую перед пнувшим её хозяином. – Условия – это одно, а человеческие отношения – это другое. Мне ведь поговорить не с кем. Вот с вами разговариваю. А вы меня переводите. – Зэк с упрёком посмотрел на начальника отряда.

– Саша, у нас не хватает спальных мест, сегодня будет распределение. Я тебя перевожу в другой отряд. Там тебе будет лучше. Я всё сказал, ты свободен. – Скачков указал Жездрису на дверь.

Тот покорно встал, придвинул за собой стул.

«Старшему лейтенанту Скачкову просьба прибыть в дежурную часть!» – прервав поющее радио, отчеканил по громкой связи металлический голос.

– Ну вот, – старлей встал из-за стола, – сейчас припашут куда-нибудь. Поработать сегодня не получилось. Зато поговорили.

– Поговорили, – эхом отозвался Жездрис. – Я пойду, Владимир Николаич. – Уже взявшись за ручку двери, он развернулся и сказал: – Вся беда человека в том, что ему приходится плакать и молить о том, что его унижает. Знаете о чём?

– О чём? – спросил Скачков, он торопился поскорее уйти.

– О помощи, – объяснил зэк.

– Саша, постой-ка! – начальник отряда вдруг вспомнил про загадку Иванова. – Что на свете слаще всего?

– Труд. Благородный. Тот, что приносит человеку удовлетворение и радость. Я любил свою работу. Печником был, – сказал Жездрис и вышел.

5

Скачков дошёл до дежурной части. Оказывается, его вызывал начальник пятого отряда капитан Темник. Не то чтобы они дружили, просто накануне Скачков уговорил Темника дать посмотреть ему свою документацию. Старлей хотел составить отчёты по подобию. Так легче и быстрее было...

Вдвоём они вышли за зону и отправились в столовую. Пообедав, покурили на улице, поделились последними новостями.

– Как отчёты? – спросил капитан, торопливо затягиваясь.

– Никак, – усмехнулся Скачков.

– Здесь так всегда, – добродушно хлопнул старлей по плечу Темник. – Синдром невыученного урока. Ну, давай, – капитан протянул руку Скачкову. – Не забудь сдать вечером журналы, чтобы мне не возвращаться.

Темник пошёл домой, потому что у него сегодня был выходной и он приехал доработать кое-какие бумаги, а Скачков, пообещав вечером сдать его журналы на проверку начальнику, отправился в свой отряд.

Зайдя в зону, он остановился выкурить в курилке ещё одну ленивую сигарету. Мимо пробежали два встревоженных сержанта.

– На сработку, что ли? Вводная «Побег»? – крикнул он им вслед, но те только рукой махнули.

Докурив, Скачков бросил сигарету и пошёл в дежурку. В дверях он столкнулся с дежурным, который вытеснил животом его обратно на улицу.

– Товарищ майор, с вами в узкостях уже не разминуться. Живот-то генеральский, – уступая дорогу, пошутил старлей.

– Ты чё ржёшь? У тебя на отряде зэк повесился, а ты ржёшь! У всей дежурной смены задница в мыле, а тебе смешно!

– Как повесился? Наглухо? Кто? – Скачков растерянно посмотрел на дежурного. – Ты так не шути, Саныч...

– Пошли, Володя, покурим. – Дежурный придержал за рукав рванувшего было в отряд Скачкова. – Сутулый, уборщик твой повесился! – Майор выругался и плюнул себе под ноги. – В сушилке. Когда успел? Полный отряд зэков...

– Жездрис?!

– Пошли, пошли. Там пока делать нечего. Ты не грузись. Ты же на обеде был. Тебя не прицепят. Вот я попал... – Саныч прикурил сигарету и глубоко затянулся. – Не поймёшь этих эзков. Тут толпа офицеров ходит им соплю вытирает. С его статьёй его тут убить должны бы, а ему работу какую-никакую дали, психолог беседует с ним через день...

– Я ему сказал, что в другой отряд перевожу его, вот он... – Скачков не договорил.

– А слышал это кто?

– Нет. У меня даже кабинет был на ключ закрыт.

– Тогда чего ты переживаешь? Отмажешься, – успокоил его Саныч.

– Саныч, человек повесился! Понимаешь? Тут дело в принципе! «Отмажешься...» – Старлей закрыл глаза и прислушался.

Морозный день вдруг захлюпал, стал мягким и влажным, словно болотная жижа. Ему стало жарко, он расстегнул бушлат, сдвинул шапку на затылок.

– Ну ладно, – хлопнув старлея по колену, Саныч поднялся, бросил сигарету в урну. – Это тюрьма, а не санаторий. Привыкай. Я тут двадцать лет отработал, навидался!

– К смерти я давно привык, ещё в армейке, когда на Кавказе служил... – Скачкову опять вспомнился вопрос дневального: – Ты мне скажи, Саныч, что на свете милее всего, что на свете слаще всего и что с земли не поднимешь?

– Володя, ты чудишь, по-моему, – усмехнулся дежурный. – На хрена тебе это?

– А всё-таки, – не унимался Скачков.

– Что милее всего? – майор поскрёб подбородок. – Отпуск, товарищ старший лейтенант! На охоту съездить, на даче покопаться, выспаться, газету почитать. Слаще всего мёд с пасеки моей тёщи. А ещё?..

– Что с земли не поднимешь? – повторил Скачков.

– Это не знаю. Всё. Ушёл.

Дежурный скрылся в дверях.

Старлей закурил. Достал из кармана конверт с письмом Жездриса, развернул тетрадный лист и пробежался глазами по неровному почерку, где письменные буквы перемешались с печатными, а вина за совершённое – с обидой, усталостью и отчаянием.

«Начальнику отряда В. Н. Скачкову.

Информация по болезням: сахарный диабет, гипертония. Что для этого нужно: постоянный контроль сахара крови в организме, правильное питание, т. е. через каждые 2 часа, понемногу, поддержка организма витаминами и инсулином. Постоянный контроль давления.

Гражданин начальник отряда, здесь нет возможности правильно всё делать: колоть инсулин, проверять давление, сахар, правильно питаться. В санчасти дают то, что есть, не всегда можно выйти из изолированного участка. При плохом самочувствии мне не к кому обратиться, идёт полное нарушение психики, вплоть до суицида. Хотя как болеешь, всё равно надо работать. При работе быстро снижается уровень сахара в крови. Когда расстраиваюсь – повышается давление. Никому нет дела до меня. Как хочешь выживай. Что мне делать? Родственников нет, средств, чтобы помогать, у жены нет. На воле региональный бюджет выделял лекарства бесплатно.

У меня постоянные головокружения. Боль в сердце. Боль в поджелудочной. Ноги болят. То изжога, то голова болит. Пропадают память, зрение. Постоянные простуды.

В столовой нет возможности брать с собой дополнительно что-нибудь, даже хлеба не дадут, хоть и лишнее остаётся, а при низком уровне сахара надо постоянно что-нибудь кушать. При плохом самочувствии не всегда можно прилечь. Некому помочь в трудную минуту. Поговорить не с кем. Надо мной все издеваются, оскорбляют, унижают. Лучше сидеть в одиночке весь срок, как опасный преступник.

Я добрый, безотказный, стараюсь делать добро, потому что зло всегда бессмысленно в мире красоты и гармонии. А что ни делай, всё равно нет благодарности. Конечно, сам виноват. Никто меня сюда не тащил. Государство наказало жестоко, сам попал в систему, наказал себя. Придётся мучиться.

Можно много говорить. Я был и руководителем, очень много людей меня уважало, любило. И богатые, и бедные. Идёшь по улице, а с тобой здороваются, говорят: спасибо, печь наладил (приятно). До сих пор спрашивают, куда Саша пропал. Здесь я никому не нужен. Некому меня выслушать, понять. Я не хотел никому делать плохо. Болезнь у меня какая-то. Может быть, меня лечить надо было. Теперь уже ничего не изменить, не переделать. Рано или поздно я тут умру. Обидно. Люди будут говорить: извращенец, маньяк. Сын стыдиться будет. А потом забудут, как будто не было меня никогда на свете».

Сигарета давно истлела, а старлей всё сидел в курилке и смотрел на заходящее зимнее солнце. Рядом присел Иванов. Некоторое время они молча смотрели на закат.

– Николаич, я тебя везде бегаю ищу. Даже в дежурку прорвался. А ты тут куришь. – Серёга коснулся его плечом. – Это ты из-за Сугулого? Судьба у него такая, отец. У каждого своя. Значит, так надо было. Никто его в петлю не тащил. Сильные люди даже в неволе остаются свободными, потому что свобода – она внутри. А слабых ломают. Естественный отбор. Сидячий марафон.

Скачков достал сигарету, удивляясь, как много он сегодня курит.

– Серёжа, в загадке какой ответ? – спросил старлей, щелчком выбил из мятой пачки ещё одну сигарету и протянул её дневальному.

Зэк Иванов глубоко затынулся, помолчал и усмехнулся:

– Нет правильного ответа, начальник.

– В смысле?.. – не понял Скачков.

– А вот так. Что на свете милее всего? Для меня жизнь, потому что она одна, и, когда я умру, больше ничего не будет. Что на свете слаще всего? Сон, потому что, когда я сплю, я свободен и ни ты, ни начальник-полковник мне не указ. Что с земли не поднимешь? Собственную тень. Тень своего прошлого, которая будет преследовать тебя всю жизнь. Думай, прежде чем что-то сделать, Володя, потому что тебе потом с этим жить.

Иванов докурив, бросил сигарету и посмотрел на горизонт. Солнце закатилось, и стремительно наступали ранние зимние сумерки, густые и тягучие.

– Темнеет рано.

Дневальный плюнул на снег и пошёл обратно в отряд.

Скачков проводил его взглядом, поправил шапку и, сутулясь, вышел из курилки.

**Натэлла
ЛЕВИЦКА**

ПОПУТНОГО ВЕТРА...

***

Попутного ветра,
попутного ветра,
в низинке не действует
роза ветров,
здесь вереском пахнет,
и томные пчёлы
ныряют купаться
в нектаре цветов.
Здесь слышно
жужжанье
и шелест тычинок,
и жёлтые шарики
терпкой
пыльцы,
подобно ионам,
пылят над цветами,
летя в паутины,
что ставят ловцы.
Счастливого ветра,
попутного ветра,
над нами не действует
роза ветров,
и звонкие пчёлы,
и сладкие пчёлы
росой запивают
из чашек цветов.

-
- Натэлла Левицка живёт в Саратове. Публиковалась в поэтическом сборнике «Глагол» (Москва, 1992), в литературно-художественном альманахе «Чудеса и приключения» (Москва, 2007, 2008, 2009), в журналах «Волга–XXI век» и «Пражский Парнас» (Прага, 2016).

***

В мире прекрасного столько –
лишь подставляй ладошки.
Сердцу уже не больно –
только чуть-чуть, немножко...

Если ушло сквозь пальцы –
значит, не счастье было,
радуги неделимой
не отщипнёшь кусочек.

Тихо проходят ночи,
час приближая чуда,
счастье уже близко,
вспышкой из ниоткуда.

Если сквозь пальцы, мимо,
то – репетиция счастья,
радугой неделимой
первой любви причастье.

***

Мы выходим в пролёт фонарей
под горячий июльский ливень,
словно листья зелёных ветвей,
отражая зеркальные блики,

всей поверхностью битых зеркал,
захлебнувшихся брызгами солнца –
тридцать самых счастливых дней,
и один – спелой каплей на донце...

***

Самое красивое, что может случиться
между женщиной и мужчиной,
столько раз в сонетах воспето,
столько раз изложено в пьесах,
а всякий раз – заново,
словно не было прохождением
пройденного, всякий раз – только
здесь и сейчас, только с ним и с нею,
и самое-самое первое,
без оглядки на чьи-то опыты,
на истории проб и ошибок...
Он – до последнего не веря счастью,
она – до последнего не уверена...
И никто никого преднамеренно
не обманет в самых искренних чувствах...
Высочайшим актом доверия –
без одежд, как в момент сотворения,
только здесь и сейчас, в этой точке,
и не будет другого мгновения...

**Наталья
ЛЕВАНИНА**

БУКОЛИКИ ОТМЕНЯЮТСЯ

СВЯЗЬ

Записки ещё одной ведьмы

Ну почему эти двое – не самые близкие и не самые любимые родственники – вдруг повадились приходить ко мне в думках и снах? Странно, но отчего-то являются они ко мне всегда вместе, хоть при жизни совсем не были дружны, а теперь и вовсе давно покоятся с миром на разных погостах.

Ну, то есть они, конечно, связаны были друг с другом детьми, внуками, общим домом. Эти родственники не по крови – зять и тёща – много лет прожили под одной крышей. Да, не любили, но изо всех сил терпели друг друга. Оба понимали: ни тому, ни другой деваться некуда. Сорок лет в заложниках. Кто у кого – ещё вопрос.

Но какая же тут связь? Тут цепи, капкан, неволя. Сорви привязку – и распадется пара.

Ох, не так всё просто! И не в Стокгольмском синдроме дело. Тут определённо есть тайна какая-то, мною не додуманная, в своё время не понятая. А иначе чего бы этой парочке так бесцеремонно являться в мои сны и залезать мне в мозги со своими уже давно закрытыми проблемами? Ведь пожаловали они ко мне с запоздалой, а потому вроде бы бесполезной информацией – всё уже случилось, ничего не вернуть, не переиграть.

Это, конечно, так, а вот понять ситуацию и людей, хоть и задним числом, никогда не поздно. Впрок, так сказать. И это занятие как раз для нас, опытных ведьм.

Видимо, мой черёд настал ведать о том, из чего плетётся материя наших судеб, почему мы так крепко друг с другом связаны и что означает каждый из нас в этом сложном узоре, рассмотреть который можно только спустя время, и то если некто

● Наталья Леванина (Наталья Юрьевна Тяпугина) – доктор филологических наук, литературовед, литературный критик, прозаик. Публиковалась в журналах «Москва», «Октябрь», «Дон», «Волга», «Волга–XXI век», «Наш современник», «Женский мир» (США); альманахах «Саратов литературный», «Краснодар литературный», «Мирвори» (Израиль), «Эдита» (Германия) и др. Автор более ста пятидесяти печатных работ. Лауреат литературной премии им. М.Н. Алексеева. Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

захочет вдруг что-то приоткрыть в своём гениальном замысле, намекнёт на смысл переплетённых нитей и сложившихся комбинаций.

...Этот сон – мой любимый, я вижу его накануне важных перемен в своей жизни. Собственно, он как бы предсказывает перемены. Сон отчётливый, чувственный, я узнаю его с первого кадра.

...Весна. В разгорячённое нутро вливается прохладный влажный воздух, чуть горячий черемуховыми почками и подслащённый деревенским печным дымком. Я его различу из тысячи запахов. Он ещё в детстве вошёл в состав моей крови и вот теперь в ней, как в игристом вине, вспенивает юное волнение и предчувствие счастья. И не имеет значения – явь это или сон. Хотя нет, сон, конечно. В жизни так бесшабашно счастливо не бывает. Да и во сне это рискованно, даже страшно – держи душеньку крепче, а то, гляди, отлетит по недосмотру!

Ну, просто нечем дышать в разреженной атмосфере абсолютного счастья. Всё время боишься спугнуть, испортить, а далее, отдышавшись и отволновавшись, не спишь, дремлешь, как кулик на болоте, чутко и тревожно, то и дело вскидываясь и пробуждаясь.

Наконец, подготовленная, влетаешь в тот самый сон, ради которого эта увертюра с цветом, запахами, звуками и затевалась. А дальше – чистая мистика.

...Наш деревенский дом стоит в ожидании гостей, ему тоже не терпится всех увидеть и обрадоваться. Он тоже, как и я, ждал родных целый год и ужасно соскучился.

Между тем родня, как стая громогласных птиц, заполняет пространство моего сна. В душе крепнет ощущение родства, предстоящих праздников, дружных застолий и встреч. Люди шумной птичьей стаей всё прибывают и прибывают отовсюду, возникая из ниоткуда, радостно гомоня и скрываясь затем в родном доме.

Здесь хорошо мне знакомые и известные понаслышке, местные и приехавшие из чужих мест, родня ближайшая и дальняя.

Вдруг какое-то туманное облачко зависает над домом, через мгновение разлепившись и оформившись в две тёмные фигуры – мужскую и женскую. Фигуры опускаются в палисадник, аккуратно на деревянные качели, и с ходу, не боясь никого задеть, не обращая внимания на суету и гомон, начинают рискованно раскачивать качели. Вернее, делает это он, молодой мужчина, а она, закутавшись в прозрачную тёмную накидку, молча следит за ним. Не останавливает, не просит, не приказывает. Ждёт, когда он сам догадается, как неуместны его качели, как они опасны, когда повсюду снуют люди и бегают дети.

Он досадует и тормозит: опять всё не так сделал! Ну, никак не угодить этой старой ведьме! Она что-то недовольно бормочет и незаметно растворяется в воздухе. Он, как привязанный, исчезает вслед за ней.

Женщин в нашей семье по отцовской линии люди неизменно величали ведьмами, хотя, кроме фамильных чёрных глаз, пронизательного взгляда и несчастливой судьбы, ничего такого за ними, вроде, не водилось. Ну да, были они умные, не отнять. Судя по всему, понимали лучше других, что происходит, быстро принимали решения, потому и выживали в трудные времена. А у нас они всегда – трудные. Вот и получается, что само спасение рода

от занесённого над головой исторического молота – уже есть доказательство нерядовой сущности моих прабабок и бабок, которые гнулись, но не ломались.

Мужчины в нашей семье долго не жили. Они погибали молодыми на войнах, от болезней, несчастных случаев. А женщины, оплакав их, шли дальше, молча преодолевая тяготы и утраты. Умели терпеть и не болтать. Даже ближайшая родня не знала, как Подвойские, мама с дочкой, оказались в их селе, как с одной котомкой добрались они до Милёхина, как потом у них получилось, не работая ни одного дня в колхозе, не вызывая подозрений и выжить, укрывшись за широкой спиной Пети-счетовода.

Наверное, было кое-что и в матушке Любви, и в самой Устинье. И опять-таки, не станет же Устинья всем подряд рассказывать, как умершая мать повадилась в их дом качаться в своём любимом кресле. Сколько раз дочь слышала скрип половиц и кресла на втором этаже. Затаив дыхание, поднималась вверх – а там никого, но кресло качается!

Только теперь Устинья стала понимать, какой необычной женщиной была её мать, вспомнила и про ведьмину репутацию, и про то, какую нечеловеческую изворотливость мать постоянно проявляла, спасаясь от подстерегающих на каждом шагу опасностей. Как вовремя убежали они из своего имения, скрывшись от революционных погромов в провинциальной глубинке у обедневших дальних родственников. Спасибо, те не отказали.

Вспомнила, что в общем-то всё делала по совету матери: в семнадцать лет вышла за первого позвавшего замуж местного, не успев его ни узнать, ни полюбить. Пётр посулил им крышу над головой, и судьба Усти была решена. Это потом чем нескладней и тяжелей была её жизнь, тем больше она досадовала на матушкины советы, хотя понимала, что все другие варианты были и хуже, и опаснее, что никакого выбора у них попросту не было. Живы – и это главное. Мать спасла, но не сделала счастливее. Но что за бред – счастье?

Вот теперь наступила её очередь быть ведьмой, то есть ведать о том, о чём по молодости своей теперь уже её дочка Валентина совсем не догадывается. Но ужас каждой ведьмы в том, что она-то понимает, она-то хочет да и может помочь, но кто будет слушать свою отставшую от времени мать и следовать её советам? Все спешат набить собственные синяки и шишки! У всех своя голова на плечах. Подрастают новые ведьмы.

Дочь Валентина была невезучей. Влюбчивой, доверчивой, не слишком умной. Коса толстенная до пояса, глаза, как водится, чёрные, но без чертовщинки: отец-простачок разбавил породу. После войны женихов в стране было негусто, так что выбирать особо не приходилось. Бабы были рады любому хромому-косому. А Валентина выросла, уже двадцать пять сравнялось, давно пора определяться с семьёй и прочим, а нет никого! Война выкосила под корень всех её сверстников.

И вот однажды в начале лета пятидесятого года появился в их доме Вадим-милиционер.

Валентина засуетилась, разволновалась, принялась тараторить:

– Вот, мам, это Вадим, он тут недавно, из Питера. Я говорила тебе...

И хоть ничего до этого Устинья про Вадима и слыхом не слыхала, но поняла, что явился тот не случайно, что Валентине он где-то успел уже вправить хлипкие мозги.

А тогда в дверном проёме отчётливо нарисовался худощавый мужчина в синей милицейской форме. Он громко поздоровался, перекинулся с Валентиной парой слов и стал снимать плащ.

Устинья успела разглядеть, что лет ему немало, около тридцати, а может, и поболее, на бледном лбу с ранними залысинами отпечатался след от фуражки, нос с горбинкой, а тонкие губы, кажется, против воли хозяина складываются в ехидную улыбку. Определённо, чужак. И внешне на местных мужиков совсем не похож: наши-то тёмненькие, коренастые, мастера рукастые, никто по милициям не служит, все делом занимаются. И говорит – не окает, и ведёт себя смело, не по-нашему.

Между тем милиционер без церемоний прошёл в горницу, опустился на лавку и стал с интересом изучать жилище. А что там изучать? Голь перекатная, как говорится. Валентина шеметом собирала на стол.

Устинье Вадим не понравился, что-то такое от него исходило, что отталкивало, даже когда он молчал. И хоть пришёл он явно с серьёзными намерениями и старался произвести впечатление, Устинья не могла не заметить, что губы у Вадима по привычке нервно сжимаются, глаза в красных прожилках, будто чем-то запорошённые, взгляд вскидывается коротко и остро и уплывает затем в сторону.

Даже если бы был он не в форме, Устинья всё равно поняла, что гость явился из казённого дома, где всё не как у людей, потому за версту от него несёт бедой и опасностью. И хоть скрывать Устинье особо-то нечего, всё равно не отпускает ощущение, что и она под подозрением.

Разговаривать с Вадимом было непросто. Сильно на допрос смахивали его невинные вопросы об урожае картошки, козе Маруське, о деревенской родне и прежних владельцах дома. В общем, только и боялась: не сболтнула ли чего лишнего. Устинья даже подумала, не попала ли Валентина в какую историю, не копает ли милиционер под неё, а заодно и под всех остальных? Но Валентина так простодушно хохотала, так явно хотела понравиться гостю, так старалась ему угодить, что версия отпала сама собой.

Гость такое поведение Валентины одобрял. Видно, привык к послушанию. Он прошёлся по горнице, остановился у нескольких пожелтевших фотографий матушки Любови и мужа Петра, приклеенных прямо на дешёвенькие обои. Что-то вежливо промычал возле каждой из них и снова плюхнулся на скамейку.

Устинья, краем глаза наблюдавшая за гостем, про себя отметила: милицейская форма ему не идёт, лишь подчёркивает отсутствие выправки, а нездоровая бледность обещает служивому долгую болезнь и короткую жизнь. Одним словом, Вадим этот был не просто чужаком, а чужаком с проблемами. Мало чего про него вообще известно. А он не спешит рассказывать. Только знай вопросы закидывает да на ус мотает.

Была у него и ещё одна привычка, которая решительно не понравилась Устинье. В разговоре Вадим будто машинально оглаживал кожаную кобуру, висевшую у него на поясе. Милая такая привычка, если учесть, что кобура – не пустая, а оружием милиционерам пользоваться разрешено без долгих сомнений, о чём гость с видимым удовольствием доложил обомлевшим женщинам.

Судя по всему, к тридцати годам он вконец отравился своей поганой работой так, что вся душа пошла червоточинами, и вряд ли способен он увлечься хоть Валентиной, хоть вообще кем-то. Для Устиньи это было единственное объяснение, почему до сих пор, при таком-то обилии послевоенных невест, Вадим так и не женился.

А что случилось с ним в Питере, почему поменял столицу на заштатную дыру и зачем ему вообще сдалась Валентина – это выяснится как-нибудь в другой раз, – решила Устинья, исподволь наблюдая за влюблённой доч-

кой. А пока решила не гнать лошадей, не переживать загодя – курочка ещё не в гнезде. Может, и не сложится ничего. Вадим – человек непростой, да и Валентина при всей своей наивности – не последнего разбора девушка: в школе работает, в институте заочно учится. И приданое имеется – дом у них справный, двухэтажный, хоть и в селе, но до города всего три километра.

Одним словом, поживём – увидим.

Между тем ухаживания продолжились. Если называть ухаживаньем обеды по воскресеньям, на которые милиционер Вадим приходил с неизменной чекушкой в широченных форменных галифе. Сам же её и выпивал.

Не требовалось особой проницательности, чтобы понять: жениху нравится водка, нравится их дом – пусть бедное, но налаженное хозяйство, надоело ему скитаться по съёмным комнатам, питаться как и где придётся, а простецкую, но вкусную деревенскую еду из русской печки он очень даже оценил.

Дурочка же Валентина влюбилась по уши и нахваливала женишка взахлёб. И хоть Устинья продолжала кожей чувствовать в нём чужака, но ничего не говорила дочери, просто помалкивала, наблюдала и ждала, куда выведет.

Вадим меж тем не отступал. Регулярно являлся со своей чекушкой. Валентина всё громче стала петь с его голоса про сильное плечо, помощь и защиту, которых они после смерти отца лишились – тот умер в конце войны, так и не восстановившись после Ленинградской блокады, из которой отец с дочерью весной сорок третьего вырвались чудом. Муж до войны зимами промышлял малярным делом в Питере. Валентину тогда взял с собой, хотел, чтоб дочь училась в столице. А тут война...

Устинья, конечно, понимала: дочь права – мужчина в доме нужен. И не в том дело, что мужскую работу некому делать: изгородь починить, огород вскопать, дров нарубить – этому она и сама в войну научилась. Мужик в доме – это порядок; так заведено, что хозяин должен быть, очагу защитник нужен. Наверное, и зарабатывает Вадим в своих органах неплохо. Всё-таки звёздочки на погонах носит, офицер. А то замучило это вечное безденежье, жизнь на крохотную Валентинину зарплату. Ни на что не хватает, как ни экономя.

Хотя, конечно, щедрым женишка никак не назовёшь. Кроме чекушек для себя, ни на что другое он так и не разорился. Но что делать? Валентине пора семьёй обзаводиться, деток рожать – а выбирать, хоть умри, всё равно не из кого. На безрыбье, как известно, и червяк – улов.

Устинья ругала себя за подозрительность, но по всем её раскладам получалось, что женишок прибудился сомнительный: больной, без дома и хозяйства. Определённо, пьющий. Только и радости, что мужик. Но это пусть Валентина разбирается. Это она ножками сучит, замуж торопится, а то не успеет.

Конечно, всё не так просто. Устинья нутром чувствовала в Вадиме и ещё кое-что: ту же неприкаянность, то же вечное сиротство, что сопровождали и её саму по жизни. Ему тоже нужен был крепкий тыл, семья как прикрытие – вот, наверное, потому и спешил. И у него были свои тайны, свои проблемы, и вряд ли он в них кого-нибудь посвятит. Мужчина при должности, осмотрительный – там абы кого держать не будут. Да, опасный – вон как кобуру оглаживает: мол, выход есть всегда – вот он, под рукой. И как Валентина, дурочка, не боится?

Устинья, как всегда, оказалась права. Позже стало известно, что Вадим – мужчина не просто умный, но и решительный – на его счету было несколько раскрытых громких уголовных дел, и за решётку на длительные сроки отправилась чуть не половина местных городских начальников. В городе капитана Иноземцева не просто знали, а боялись и ненавидели. Он стал здесь пожизненно чужим. Как когда-то Устинья с матушкой затаились в Милёхине, так и Вадим непросто приживался в городке.

И куда же ему было идти, как не к своим?

Вадим тоже всё понял про Устинью:

– Вот кто опер настоящий! Смотрит – как рентгеном просвечивает! Мне бы работников таких, а то дурни одни лопухи! А, мать, пойдёшь ко мне на службу?

Устинья только вздохнула. С ним «мать» не хотела бы не только служить, но и вообще – сидеть на общем гектаре. Но, кажется, её не спрашивают.

Вадим, вроде, по привычке к ним, может, домашняя еда и чекушка тому способствовали, но стал помягче, поразговорчивей. Однажды, наведя на Устинью свой никчёмный, ускользающий взгляд, он постановил:

– Ну вот и познакомились. Теперь жениться надо. Чего тянуть? Мать вон согласна. Да, мать?

Валентину о таких пустяках он, похоже, не спрашивал.

Дочь не ведала о том, в чём мать с каждым днём только утверждалась: Вадим как был, так и остался неподходящим человеком. Не только для Валентины, а вообще! В чём в чём, а в неподходящих мужьях Устинья разбиралась лучше многих: по собственному опыту знала, что это за лихо такое – неподходящий муж. Может, и привыкнешь со временем, но не полюбишь, нет! Всё пойдёт через пень колоду, и всё будет не в радость. Не запряжёшь в одну упряжку брыкливого коня и скромную козочку. Или, наоборот: спокойного осла и нервную лань. Вариантов тут не счастье. А результат один – разбитая жизнь.

Не успели молодые зарегистрироваться, как Вадим распорядился: надо, пока лето не кончилось, посуху убираться из деревни – далеко добираться до работы. А тут подарок новобрачным от начальства – ему, как образцовому милиционеру, выделили участок на окраине города. Нужно по-быстрому разбирать дом и перевозить его туда. Все хлопоты с переездом он берёт на себя.

Валентина только согласно кивала. Она прямо на глазах превращалась в китайского болванчика.

Конечно, Устинья понимала, что лишается и дома, и самостоятельности, но выбора у неё не было: Валентина у неё была одна, а чего не сделаешь ради счастья единственной дочери? Пришлось матери скрепя сердце согласиться на переезд и опять, как много лет назад, проситься на постой к деревенской родне. Пока дом разбирали, перевозили, собирали, молодые ютились в комнате милицейского общежития. Устинья жила в Милёхине.

Зятю надо было отдать должное: он действительно всё провернул за пару месяцев. Лихо всё раскорёжил.

Для Устиньи это был не просто переезд – это был слом всей её прежней жизни. Из хозяйки в родном гнезде она превратилась в бешеное веретено, в седьмую спицу в чужом колесе. Кружилась по дому с раннего утра до позднего вечера. Была и кухарка, и уборщица, и прачка, а вскоре – нянь-

ка для троих пацанов, которых Валентина не долго думая родила одного за другим. А ещё на Устинье был огород и перевезённое из деревни хозяйство – коза Маруська, поросёнок, куры.

Валентина рожала, не выходя в декрет, потому что, как постановил хозяин, семье нужны деньги на детей, мебель, вещи, питание... Список там был длинный.

Сам он выдавал Устинье ежемесячно такую малую сумму на хозяйство, что дикая экономия, а по сути, нищета стала просто нормой её жизни. Милиционер строго считал каждую копейку, требуя отчёта за все произведённые покупки. А какие там покупки? Чёрный хлеб, сахар, который кололся на мелкие кусочки специальными кусачками и поштучно выдавался. Чай, который заваривался до тех пор, пока не становился абсолютно прозрачным. Только тогда в заварочный чайник подсыпалась новая горсть самой дешёвой чайной трухи, и всё это, по рекомендации хозяина, присыпалось содой, чтобы лучше разваривалось. Более отвратительного напитка Устинья отродясь не пивала. Даже в худшие времена они с матерью чаёвничали от души. Ей порой даже снился тот терпкий чайный аромат, который исходил от их кузнецовского заварочного чайника, прихваченного матушкой в числе немногих вещей из прошлой жизни.

Щи Устинья варила теперь не с мясом, а с костями, за которыми специально раз в месяц ходила на другой конец города – в ларёк мясокомбината. Выручал копеечный вандыш – мелкая сушёная рыбка, которую рыбаки вылавливали в местном озере и продавали потом по дешёвке на базаре. Из него в русской печке получалась густая тюря, потому что на перловку хозяином велено было не скупиться – главное, понажористей.

Всё остальное было своё: выращивали в огороде лук, картошку-моркошку... Нет, не выращивали, ведь все на целый день уходили на работу, а выращивала Устинья. Копала, сажала, полела, удобряла, убирала, сушила. В общем, вела огород, как и остальное хозяйство, практически в одиночку.

Свинья в холодной городской сарайке плохо прибавляла в весе. Оно и понятно, ведь никаких отходов в семье не было, а специально разоряться ещё и на неё хозяин не позволял.

Коза Маруська в городе стала болеть. Вскоре пришлось её зарезать и какое-то время питаться пусть жилистым, но настоящим мясом. Курам головы рубили либо из-за болезни, либо по большим праздникам. Но до праздников ещё надо было дожить. Так что чаще всего семья сидела на вандыше.

Настоящим лакомством для взрослых и детей были белые булки, которые Валентине иногда удавалось купить в школьном буфете.

Сам Вадим питался в закрытой милицейской столовой, и хоть выглядел вполне упитанным, но с каждым днём становился всё более бледным и нервным. У него было высокое давление, что не мешало ему частенько приходить домой пьяным. И тогда он орал, цеплялся ко всем, хватался за пистолет, выражая недовольство расточительностью тёщи, глупостью жены и непослушанием мальчишек. Одним словом, поводов всегда было много.

От такой житухи Устинья скоро скрючилась, высохла, превратилась в старую «баушку» – так её и стали звать все: подрастающие внуки, грозный зять, даже дочь.

Уйти Устинье было некуда. Разве что на тот свет. Пенсию она не заработала, дома лишилась. Силы уходили, а терпение кончалось. Скоро она стала мечтать о смерти.

Ей однажды приснилось: лежит она на летней лужайке за своим старым деревенским домом, знает, что умерла, а потому – законно отдыхает, блаженствует. Но и на том свете боится, чтобы кто-нибудь её тут в траве не нашёл и не потревожил.

Но нет! Нашёл-таки этот змей в галифе. Этот истеричный сыщик из-под земли достанет. Стоит, смотрит на неё, о чём-то размышляет. Наверное, о том, кто теперь работать на него будет...

И тут Устинья холодеющим нутром понимает, что всю её каторгу он теперь повесит на Валентину. А та – неумеха, к тому же после блокады слаба здоровьем, устаёт в своей школе, а ей ещё пенсию зарабатывать надо, не то будет как мать – нищая на старости лет.

Нет, не может она так поступить с единственной дочерью! От ужаса глаза Устиньи вдруг широко распахнулись. Зять, который неотрывно глазел на неё, так и сполз в траву, чуть не помер со страху, сердешный. Смотрят они молча в глаза друг другу. А в глазах Устиньи известно что: голимая ненависть. Это же сон. Скрывать ничего не надо. Что же ей и в собственном сне терпеть тот ад крошечный, который этот человек устроил из её жизни, и делать вид, что всё в порядке? Ну уж нет! До чего дожила – о смерти мечтать стала!

И зять, похоже, струсил. Испугался её неожиданного воскрешения, её горящих глаз, кажется, до него дошло, что если она молчит и терпит, так это ровным счётом ничего не значит. Всё она про него знает, понимает. Для неё он навсегда – мелочь презренная. Не показывает своего отвращения, но видно же: противен он ей. И нет ему от неё прощения. Рано или поздно за всё придётся ответить. Вот что прочитал он в глазах мечтающей помереть женщины, которая много лет привычной тенью металась по его дому, таща на себе неподъёмный груз обязанностей и страданий.

Этот сон был таким мощным, что каким-то образом просочился в реальную жизнь и повлиял на отношения зятя и дошедшей до края Устиньи. Вот тогда в ней и проснулась настоящая ведьма. В смысле, до самого дна поняла-изведала она всё выпавшее ей в жизни. Поняла, что несёт наказание за Петра, который, убежав от блокады, так и не оправился – лежал на печи и беспрерывно требовал есть. Ничего не хотел понимать, что нельзя ему, что умрёт, не переварит. Совсем с голодухи лишился разума. Как животное, скулил, выпрашивая еды. А то кричать принимался, оскорблять. Было, ох, было искушение накормить его от пуза и прекратить его и свои мучения. Но каждый раз сдерживалась. Тогда ещё матушка была жива. Сказала как отрезала: «И не вздумай. Он умрёт, а тебе жить с этим. Терпи». И терпела.

И Вадим каким-то образом почувствовал в ней перемену. Сделался более осмотрительным, поджал хвост, больше так страшно не орал и не тряс у неё перед носом пистолетом.

Будто они вместе тот сон смотрели.

Кто-то сверху, приглядывающий за нами, любит потешаться над нашей «мудростью». То, что казалось тяжёлым и до доньшка исчерпанным, оказалось лёгкой прогулкой по сравнению с тем, что выпало Устинье в последние недели её земной жизни.

Не сидевшая ни минуты женщина вдруг полностью обездвижена. Врачи врали довольно бодро, что бедро срастётся и вновь побежит неутомная

Устинья по своим делам. У Валентины и Вадима, видимо, была другая информация, потому что вели они себя с ней крайне неестественно.

Но Устинья и без них всё про себя знала. В свои восемьдесят она не просто понимала, что с ней происходит, но и ничуть против этого не возражала: внуков она вырастила, Валентина пенсию себе заработала, жизнь в доме налажена, а служить до ста лет Вадиму – это уж извините!

Она с некоторой усмешкой поглядывала на зятя, которому теперь приходилось заниматься садом-огородом, носить дрова, топить печку, приглядывать за детьми. Он тоже исподволь бросал на неё далеко не дружественные взгляды. Её удивляло лишь одно: столько лет болеть – и ничего! Забросит горсть таблеток – и живёт дальше. Главное – движется. Она вот нет...

Если раньше её подневольная жизнь сильно на каторгу смахивала, то теперь это был карцер, одиночка. Сидит, как муха на липучке, мучается от боли, получает плухи от буйного младшего, который во что бы ни играл, неизменно попадает в неё мячами, шариками, книгами, от чего с её лица и тела не сходят синяки. Родители для проформы ругали шалуна, но он же не виноват, что у баушки нет своего угла, что, куда ни пойдёшь, всюду наткнёшься на её кресло. Будто не в курсе они были, что все углы тут – её.

Так она умирала: корчась от боли, без собственного угла, почти всегда в одиночестве, разукрашенная любимым внуком синяками и царапинами.

Вадим был великодушен: иногда по дороге из магазина, куда он теперь ходил за продуктами, заглядывал в аптеку и приносил болящей то аналгин, то аспирин. Порой даже цинковую мазь от синяков прикупал. Вот, собственно, и всё лечение. А зачем без толку деньги переводить? Врач ведь сказал по секрету, что скоро всё кончится.

Ненадолго забываясь, Устинья во сне теперь не ходила, а летала. Она порхала над холодеющей осенней землёй, над голыми, облетевшими деревьями, где вместо листьев, как ракушки-прилипалы, поблёскивают огромные зрачки, которые – о, ужас! – ещё и вращаются и следят за ней неотступно.

Мороз проридал по коже. Скоро боль врывается в сон. Волшебная невесомость оборачивалась пудовыми веригами. А мигающие моллюски оказывались глазами человека, с которым прошедшие сорок лет так и не смогли её породнить.

...Вскоре Устинья отмаялась, её душа с облегчением отлетела в мир иной, желая только одного: чтобы там его не было...

Между тем, пока на земле шли последние приготовления к проводам Устиньи, Вадим будто взбесился. Он и раньше много чего себе позволял, но тут в него будто нечистый вселился. В день похорон он в присутствии пришедших проститься с Устиньей соседей и родных орал и матерился так, будто не терпелось ему унести наконец тещу из дома, окончательно от неё избавиться.

Люди так сразу и сказали: не жилец теперь Вадим! Так не ведут себя при усопшей, как бы ты к ней при жизни ни относился.

Но бывший зять продолжал падать всё ниже и ниже, прямоком в преисподнюю: неожиданно при всех он выставил своему прибывшему на похороны старшему сыну счёт за аналгины-аспирины, а также за произведённый за болящей уход.

Это уже было по-настоящему страшно. Люди, ставшие свидетелями этой дикой сцены, крестились и пятались к входной двери. Все знали, что Устинья, пока держали ноги, всю жизнь верой и правдой служила этой семье.

...А в начале зимы, аккурат на Устиньины сороковины, Вадим отправился во двор расчищать выпавший за ночь снег. Расчистил, остановился передохнуть, потом вдруг смертельно побледнел, выпустил из рук лопату и медленно завалился в сугроб. Всё было кончено.

В последнюю минуту он, видимо, что-то такое понял, потому что в гробу лицо у него было виноватое и просветлённое одновременно. Как у преступника, получившего заслуженное наказание.

С тех пор так и бродят они по моим снам парой: Устинья и её зять. Она – спокойная, удовлетворённая, что всё сделала правильно, прожила, как смогла, отслужила любимой дочери и уходом своим освободила её от мучительной мужниной опеки, прихватив на тот свет их общего мучителя.

Он теперь – вечно нервный, дёрганный, навсегда пристёгнутый к ненавистной теще. Понимающий, за что мучается, но не имеющий шанса вымолить прощения, он становился около неё всё более бледной тенью. Там действует высшая справедливость, там хозяева превращаются в холопов, а ненавистные связи, сотворённые тобой при жизни, мучают тебя ровно столько, сколько отведут тебе твои жертвы.

БУКОЛИКИ ОТМЕНЯЮТСЯ

Записки

*Люди работают большую часть времени,
чтобы жить, а незначительное свободное время, остаю-
щееся у них, настолько беспокоит их,
что они всеми способами стараются
от него избавиться.*

Иоганн Гёте

Что-то вроде вступления...

Объяснюсь с возможной степенью искренности. А иначе – зачем затеваться с записками?

Я, конечно, авантюрист, меня можно красиво назвать джазовым человеком, а можно просто – безбашенной, летящей из огня да в полымя. Такая уродилась. Люблю пробовать жизнь на вкус, а себя – на излом. Перелицовывать периодически старую шкурку и смотреть-кумекать: что осталось от некогда ярких убеждений, прочных принципов и красивых идей? Можно это всё добро как-то встряхнуть и обновить в крайне недружественной среде обитания? Что там осталось? Или уже поизносилась, поистерлась некогда дорогая материя и остаётся лишь нести её на свалку, с глаз долой?

Люблю выходить за рамки. Делать эксперимент из своей жизни – любимейшее занятие. Это интересно, но рискованно. С одной стороны, любой новый поворот даёт тебе бодрящий импульс, рождает новые отношения и возможности. С другой – успех твоей новой авантюры целиком на твоей совести, никто ничего не гарантирует, и в ходе очередного марш-броска в неизвестность возможны и утраты, и разочарования. Твой выбор. Твоё решение. Твои синяки и шишки.

Но открывшееся новое дыхание, а возможно, и новая победа – тоже твои.

Вот и получается, что риск – самая острая форма жизни, ломающая стереотипы и организующая священный хаос, из которого и строится что-то новенькое. Другого материала нет. Внутреннее смятение и неразбериха – питательный бульон для грядущей гармонии. Необходимое условие обновления. Цвет (пестрота), запах (вонь) и вкус (безвкусица) самой жизни. Всё в одном. Блюдо не для гурманов и аллергиков, а для тех, кто не боится и не брезгует. Кто перемелет, переживёт и управится.

Считаю себя разумным человеком, но важные решения принимаю по ощущениям. То есть если чувствую, что ситуация созрела, что с души окончательно воротит, то, скорее всего, рвану напролом, рискну, чем политесно перетопчусь и стерплю.

Итак, расскажу о новой своей аванюре под названием пенсия.

Получилось прямо по Ленину: то, о чём думалось и говорилось на кухне последние несколько лет, – свершилось. Ура, товарищи! Ушла. Уволилась. Слиняла. Свалила. И то сказать: до ста лет, что ли, работать? И так десятичку перебрала. Пора и честь знать.

Думаю, что ещё долго бы топталась, ренегатски прилаживаясь, искала бы причины не делать резких движений (всё-таки больше сорока лет непрерывной пахоты – не баран начихал!). Да, устала, да надоело, временами накачивали приступы внутренней рвоты от idiotских дежавю – но почему-то не являлся в недрах утомлённого организма главный вопрос: как жить, если не работать? Казалось, что вопрос – неважнецкий.

Коллеги-ровесники, впрочем, отговаривали: мол, сами тупо тарабаним, боясь грядущей нищеты. Терпи.

У меня почему-то этого страха не было. Во-первых, за всё надо платить, а уж за свободу – тем более. А во-вторых, много ли надо? Не пропаду! – решила я и, постановив не мудрствовать, доверилась естественной реакции организма: баста! ухожу! И – будь что будет! Давно пора перелистнуть эту залипшую страницу. Даже интересно: что там откроется за новым поворотом?

ГЛАВКА ПЕРВАЯ, МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ

Время, как известно, благо. Именно его всегда и всем не хватает. Именно его по клочкам собираем, чтобы увидеться с близкими, пойти поплавать в бассейне, сбежать в самоволку, поболтать в кафе с подругами, да просто – выспаться! Я уж не говорю о глобальном – о времени жизни, которое, как известно, проходит, как косой дождь, как сон, как утренний туман. Не успеешь расплести девчачьи косички, как пора собирать немудрящее стариковское приданое.

Но ведь никто не знает, когда оно потребуется? И потому – не будем спешить, а начнём, благословясь, трепанацию черепа, в надежде доскрестись если не до истины, то хотя бы до серого вещества. Или того, что от него осталось. Во всяком случае, для меня это проверенный путь: написать, чтобы понять.

Итак, выйдя на пенсию и оставив работу, получаешь его – Время. Это ли не абсолютное благо? Теперь ты – хозяйка жизни. Хочу пряники жую, хочу – халву трескаю. Что-то новенькое... Определённо, так ещё не жила. Меня, похоже, ждёт увлекательное приключение.

И это поначалу волнует кровь. И да, первое время лакомишься свободой, дегустируешь волюшку. Не надо никуда нестись. Делаешь только то, что

хочешь, общаешься с теми, кто люб. При этом держишь хвост по привычке – пистолетом. Не совершаешь лишних движений. Сама сортируешь и дозируешь: нужное-ненужное. ЖИВЁШЬ! Наступила наконец настоящая жизнь. Бывает же такое! Жизнь в её хрестоматийно-обломовском смысле, жизнь как неспешное наслаждение процессом. Помните? Илья Ильич, оставив утомившую его службу, возлёт турецким султаном и испытал чувство мирной радости, что он с девяти до трёх, с восьми до девяти может пробить у себя на диване, и гордился, что не надо идти с докладом, писать бумаг, что есть простор его чувствам, воображению.

Определённо, Гончаров знал, о чём писал. Свидетельствую: точно! так и есть!

К хрестоматийному диванному жителю дружным хором присоединяются опытные друзья, пенсионеры со стажем. Они, узнав, что их полку прибыло, дружески благословляют тебя, как при крещении батюшка отечески снаряжает обомлевшего младенца в какую-то ДРУГУЮ жизнь. Ободряет, гладит по головке. Правда, окружающие как-то странно на тебя смотрят и всё пытаются узнать: почему ушла? Не выперли ли? Неужели вот так, сама? Ну и молодец, давно пора! Жить наконец начнёшь!

Благолепие, да и тольк! Это если слушать друзей и подружек. В ход идут козыри: консерватория с бесплатными абонементом для больных и нищих, безлимитные дружеские встречи, самообразование всласть, неторопливые прогулки по живописным местам, неспешные поездки на дачу.

Хотя, если честно, до этого я не слишком часто встречала в означенных местах фланирующую пенсионную публику. Всё чаще кучковалась она в поликлиниках, собесах, «жэках» и прочих скорбных заведениях. Вот на дачах – да. Именно старики там и пашут, как бешеные землеройки.

Но воистину – слышишь то, что хочешь. А сон разума рождает... известно кого.

Но это позже, чуть позже. А пока – кайф, что выпряглась из рабочей сбури, что не надо себя беспрестанно насиловать исполнением идиотских приказов и распоряжений, не нужно больше изнемогать от рабочей нагрузки. Пригодается и знание русского языка: уводился – то есть, понятное дело, ушёл на воду, а работает – продолжаешь пребывать в шкуре купленного раба. Естественнo. И гордость проникает во все клетки твоего мудрого организма. Смотришь на себя как бы со стороны: стоишь свободная такая, ещё поблёскивает на челе непросохший трудовой пот, ещё мышцы, как у дрессированной цирковой лошади, подрагивают от многолетнего аллюра по кругу, а глаз по привычке беспокойно рыщет: который там час? Полно, – останавливаешь себя, – полно: охолони, успокойся и просто – живи!

И поначалу – да, держишь себя в руках.

ГЛАВКА ВТОРАЯ, ХАОТИЧЕСКАЯ

...Ломка возникла неожиданно и коварно, как вредная бактерия, поселив в тебе вначале непонятное беспокойство, а потом сомнение, которое, к твоему удивлению, крепнет день ото дня. И вот уже мозг посылает предательский сигнал: ну как, счастлива? А что так? Не уверена, что этот праздник жизни для тебя? А для кого же? Что говоришь: за-са-да?! Брось! Лучше приляг, отдохни. Дурное-то и отлетит. Не отлетает? Порченная какая! Не уверена, что эти вольные узоры жизни для тебя? Да ладно! Ты слишком долго и слишком тяжело работала. А тут так резко затормозила, что, понятное

дело, растерялась. При переходе от тёмного прошлого к светлому будущему, как говорят современные знатоки, не миновать серого настоящего. Просто сто оттенков серого! Тут надо привыкнуть, перетоптаться.

А мозг услужливо угощает цитатой: ко всему привыкает подлец человек!

Этого только не хватало! Совсем с ума сошла! Одно дело – каторга, родившая эту горькую мудрость классика, другое – почти райское житьё со спутником жизни на манер Филемона и Бавкиды, ну, или хоть их русско-го аналога – Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны.

Кстати, гоголевские старички были гораздо нас моложе: ему было шестьдесят, а ей вообще – пятьдесят пять.

Между тем процесс превращения в Товстогубиху у меня, кажется, пошёл. Наблюдаю себя как бы со стороны и беспрестанно удивляюсь: домашними делами занимаюсь много, правда, на автопилоте, а вот всё остальное – решительно не идёт. Делать не хочется ничего, и меньше всего – читать и писать. И дело не в том, что исчез интерес к этим почтенным занятиям – вроде бы нет, просто происходит что-то помимо моей воли: густая, сладкая и тёплая апатия пеленает по рукам и ногам, укладывает душеньку на обломовский диван и, смежая веки, вырывает из рук все атрибуты осмысленной жизни.

Ты, конечно, понимаешь, что сие не норма. А потому, отославшись-отвалявшись, начинаешь беспокоиться: как бы с непривычки не помереть невзначай. Или не попасть к дурикам, к которым, кстати, торный путь мостит бухтящий в углу телевизор.

Кстати, и тут тебя ждёт открытие: оказывается, сколь ни работай пультом, сколь ни ищи что-то вмняемое, оттуда по всем каналам (кроме «Культуры», благослови Господь её создателей!) орут стенка на стенку какие-то бесконечные ток-шоу с одними и теми же участниками и темами, не имеющими к твоей жизни никакого отношения.

Так вот, оказывается, оно какое, наше телевидение! А некоторые пенсионеры весь этот идиотизм смотрят, да ещё и пересказывают. Впрочем, не только они. Я тут со злости наказание для создателей этих шедевров придумала: посадить, привязать и заставить смотреть сотворённое от начала до конца. Думаю, мы их потеряем. Туда им и дорога!

А что если попала я со своим свободным временем в какой-то чудовищный капкан, в какую-то крутую засаду? Что-то главное не просчитала, не учла? Ведь мозжечком чувствую: именно тут собака порылась. Не бывает у нас по-другому.

Изменив службе и обществу, вступив в весёлую пору дожития, ты хочешь не хочешь начинаешь заново решать задачу существования. Комбинацию быта и бытия. И тут всё по-серьёзному, не в поддавки на щелбаны играть.

Выходит, проблема в том, чтобы самостоятельно, ответственно и разумно заполнить свалившуюся на тебя благодать, о которой, когда работала, только и могла мечтать. Бойтесь своих желаний, господа! Ведь вот он, досуг! Нате, пожалуйста! На блюдечке с голубой каёмочкой! И вопрос лишь в том, как управиться с собой, чтобы не выпасть из собственной системы координат?

Так что же получается? Наши тихие пенсионеры все как один порешали эту задачу? Для чего-то поднимаются они ни свет ни заря и, подчас перевозмогая себя, вершат скорбное дело своей скудной жизни. А если так, то наши тихие старички и старушки – просто титаны духа! Как они договариваются с пустым кошельком и с ощетинившимся Временем? Что кроют из шагреновой шкурки своих остатних дней?

Наверное, – уважительно соображала я, – они как-то так переключились, что, отодвинув ненужное, замкнули своё житьё-бытьё на себе и теперь, переключив рычаги, могут каждый день творить свою жизнь в соответствии с собственными планами и возможностями. Отважные и мудрые люди! А я растерялся...

Что, опять не вписалась? Все до чего-то дотумкали, а я торможу, ищу сверхсмысл в выеденном яйце. Начинаю снова соображать, прикидывать. Ведь ВСЕ, практически все когда-нибудь выходят в тираж. Отец вон с каких чинов ушёл и, как Цицерон, помнится, формулировал: лучше уйти на год раньше, чем на день позже. Мать ушла день в день – и вот уже более 30 пенсионных лет живёт и молодеет. А кто таскается на службу, пока зелёным мхом не покроется, выглядит жалко и нелепо. Если выглядит ещё хоть как-то... Вон скольких коллег своих схоронила – отправились, бедолаги, в лучший мир прямо с рабочего места. Даже понять не успели, что может быть иначе. Я хоть попробую.

И всё же сомнения не отступают. Что же происходит? Не привыкла или надурили? Чего-то не сказали? Что вообще не так? Почему это Время, хозяйкой которого я себя всегда считала, умудряясь втискивать в день просто тонны разнообразных трудов и забот, так ехидно ухмыляется над моими усилиями заполнить день хоть чем-то осмысленным и достойным?

А ведь со временем у меня был почти роман: я ценила его, оно покровительствовало мне. Вон сколько книжек написала! Когда? Ведь при этом работала, деньги зарабатывала. Книжки-то так – каприз художника! Птицам деньги не нужны!

И детей родила и вырастила... Тоже – в какой-то другой жизни, при пустых прилавках, без самого необходимого. Начинаешь вспоминать – сама себе удивляешься. Тоже ведь – было время!

Так почему же это самое Время, которому я как раз и хотела наконец отдаться без оглядки, так предательски себя ведёт? Прямо как суженый, который на венчании неожиданно объявляет: нет, не люблю, в жёны не возьму, не нужна такая...

ГЛАВКА ТРЕТЬЯ, МЕТАФОРИЧЕСКАЯ

А какая – такая? Я ведь, кажется, стала лучше: спокойней, вдумчивей, философичней. А может быть, всё-таки – незнергичней, незажигательней, немобильней... А также – неумней, некрасивей... О, тут с приставочками НЕ можно перечислять очень долго!

Да, сурово. Но ведь я и раньше догадывалась, что Время – штука тяжёлая. Как и всякая стихия. Это как купаться в шторм. Залезть в воду ты ещё с грехом пополам сможешь, а вот вылезти... Размажет тебя по дну, прихлопнет серьёзной волной, поставит пару синяков в назидание, галькой, как рождественскую утку яблоками, начинит и выкинет такую смелую красотку на берег, на потеху праздной публике. И это в лучшем случае. Главное – отвадит навсегда лезть куда не следует. Тоже мне, царица природы, покорительница стихий, поплавать ей в шторм захотелось... Вот тут наглядно, ощущывая синяки, и начинаешь понимать, что залезла туда, куда незваными и неподготовленными не являются.

А может, я зря паникую? Может, просто такой вот я Холстомер по жизни? Могу только ишачить. Но зачем? Для чего тебе работать? Квартира, дача, машина, самостоятельные дети – всё, слава Богу, есть. Да и пен-

сия, вроде, нормальная. Ну чего-то в новой жизни не хватает. За свободу, в конце концов, тоже платить надо.

Что, собственно, случилось? Ты всё та же... Стоп! В этом-то всё и дело! Ты – уже другая! Не активная, в хорошей форме, нужная множеству людей, а резко затормозившая, съехавшая на крутом повороте в домашний кювет и пребывающая там в растерянности: почему не ищут? Не зовут? – Да фиг тебя тут найдёшь, за диванным валиком!

Появились крохоборские привычки: экономить, считать деньги, сто раз подумать – и только потом что-нибудь купить, нужное, конечно. Все мои старые навыки легко тратить деньги для новой жизни не годятся. Это тоже перепахивает не только самооценку, но саму систему бытовых координат, в которой прежде находилось место и косметологу, и гастрономическим радостям, а главное – финансовой свободе, избавляющей от необходимости трястись над каждой копеейкой. Фотографии не преминули запечатлеть новое во внешности: брыли отвисли, глаз потух, рожа диковатая.

Попала в пыльный мешок под названием «безвременье», то есть времени-то будто и завались, но оно явно не моё, течёт мимо, как песок из скрюченной подагрой горсти. Оно теперь бесформенно и неподатливо. Его и много, и нет совсем: оно сжирается бытом и обломовским диваном, с которого не вставала бы вовсе.

Унижение – вот что чувствуешь, оказавшись на пенсии. И унижительно в этом признаться. Прогрессирует паранойя, а это не есть хорошо. Надо, пока не поздно, выдавливать её из себя хорошо известным способом.

Просто ты выпала из обоймы. А люди любой обоймы говорят на своём наречии. И в том наречии отсутствует лексика из метафизически открывшегося досуга, созидательного хаоса и копеечной ревизии. Вот люди и при- молкли. Времени нет в твои тонкости входить. Молчат, как с тяжелобольной. Такое, значит, впечатление.

Полковнику никто не пишет. Полковника никто не ждёт.

Да ерунда это всё! Просто у всех свои проблемы и время своей жизни. Вот и крутятся.

ГЛАВКА ЧЕТВЁРТАЯ, ГНЕВНАЯ

Что про людей говорить, ведь я и сама не только пенсии – даже самого этого слова не люблю. От него за версту несёт... нет, не преклонным возрастом, не мудростью, не умиротворением, а в русском варианте – нищетой, заброшенностью, беззащитностью. Близостью смерти. Получается, что пенсия у нас – это не повод для путешествий, хобби и прочих западных радостей, почти автоматически вытекающих из кругленькой пенсионной суммы.

У нас это на сегодняшний день чуть больше 170 евро, или не больше 185 долларов – в пересчёте на хорошую пенсию в 12 тысяч. Понятное дело, это не деньги, а приговор.

Шуточки кончились, когда началась у меня не жизнь, а выживание.

Главные вопросы, которые мучают с тех пор, как оказалась я в толпе униженных и оскорблённых: наших начальников вообще женщины ли рожали? У них были любимые бабушки-дедушки? Им сказки рассказывали? Книжки читали? Кашку варили? Носы вытирали? Ведь именно бабулек-дедулек выкинули они на свалку доживать, а точнее – медленно помирать. При этом старикам досаждают шакальё из разнообразных мошеннических контор, верховодит которыми кошмар по кличке ЖКХ. А над ним есть ещё один: без-

душный, жестокий, циничный... Он просто наблюдает за процессом и ничегошеньки не делает. Господа, перечитайте Чехова, «Палату № 6». Подзабыли, видно...

Неужели это такая непосильная задача – определить долбанные нормативы и установить цены, которые не поставили бы беспомощного человека перед дилеммой: есть или платить, лечиться или платить? Ведь для этого требуются арифметические знания начальной школы. Только лишь. И политическая воля. И совесть, конечно. Она – в первую очередь.

Бесконечно растут цены, расценки, тарифы. А вычитать уже просто не из чего.

Посмотрите на наших стариков! Ведь это же те самые люди, которые верой и правдой отпахали всю свою жизнь на наше государство. С полной отдачей и даже энтузиазмом. Представляете, что они должны сейчас чувствовать? Не представляете!

Да вы, господа-начальники, на завтрак себе больше тратите, сколько вы положили своим старикам на всё про всё. Про себя-то вы не забыли! У вас за подкладку пиджака больше завалилось, чем вся годовая пенсия наших страдотерпцев. Ах, как стыдно!

Господа-товарищи (кто угодно)! Поговорите в провинции с любым пенсионером, посмотрите на его жировку (так эти несчастные именуют свои грабительские платёжки!), сядьте, посчитайте и ответьте на один вопрос: смогли бы лично вы прожить месяц на эту сумму? А неделю? А сколько? Попробуйте ради эксперимента! Чтоб на собственной отощавшей шкуре понять: те, с кем вы обходитесь так жестоко, – живые люди, которые тоже хотят есть, пить, делать внукам подарки, ездить к ним в гости. Или они этого не заслужили? Вы почему-то заслужили, а они – нет? Да это дискриминация по возрасту. И имя ей есть: эйджизм – так называется. Возрастной расизм то есть.

Какая же вы элита, господа! Тут средневековым мракобесием попахивает.

А ведь можете войти в историю народными заступниками! Разберитесь с пенсиями и для начала с этим мерзким ЖЭ-КА-ХА. Тут даже денег особых не потребуется. Национализируйте всё, к чёртовой матери, и разгоните этих жуликов и кровососов как не оправдавших доверия. Возьмите под контроль тарифы. Отдавая их на откуп, вы только добавляете к шакальей стае вечно голодных и абсолютно безжалостных особей.

Думаю, что вы это всё и сами понимаете, но ведь вы же ЛЮДИ! Нельзя же так со своим народом! Это не бумажный электорат – это бабушки и дедушки, свои или чужие, какая разница!

Решите проблему со стариками! Обещаю: тут и накроет вас девятый вал народной любви и благодарности. Я знаю, про что говорю. Я – голос ОТТУДА.

И НАПОСЛЕДОК...

После всего, что я поняла и прочувствовала как неработающий пенсионер, во мне стократ окрепли уважение к нашим старикам и безмерное сочувствие им... Не вступиться за них просто невозможно. Делаю, что могу – вот пишу в надежде докричаться.

Это итог первый, общий.

А частный... Пока голова ещё варит и силы не закончилась – пойду-ка я искать работу. Лучше помереть на рабочем месте. Теперь я это точно знаю.

**Наталья
КУКУШКИНА**

НА ПЕРЕПУТЬЕ ВСЕХ ДОРОГ

***

В заплатках треснувший асфальт,
На нём кряхтит слепой автобус,
Дорога вьётся невпопад,
Объехать трещины попробуй!

На небе стайки облаков,
Что ветерку совсем не внемлют.
Побег из ртутных городов
В родную русскую деревню.

Автобус, дряхлый старичок,
Едва ползёт, но всё ж играет
С листвой, сбежавшей под шумок
Из опостылевшего рая,

Из обожжённых городов –
Своих раскрашенных пристанищ,
От кутежа лесных богов
И пьяной осени пожарищ.

И я, гонимый ветром лист,
Над малой родиной летаю
Под ветром, что туманно мглист,
В мечтаниях о сельском рае.

В блокноте пара пьяных строк,
В ушах – сгоревший вальс Шопена,
На перепутье всех дорог
Никто не думает о бренном.

-
- Наталья Кукушкина родилась в Сорочинске в 1997 году. Учится на архитектурно-строительном факультете Оренбургского государственного университета. Член Оренбургского областного литобъединения им. Аксакова (руководитель – Диана Кан). Была участником межрегионального семинара молодых писателей «Мы выросли в России» (2017 год) в Бугуруслане. Живёт в Оренбурге.

***

Я же просто хочу домой:
Раствориться в тепле и уюте
И шагнуть в безмятежный покой,
О котором мечтают люди.

Я же просто хочу домой:
Ну кому непонятно это?
Понабраться силы с лихвой,
Заблудиться в сельских рассветах.

Я же просто хочу домой:
Окунуться в родное детство,
Все проблемы взрослых – долой,
Хоть куда-то от них мне деться.

С петухами встречу рассвет,
Босиком по траве продрогшей!
Ах, как тянет родина... Нет!
Душу тянет к тебе, мой хороший!

Я не просто хочу домой:
Чтоб тонуть в колдовской улыбке!
Я хочу туда, где с тобой
Мы на тёмном стареньком снимке.

Пусть лазурный берег вдали.
И Карибы вдали, и Мальдивы..
Я хочу, чтоб рассветно цвели
Перекаты реки, переливы.

Мы шагами измерим степь.
Пусть ковыль нам щекочет пятки!
Степь родную хочу воспеть,
С ветерком наиграться в прятки.

***

Гляжу на выцветшее фото:
На нём счастливые друзья,
На нём погожая суббота,
И кажется: грустить нельзя.

И белозубые улыбки,
И упорхнувший в небо шар,
И взгляды, что наивно зыбки,
И в мир влюблённых глаз пожар.

Лишь горьковатый привкус колы
Напомнит, как мы далеки
От детства, юности и школы,
Счастливые ученики.

***

Ты помнишь, как в далёком детстве
Мы проживали под Москвой?
Ты распевал шальные песни
И танцевал на мостовой?

Ты помнишь, как взахлёб смеялись,
Как вырасти спешили мы?
В траве зелёной кувыркались,
Читали звёзды, словно сны?

Конфеты заменяли книжки
Нам, выроставшим босиком...
Не с нами было то, братишка...
Так что ж у горла горький ком?

Июня буйное цветенье,
Алмазы звёзд над головой.
И первый, словно откровенье,
Свинцовой вьюги жуткий вой.

Всё так и было в сорок пятом.
Закончилась война, и вот —
Запахло в доме чаем с мятой
И замурлыкал старый кот.

В защитной гимнастёрке мятой,
Улыбчивый, хоть весь седой,
Наш юный дед, что был солдатом,
Вернулся в орденах домой.

***

Я поймаю лучик в ладошки
На рассвете, пока ты спишь,
И в распахнутые окошки
Отпущу между серых крыш.

Между сонных уютных улочек
Отпущу частицу души,
Ощувив пряный запах булочек,
Что поутру так хороши.

Пусть рассветной росой умоется,
Что роднится со влагой реки...
Пусть почти невесомо дотронется
До небритой твоей щеки.

Ты смахнёшь этот лучик устало.
И вздохнёшь: «Не пора ли домой?..»
Ты поймёшь, как я сильно скучала
Без тебя этой долгой зимой.

**Людмила
ЛИПАТОВА**

СТРИЖИ

***

Ящерка – зелёный огонёк.
Греет на камнях узорных спинку.
Ласточка летит у самых ног,
Мошкарку лова среди былинки.

Знать, к дождю: висит жара и хмарь,
Будто вся вселенная заснула.
Разбуди свой колокол, звонарь,
Широтой отпущенного гула.

Чтобы пролился на травы дождь,
Горлинка в гнезде заворковала,
Чтоб я знала точно: ты придёшь,
Как рассвет свободный, как начало.

***

Как чай из земляники пахнет летом,
Поляной травной, сладкою росой,
Разрядом гроз и радужным рассветом,
Ручонкой детства, пяточкой босой,

Так тень снегов, осевшая весною,
Хранит в себе метелей колдовство,
Оно нахлынет жаркою порою,
Лишь из колодца вытянешь ведро

Воды студёной. Что же изначально
Таит свирели тонкая душа?
Плеск рыбы, выпи крик печальной,
В полночном ветре сказку камыша...

А мы способны ль, умирая вновь,
Перерождаясь, сохранить любовь?

-
- Людмила Викторовна Липатова живёт и работает в Саратове. Окончила Балашовский государственный педагогический институт по специальности «Учитель начальных классов». Состоит в редакционной коллегии литературно-художественного журнала «Возрождение» (Саратов). Автор поэтических книг «Гризайли» и «Краски рассвета». Публиковалась в коллективных сборниках, в журнале «Возрождение», в местных СМИ.

БЕЛЫЙ СОНЕТ

Белые лошади мчатся по белому полю,
Вихрем взлетают снежинки от белых копыт,
Пар из ноздрей на морозном клубится раздолье –
Белая птица над белым простором летит.

Белой мечтой унесёмся на светлую волю,
Там белый ангел в слепящие трубы трубит.
Всё ли душа будет плакать по грешной юдоли?
Всё ли в смирении хочет устраивать быт?

Хлопьями снег укрывает для веры невежду,
Белым рисуя дороги, дома и мосты.
Это Творец хочет всё же приблизить надежду

На идеал в человеке своей красоты,
Преображая нас ризами белой одежды,
Благословляет и душам достичь чистоты.

СТРИЖИ

Над полем ржи, где зной струной звенит,
Неслись стрижи на солнечный зенит.
То вниз, то вверх, то сальто, то кульбит.
О, как прекрасен с поднебесья вид!

Как радостно трепещет их душа,
Восторгом божьей сладости дыша!
Как верен глаз, надёжен взмах крыла,
Подвластна мозгу вертикаль угла!

Им не придёт на ум ворчать на зной,
Они довольны солнцем и судьбой.
Картина эта так ласкала взор,
Что предлагал услужливо простор

Синь неба, золотую ткань хлебов,
Сливая крик их с песнею ветров.
А поле, безграничное, как свет,
Питало рожь их радости в ответ.

**Ирина
САБЕННИКОВА**

ЗНАЙ И ЛЮБИ

Рассказы о Саратове

ЛЮБОВЬ

Так приятно просыпаться, когда луч солнца трётся о твою щёку, щекочет, ластится. И ты, ещё в полудрёме, открываешь глаза и улыбаешься. А впереди длинный-длинный день и вся жизнь, у которой не видно конца. По крайней мере, ты ещё не пытаешься заглянуть за него.

С таким чудесным ощущением я проснулась, лёжа на старой скрипучей раскладушке, наполовину задвинутой под круглый старомодный стол, и вдруг увидела, что не только солнце ласкало моё лицо, но и взгляд маленького мальчика. Он стоял возле моей постели и скользил взглядом по всем выемкам и выступам моего лица, шее, спускался ниже, на едва прикрытое простынёй тело, к ступням. Наверное, во сне я немного сползла или раскладушка была не слишком велика. Потом так же плавно взгляд поднимался обратно и, запутавшись в растрёпанных волосах, остановился на губах. Я улыбнулась и тем выдала себя. Его взгляд не выражал случайного детского любопытства, он был мужским и тяжёлым, иначе я бы не почувствовала его движения по своему телу.

– Когда мне исполнится восемнадцать, я на тебе женюсь, – сказал мальчик без всякого предисловия.

Передо мной стоял ребёнок пяти лет, а меня охватила почти что паника. «Когда же это будет? – лихорадочно соображала я. – Ему сейчас пять, то есть через тринадцать лет. А мне сколько будет лет? Сейчас семнадцать, да плюс тринадцать – ого, это же уже тридцать». У меня немного отлегло от сердца, когда я убедилась, что время есть, меня ещё не тащат в ЗАГС и вообще всё это в далёком и туманном будущем.

– Знаешь, давай-ка лучше книжки читаем, у меня есть интересные, – я обычно легко нахожу общий язык с детьми.

-
- Ирина Вячеславовна Сабенникова родилась в 1961 году. Окончила исторический факультет Саратовского государственного университета. Историк, доктор исторических наук. Действительный член-корреспондент Академии Российской словесности. Автор нескольких поэтических и прозаических книг, более двухсот научных публикаций – книг и статей по проблемам российской эмиграции. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Москва», «Волга–XXI век», «Вестник Европы». Живёт и работает в Москве.

– Я тебя люблю, – неожиданно глухо сказал мальчик, – ты будешь моей.

Я поёжилась. Мне таких признаний ещё никто не делал, не то что ребёнок. Неловко как-то стало полураздетой на раскладушке.

– Даже если ты уедешь, я тебя потом отыщу.

Вот так перспектива, почти испугалась я, предчувствуя в этом ребёнке тяжёлый и упрямый мужской характер. Такой ведь и действительно может отыскать. Я мучительно пыталась перевести разговор на что-то нейтральное.

– А что, мама спит? – спросила я, по-прежнему пригвождённая его взглядом к кровати. – Может быть, ты к ней пойдёшь?

– Я хочу тебя поцеловать, – безапелляционно заявил малыш.

– Нет, только не это, я терпеть не могу целоваться, – громким шёпотом запротестовала я, попыталась единым рывком подняться с проваленной раскладушки, но только запуталась в простыне.

Мальчик наклонился и поцеловал меня в губы. Я чуть не расплакалась от обиды. Без моего согласия! Да меня никто ещё не целовал, а этот молокосос себе такое позволяет!

Не знаю, что бы ещё могло произойти, но вошла его мать.

– Пойдём, Антон, дай девочке проснуться. – И ко мне: – Он очень страстен и влюблён в тебя. У него и отец такой же, один раз меня увидел и больше уже не отпускал. Наваждение какое-то. Вот сейчас в тюрьме, так я живу, а выйдет – я и не знаю, что будет.

«Вот те на, а мне-то это зачем?» – подумала я и решила как можно скорее подыскать другую квартиру.

Но пока надо было ехать на археологическую практику, а туда много вещей не возьмёшь, вот я и оставила весь свой скарб под столом до осени. Приеду – заберу. В сентябре нашла квартиру, взяла кое-какие вещи, что в руках донести могла, правда, тогда у меня имущество было весьма скудное: на съёмных квартирах не разживёшься. Книги вот только множились в геометрической прогрессии – то учебники, то классика, ну и для души, что случайно в «Букинисте» купишь. А ещё детские книжки, очень уж в них иллюстрации замечательные попадались, и стоили самую малость, так что нет-нет да куплю.

Что могла донести, взяла, а вот детские книжки да тетради старые с лекциями оставила до другого случая, не очень мне хотелось медлить да с Антоном встречаться. Я и со взрослыми-то людьми отношений не выясняю, а тут ребёнок.

Самым неожиданным во всей этой истории было то, что слово своё Антон сдержал, нет, конечно, не буквально, но руку свою приложил.

Время учёбы быстро пролетело, так, кажется, принято говорить. Пять лет в университете – как один солнечный день холодным сентябрём – оставили в душе ощущение праздника. Надо было получать выпускные документы, а для того всякие формальности урегулировать: в библиотеке отметку об отсутствии задолженности получить, по кафедральным библиотекам тоже, спортивный инвентарь и, главное, штампики в комсомольском и профсоюзном билетах проставить об уплате членских взносов за все эти годы. Я, конечно, взносы платила, но подтверждения этому не имела, да никто особенно и не настаивал. Это же университет. Стала я документы искать. Профсоюзный билет быстро обнаружился – в какой-то книге закладкой служил, а вот комсомольского – просто наваждение какое-то – нигде нет. Стала вспоминать, когда последний раз его видела (квартир-то сменила за это время немерено), – не могу вспомнить, думала, так и не отыщу. Нас с детства учили к документам бережно относиться, всегда под рукой иметь: если

что – пожар или война – перво-наперво документы хватать и бежать, а тут нет основного – комсомольского билета. Я даже не столько сама расстроилась, сколько представила огорчение своих родителей, для которых документ – святыня.

Несколько дней вспоминала, всю цепочку возможных манипуляций с этим билетом за пять лет проследила и догадалась: он может быть только на той квартире, где Антон жил, я же там часть книг и тетрадей своих оставила, придётся идти. Правда, ещё не факт, что всё это не выбросили на помойку за ненадобностью. Но, к счастью, времена были другие: любая вещь ценилась, тем более книга. Собралась с духом: не очень-то мне хотелось встречаться с влюблённым теперь уже подростком, не верю я, что люди с возрастом меняются, я вот какой была, такой и осталась – все об этом говорят.

Пришла на прежнюю квартиру, звоню, открывает незнакомая женщина. Я её пытать стала: где те, которые здесь четыре года назад жили? Она на меня как на чудачку смотрит и говорит:

– Ты бы ещё через десять лет пришла в гости.

Я ей объяснила, как смогла, что документы на квартире оставила. Слово «документы» своё действие возымело, хоть и произнесено было явным лохом.

– Надо тебе к хозяйке квартиры обратиться, кажется, здесь её родственница жила с ребёнком.

Узнав адрес хозяйки, отправилась к ней. И опять всё по новой – кто, да что, да зачем, да может ли такое быть, чтоб документа четыре года не хватилась. Но в конце концов и её сопротивление я сломила, узнала адрес, где мои старые знакомые теперь жили, спасибо, что родственниками этой бабушке доводились, а то где бы мне их искать, ведь фамилии я, разумеется, не знала.

На другой день, благо, что воскресенье было, пошла по гостям, уже и не думая, хочется или не хочется, – мне бы билет найти. Меня узнали, правда, очень удивились и тому, что вспомнила о них, и тому, что отыскала. А когда причину узнали, так и вовсе призадумались.

– Мы, – говорят, – давно уже с той квартиры уехали, живём здесь, в частном доме. Вещи какие-то взяли, там, вроде, и твои тоже были, но где они...

Я стала просить вспомнить – мне очень надо, там же документы. Это магическое слово я уже специально вставляла, зная, что подействует, и мои знакомые согласились посмотреть на чердаке.

– Приходи, – говорят, – завтра, если что осталось, найдём.

Я пришла, но лучше бы сделала это четыре года назад.

– Нашли, как ни странно, твой билет. Среди детских книжек был заложен, – говорят, а сами стесняются чего-то. – Нашли-то мы нашли, но, знаешь, здесь вот такая штука... – И протягивают мне билет.

Я раскрываю его, и – о ужас! Такого придумать-то нельзя: на титульной странице моя маленькая фотография, а во лбу у меня ярко-алая звезда горит, и по всему билету эти звёздочки разбросаны, просто звездопад какой-то.

– Извини, – говорят, – это Антон, когда маленьким был. Ты же знаешь, он тогда в тебя влюбился, так с ним сладу не было, отыскал твою фотографию и, как умел, разукрасил.

– Ладно, что ж теперь делать, спасибо, что звёздочками красными, символика документу соответствует, если бы свастикой или ещё чем-то, хуже было бы.

Поблагодарила я их, конечно, а сама не знаю, что ж мне теперь делать. Стереть нельзя, забелить тоже, лучше уж так оставить. Принесла в университет комсору, благо моя приятельница. Она как открыла книжечку,

чтобы штампики за четыре года об оплате взносов проставить, так и обмерла. Захлопнула билет и прыснула:

– Как тебя угораздило?

Я объяснила, как могла, понимаю, что не очень убедительно, но как ещё эти художества объяснить.

– Это же, – говорит, – документ, мы его поменять не успеем, да и поменять документ в связи с порчей можно, только с занесением выговора в личное дело. Зачем тебе это сейчас? Выговор мы уже не снимем, и поедешь ты с ним неизвестно куда. Лучше так оставим, а на новом месте, может, и не заметят сразу.

– Не заметят, как же, разве только я в школу для слепых работать устроюсь.

А что делать. Забрала свой «звездившийся» комсомольский билет – будь что будет.

После университета у меня было свободное распределение, так что работу искала сама. Сама бы, правда, ничего не нашла, но стечение обстоятельств помогло, да и ангел-хранитель не оставил. Взяли меня в академический НИИ на самую младшую должность – лаборанта. Не слишком почётно, но сразу после института на большее рассчитывать не приходилось. Средний возраст в институте шестьдесят три года – это средний, а так некоторые академики ещё в империалистической войне участвовали, даже доска памятная висела: «Наши участники Первой мировой» – рядом с участниками Великой Отечественной. В общем, люди все солидные да остепенённые. Но комсомольская организация была, и мне пришлось в ней встать на учёт.

Принесла я свой билет для регистрации, секретарь его открыл и аж задохнулся от неожиданной красоты такой.

– Что же это? – спрашивает.

– Билет, – говорю, – все взносы уплачены.

– А звёзды откуда?

Всем одно и то же знать хочется. Я объясняю, что трудная юность, на квартирах жила, по чужим углам. Ребёнок безнадзорный разрисовал, хотел как лучше.

– Да, – говорит, – талантливый ребёнок. Ваш?

– Нет, с чего же вы взяли, что мой? Чужой ребёнок.

– Тогда почему ваш билет разрисовал?

– Да откуда я знаю, фотография, может быть, понравилась.

– Ладно, – говорит секретарь, – теперь уже ничего не поправишь, придётся вам в райком комсомола идти и там объясняться. Как они скажут, так и сделаем.

Пошла в райком. Пришла. Второй секретарь – хлыщеватого вида молодой мужчина – спрашивает:

– Ты, девочка, по какому вопросу?

А мне уже двадцать один год, я себя взрослым человеком ощущаю.

– У меня вопрос деликатный, – говорю и билет ему свой протягиваю.

Ну, что дальше было, догадаться несложно: взял он билет с постным видом, открыл, потом рот рукой зажал и из комнаты выскочил, не хотел, наверное, своё напускное достоинство потерять и легкомысленным показаться. Но из коридора, а потом из соседней комнаты долго ещё хохот доносился. Через некоторое время вернулся.

– Кто же, – спрашивает, – тебя так раскрасил?

– Ребёнок, – отвечаю, – неразумный. Залез в стол и разрисовал всё звездами – вполне патриотично, не свастикой же.

– Это хорошо, что не свастикой, но билет менять придётся, а это только через выговор с занесением в личное дело, так что не обессудь.

С тем и вернулась я в институт.

Месяца через два назначили комсомольское собрание, и на повестке дня – смена комсомольского билета в связи с порчей. Всем интересно, что я такое с этим билетом сделала, что его менять пришлось. А я никого ещё в институте не знаю, да и старше они меня все, так что между нами стена, пусть и стеклянная. Но от скуки общей, присущей собраниям такого рода, стали присутствующие мне вопросы задавать, что вот, мол, новый человек, хотим познакомиться, пусть всё подробно нам расскажет и о себе, и о порче билета. Пришлось мне рассказывать. Повеселились ребята, первый раз, наверное, такое живое собрание в этих унылых стенах было, каждый хотел высказаться. В конце надо было решение вынести, так один ехидный юноша предложил меня комсоргом комсомольской ячейки сделать, с тем чтобы на деле могла показать свою преданность идее молодого строителя коммунизма и проявить высокий моральный дух. Так вот и решили, как я ни сопротивлялась.

Вынесли мне выговор с занесением и назначили комсоргом группы. Долго ещё этот анекдот по коридорам рассказывали, так что, благодаря любовному пылу пятилетнего Антона и его тяге к творчеству, известность я приобрела сразу в четырёх институтах – всех тех, что ютились в одном здании.

Группу мне доверили непростую, состояла из трёх злостных неплательщиков взносов, хорошо хоть, что все трое были молодыми людьми, так что общий язык нашли быстро, и задолженности по взносам растворились сами собой. Правда, двое волокитами были, а третий – углублённым в свою научную миссию учёным, но это нам не помешало стать друзьями. Через некоторое время всё определилось: один стал за мной ухаживать и замуж звать, другой оказался замечательным компаньоном для посещения всяких вечеринок и артистических мастерских, а вот третий так углубился в научные изыскания, что до сих пор его оттуда вытащить не могу и объяснить, что жизнь прекрасна. Мне иногда кажется, что он так и считает, что у меня во лбу красная звезда горит, как на той фотографии в комсомольском билете, а разубедить его возможности нет: слишком занят.

Как-то раз я увидела афишу лауреатов Собиновского фестиваля, проведившегося в Саратовском оперном театре, по ошибке присланную мне на электронную почту обычной интернет-ссылкой. Из любопытства я решила посмотреть. Среди нескольких фотографий исполнителей, ничем меня не заинтересовавших, я обратила внимание на фотографию молодого мужчины: знакомый упрямый взгляд серых глаз исподлобья напомнил мне маленького Антона. Неожиданный привет из прошлого, а может быть, из будущего? Или же просто случайное совпадение?

ПАРК «ЛИПКИ»

Саратов – чудесный город. Он нравился мне задолго до того, как я впервые в нём побывала. Я думаю, что любовь к городам приходит к нам от других, не обязательно близких, но звучащих с нами в одной тональности людей. Любовь к Саратову досталась мне от питерской бабушки.

– В пятнадцатом году, – говорила она мне, имея в виду 1915-й, – мы с гимназическим классом путешествовали на пароходе по Волге, и больше всего мне запомнился Саратов и парк «Липки».

Через год я заканчивала школу, мне нужно было решить, где учиться дальше. Человек я мягкий, конфликтов всячески избегаю, но здесь, когда речь зашла о моём будущем, неожиданно упёрлась:

– Поеду в Саратов!

– Почему, – спрашивали меня родители каждый вечер, – почему Саратов? Разве в Москве мало институтов?

– В Саратове есть хороший истфак, – упиралась я.

– Ну, так МГУ ближе, – парировали они.

– Там парк «Липки», – добавляла я свой последний аргумент.

И так из вечера в вечер месяца три. В конце концов родители сдались, то ли рассчитывая, что я не поступлю – конкурсы были очень большие, то ли считая, что больше года на съёмной квартире не выдержу, а там уж меня и в МГУ переведут.

Брат привёз меня в Саратов, снял комнату, отнёс документы в университет, нашёл тренера по лёгкой атлетике, чтобы я при деле и под присмотром была, и уехал. А я осталась сдавать экзамены.

Июль не лучший месяц для поволжских городов. Жара стоит страшная, трава горит. Из степи ветер приносит пыль. Ночью от духоты спать невозможно, все окна и двери открыты. Постель выносят прямо на открытые балконы или стелют на полу в комнатах, где хоть как-то продувает. Все, кто может, уезжают на Волгу, на острова. Студентов нет, а без них город становится слишком тихим и унылым. В жару есть совсем не хочется, правда, на каждом дорожном перекрёстке бочки с холодным квасом стоят. Вот этим квасом с бубликами за пять копеек я и поддерживала свои силы. Да ещё вишней, столько вишни я никогда больше не видела – сладкая, сочная. С тех пор у меня, наверное, идея фикс и появилась: в собственном саду вишни развести, вот уже двадцать лет сажаю, целую аллею высадила, а ягод и дроздам не хватает.

А тогда я всё как-то к городу примериться не могла, не совпадал он со мной.

На вокзальной площади – памятник Дзержинскому в короткой кацавейке. Я-то привыкла, что на Лубянке монумент «железному Феликсу», а здесь что – реплика? А вокруг памятника всё какие-то женщины неопрятные кучкуются. Спрашиваю у знакомых – говорят: не ходи, там одни «синеглазки».

– Почему «синеглазки»? – интересуюсь я. – Что ж, с другими глазами нельзя там ходить? (Имея в виду, что у меня карие.)

– Нет, – отвечают, – не глаза у них синие, а синяки вокруг глаз от пьянки и потасовок.

Жалко мне их было, иду обычно мимо и смотрю, есть у них синяки или нет. А почему они возле Дзержинского место облюбовали и куда местные органы смотрели, до сих пор не пойму.

В картинную галерею имени Радищева даже очереди не было, а музей того стоит. Так что для студентов вопрос решался сам собой – духовная пища была доступнее материальной. Первое латинское выражение, которое мне пришлось зубрить в университете, говорило само за себя: *Plenus venter non studet libenter* (сытое брюхо к ученью глухо) – наверное, вечная это была проблема для студентов.

В первые дни в городе я постоянно терялась, никак не могла сориентироваться, хотя в центре и улиц не так много, и пересекаются они под прямым углом, и все в конце концов к Волге спускаются. Ан нет, куда ни пойду – обязательно заблужусь, словно кто мает. Начинаю спрашивать, как пройти,

и всякий раз на москвичей натыкаюсь – кто к родным приехал в гости, кто в командировке. И все как один начинают меня отговаривать:

– Ты с ума сошла, как тебя родители отпустили, нечего здесь делать, уезжай...

И так далее, и тому подобное.

«Что ж, – думаю, – может, и правда здесь жить нельзя, надо хоть в «Липки» сходить, будет что бабушке рассказать».

В «Липки» так в «Липки». Села на второй троллейбус у вокзала, сошла на последней остановке – вот и «Липки». Старая чугунная ограда, надпись над воротами, чтобы ни с чем не спутать, да и как спутать – за забором одни липы. Пошла по окружной аллее. Ничего особенного: асфальтовая дорожка, скамеечки... Видела и поинтересней – одни пригороды Ленинграда чего стоят! Но ведь моя питерская бабушка много чего видела, а вот семьдесят лет парк этот вспоминает. Прикинула в уме: ей тогда примерно как мне было – лет шестнадцать-семнадцать.

Парк небольшой, уютный, спокойно в нём, как дома, людей почти нет, изредка мамаша с ребёнком или кто книжку на скамейке читает. Вдруг вижу: дед на лавке сидит, а перед ним доска шахматная и фигуры уже расставлены. Посмотрела по сторонам: за деревьями павильон с надписью: «Шахматный клуб». Дед увидел, что я замешкалась, и говорит:

– Сыграем?

Я его спрашиваю:

– Как это – сыграем?

– На деньги, – отвечает.

– У меня денег нет, – говорю.

Он посмотрел вдоль дорожки вправо, влево – нет ли более достойного противника, и, никого не найдя, предложил:

– Тогда на интерес.

Мы сыграли партию. Думаю, что играла я посредственно. Играть в шахматы меня папа научил, с братом иногда играла, смотрела, как они между собой сражаются, да и сама иногда от нечего делать партии разыгрывала. Правда, мне больше немецкие костяные фигуры наших шахмат нравились: пешки в виде средневековых пикейщиков, кони, вставшие на дыбы с намерением сбросить всадников, офицеры с кинжалами под плащом, король в мантии со всеми атрибутами власти и королева в кринолинах. Такие фигуры передвигать одно удовольствие, и всякий раз новый спектакль и новая драма.

У деда на скамейке фигуры были обычные, на токарном станке выточенные, но плавные и приятные на ощупь, тёплые. Солнце, рассеянное старыми липами, висело над нами шатром, и оттого было по-домашнему спокойно.

Я, конечно, проиграла, но не без борьбы, и дед это оценил. Поскольку других предложений на партию ему ни от кого не поступило, мы сыграли ещё одну, потом третью. Я собралась уходить.

– Приходи, – сказал мне дед, – потренируемся, может, пригодится денег подзаработать.

Идя к выходу, я встретила несколько человек, играющих в шахматы. Они сидели, никуда не спеша и наслаждаясь покоем, летней ленью, возможностью абстрагироваться от повседневности. Такая неброская интеллигентность была во всём этом, понятная и приятная мне самой, что я как-то само собой почувствовала: из Саратова я не уеду.

Мои сокурсники, да и преподаватели, как я позже узнала, ходили время от времени в «Липки» поиграть в шахматы – кто время провести, кто на обед заработать или на кино.

После окончания университета я несколько раз возвращалась в город и всякий раз шла в парк пройтись по тенистым аллеям, вдохнуть душный запах цветущих лип и убедиться, что шахматный клуб существует. Даже в 90-е годы, когда, казалось, всё рухнуло и жизнь из библиотек перетекла на барахольные рынки, интеллигентного вида дядечки, невзирая на все перипетии времени, играли партию за партией, философски предполагая, что всё когда-нибудь вернётся на круги своя.

В 2010 году нас с мужем пригласили на конференцию, посвящённую юбилею Саратовского истфака. Несмотря на занятость и свойственную учёным инертность, муж с радостью согласился.

– Я давно уже хотел увидеть этот «русский Париж», – сказал он мне. – Честно говоря, я всегда тебе завидовал, что ты училась в таком чудесном городе.

Я не стала спорить, увидит – сам решит. Но, вопреки всем ожиданиям и на удивление моих повзрослевших и остепенившихся саратовских друзей, он так и остался при своём мнении: Саратов – «русский Париж». И это же говорил он мне, когда шли мы по улицам старого русского Харбина:

– Так похож на Саратов. И на Париж.

А тогда, на первых летних каникулах, я приехала к родственникам в Питер.

– Где ты учишься? – спросила меня двоюродная бабушка.

– В Саратове, – ответила я с полной уверенностью, что это известие её обрадует.

– Чудесный город! – сказала она несколько рассеянно. – Жаль, что не довелось побывать там.

– Как же так? – изумилась я. – Вы же в 1915 году плавали по Волге?

– Да, – произнесла она мечтательно, – летом пятнадцатого с гимназическим классом... Только вот в Саратове пароход не приставал, а жаль, я слышала, красивый город.

Сказать на это мне было нечего, моя судьба уже была связана с этим городом.

ЗНАЙ И ЛЮБИ

Знаете ли вы свой край? Скорее всего, нет. Не много найдётся истинных краеведов, изъездивших свой край вдоль и поперёк в поисках чего-то неизвестного, большая же часть людей довольствуется малым. Теперь и того проще: закачай в телефон Google или Yandex карты, если что понадобится, они маршрут сами выстроят, проложат его наилучшим образом – думать не надо, и никакой лишней информации. А ленивый, у которого нет желания выбираться из дома, может открыть в интернете сайт практически любого города и посмотреть, какие достопримечательности там есть и чем этот город хорош. Но даже при таких возможностях большинство людей живёт в замкнутом мире своих квартир, работы, дачи, нарушая эту ставшую уже привычной статичность не очень обременительным перелётом на море во время отпуска.

Возможно поэтому фраза: «Знай и люби свой край», взятая из какого-то советского учебника по краеведению для младших классов, вызывает у меня не вполне понятное томление, какое бывает у школьника, не выучившего урок. Но есть люди, реагирующие на неё как легавые на зов охотничьего рожка: готовы немедленно отправляться в путь, несмотря на дрянную пого-

ду или неблагоприятные жизненные обстоятельства. Они повторяют её раз за разом, изводя окружающих и ненавязчиво призывая их присоединиться к путешествию в неизведанную, пусть только ими, часть нашей вселенной. Чаще всего это какое-нибудь захоlustье, в просторечии именуемое «дырой» или, если хотите, «чёрной дырой», поскольку времени на её изучение вы потратите уйму, а польза лишь в том, что своё любопытство удовлетворите.

К таким людям принадлежал мой приятель Валька Сапира, который, садясь в такси, с тем чтобы ехать в очередную «чёрную дыру» Саратовской губернии, обращался ко мне с неизменной этой фразой: «Знай и люби свой край!»

Путешествовать с Валькой мне было удивительно легко, поскольку у него был дар перевоплощаться и выходить сухим из любой переделки. И хотя выглядел он абсолютно легкомысленным, но был человеком ответственным и даже основательным в том, что считал для себя важным, прежде всего, перед своими младшими братом и сестрой. Родился он в каком-то маленьком районном городке Саратовской области и имел массу знакомых на периферии. Валька видел жизнь иначе, чем я, но почему-то всегда хотел поделиться со мной этим своим знанием:

– Ты не видела жизнь, посмотри – вот она какая! Знай и люби! – Примерно так можно было объяснить его упрямое желание возить меня с собой по городам и весям.

Однако из всех мне запомнились две поездки, и обе они были связаны со свадьбами.

Помнится, была ранняя весна, снег сошёл, лишь местами лежали чёрные от сажи и машинного масла замшелые сугробы, но до зелени было ещё далеко. Унылый пейзаж, тянувшийся перед нами, не радовал разнообразием: поблёкшие за зиму дома, некрашенные заборы, повывезшие неизвестно откуда мусорные ящики и колченогие автобусные остановки, словно сами попавшие в дорожную аварию, перемежались с лишёнными листвы деревьями и редким серым кустарником, в котором невозможно было узнать роскошную персидскую сирень или чубушник. «Кому придёт в голову в такое прозаическое время устраивать свадьбу?» – недоумевала я, пребывая в полусонном, вялом состоянии мартовского авитаминоза. Собственно, ожидаемого мной города я так и не увидела, сам город мало чем отличался от пригорода или от центральной усадьбы колхоза, через которую мы проезжали, разве что надпись на серой железобетонной стеле: «Город Калинин» – сообщала, что мы всё же приехали. Предполагала же я, что попадём в «чёрную дыру», так оно и есть – полный out.

Такси остановилось перед домом Валькиной одноклассницы, и уже по тому, как украшена была калитка и как хлопала она, не запертая, своим единственным крылом на холодном мартовском ветру, было ясно, что здесь ждут гостей. Нас никто не встречал, все были охвачены предсвадебной суетой, а в центре представшей перед нами неразберихи находилась невеста в белом гипюровом платье в пол и уже с фатой – всё как положено. Вокруг невесты подружки суетятся, смеются, перешёптываются – жениха ждут, он вот-вот приедет с дружками невесту выкупать.

Я курс этнографии в университете слушала и все эти ритуальные приседания, что со свадьбой связаны, забыть ещё не успела.

«Вот, – думаю, – попала, это же одним днём не закончится!» А ночевать в чужом доме мне не хотелось.

Кто-то из подружек увидел в окно, что подъехала машина с женихом, и тут же поднялся шум, все кричат разом:

– Плотнее вставайте, за руки, за руки крепче держитесь: сейчас дружки жениха напролом пойдут! Невесту просто так не отдавайте, выкуп, выкуп побольше требуйте!

И меня, и Вальку в эту катавасию втянули, за руки держат – не вырвешься. А я-то думала в уголочке отсидеться, на всё это представление со стороны посмотреть как исследователь, но нет, в самое пекло попала.

Размышлять мне долго не пришлось. Ввалилась гурьба парней – молодцев красных, здоровущие все, глаза горят то ли от вина, то ли от азарта. Что им наша живая цепь, они и стальную руками порвут, мозгов-то нет! Ринулись на нас свиньёй, то есть клином. Всё, думаю, сейчас руки поломают, – я в центре этой цепи стояла, нас туда с Валькой хозяева поставили: гостей, понятно, не жалко, всё равно уедут, а свои останутся. То, что было дальше, не помню, потому как смели нас эти молодцы мгновенно, если бы не Сапира, лежать бы мне на больничной койке – он меня своим телом прикрыл, так что дружки жениха по нему прошлись, не по мне. Невесту, разумеется, из отчего дома тут же вызволили и в ЗАГС увезли, прежде чем мы что-либо сообразить смогли, а подружки остались впечатлениями обмениваться и травмы подсчитывать: кому пряником в глаз попали, кому локтем в нос или об угол ненароком ударили, а у Вальки на чёрном щегольском его пальто, в котором он на свадьбу приехал, так и остались отпечатки ботинок сорок четвёртого размера, должно быть, тех молодцев, что по нам прошлись.

– Давай домой поедем, – предложила я Вальке, как только на ноги встали. А он мне в ответ:

– Поедим и поедем, не голодными же возвращаться.

Ну, думаю, мало нам выкупа невесты, в котором мы уже поучаствовали, сейчас ещё свекровь в вывороченной медвежьей шубе появится.

Но нет, то ли мы опоздали на этот раз на представление, то ли по упрощённому сценарию всё развивалось, только встретились все уже в столовой, снятой под свадьбу. Столовая обычная, общепитовская, в стиле 70-х годов – алюминий и стекло, а потому холод собачий, пальто по доброй воле не снимешь, а тут свадьба, надо раздеваться. У гостей зуб на зуб не попадает. Столы гладкие, пластиком покрытые, сдвинуты буквой «Т», и стулья аналогичные. Сколько в таком помещении продержаться можно, прежде чем ангину получить, мне выяснять совсем не хотелось, но Валька куда-то исчез. Закуски на столах было выставлено не слишком много: колбаска варёная, сырок голландский, селёдка, пироги какие-то, но обещают горячее принести. Ну, это всё не главное, как я поняла, главное – это топливо, водка то есть. На свадьбе гуляли шофёры, значит, топливо для них – основное.

Села я с дальнего конца стола: человек я на свадьбе чужой, зачем внимание привлекать. Напротив девицы какие-то расположились, тоже стесняются уйти и остаться одновременно. Какой-никакой разговор завязался – не сидеть же молча на свадьбе, а между нами бутылка водки стоит, мешает, и никто с нашего края стола не пьёт. Я эту бутылку под стол поставила – пусть не мешает разговору. Через некоторое время распорядитель свадебный вдоль столов прошёлся посмотреть, у всех ли алкоголь в достатке, и, не обнаружив водки, поставил между нами новую бутылку. Он, должно быть, предположить не мог, что на пол можно непечатую бутылку отправить. А у нас уже беседа оживлённая идёт, какие-то общие интересы обнаружили, и я опять эту бутылку с глаз долой да под стол. Через полчаса третью бутылку распорядитель принёс и уже с нескрываемым уважением на нас посмотрел, мол, понимают толк в алкоголе, хоть и интеллигенты.

Третья туда же, под стол, последовала, и у меня в ногах уже целая батарея неоткупоренных бутылок скопилась. А пол бетонный, заденешь случайно – и всё разом побьёшь, вот тогда-то не простишь, это точно.

А распорядитель нам уже внимание особое стал оказывать, зауважал. Он сам под сильным хмельком был и другого сценария, кроме как выпить, не рассматривал. А я сижу в окружении непочатых водочных бутылок и не знаю, что делать, как из этого гостеприимного холодильника, названного свадебным кафе, живой выбраться. Спасибо, что Валька обо мне вспомнил и подошёл. Я к нему: поехали немедленно домой, не могу здесь больше мёрзнуть – и бутылку нечаянно ногой задела, та и звякнула.

– Что это у тебя под столом? – спрашивает Сапира, наклонился и с восторгом выдохнул: – Ну ты даёшь, не ожидал, что ты такая предприимчивая!

– Какая предприимчивая, с ума ты сошёл! – рычу на него я. – Я же от этих бутылок не знаю, как избавиться.

– Да ты что? – изумляется он громким шёпотом. – Я тебе помогу, давай-ка сюда свою сумку.

Я ему сумку протянула, она хоть и дамская, но вместительная, так что три бутылки водки туда легко поместились, четвёртую он в карман пальто засунул.

– Ну вот, теперь и домой, не зря съездили! – удовлетворённо подвёл итог нашему предприятию Валька.

Вызвали такси – и в Саратов. Из такси я вышла раньше его, ну и, конечно, сумку свою забрала, при таксисте неудобно было дележом бутылок заниматься. Так и пришла с этими бутылками к себе. Ленуля, моя приятельница и соседка по квартире, обомлела, как такую богатую добычу увидела.

– Зачем тебе столько? – спрашивает она. – Мы же не пьём...

– Пригодится, – отвечаю, – на компрессы. Трофейная, не отказываться же.

– Ну, как знаешь, да только водка стоять не будет, вот увидишь, без неприятностей не обойтись, – со знанием дела заверила меня Ленуля.

– Не за дверь же её выставлять теперь, пусть в холодильнике постоит, больше прятать всё равно некуда, у нас даже шкафа нет, – ответила я на её разумные предостережения и поставила три прозрачные и на вид совершенно безобидные бутылки с надписью «Водка Русская» синими буквами по белой этикетке в наш вместительный, но по-студенчески пустой холодильник.

Через пару дней Валька Сапира забежал и забрал одну из бутылок.

– Так, пожалуй, справедливо будет, – заверил меня он, – теперь вот все блага поровну.

Ещё одну Ленуля в какую-то компанию взяла на праздник. А на последнюю наши знакомые потом до лета облизывались. Откроют холодильник, чтобы по странной саратовской привычке оценить его содержимое, а там пустота, и только водка трофейная стоит, словно вызов своей неприступностью всякому открывшему без разрешения холодильник бросает: слабо выпить?! Нашлись, конечно, те, которые на этот вызов откликнулись с большим удовольствием и доказали, что не слабо советскому студенту пол-литра одолеть без закуски в июньскую жару. Вот тогда я и поняла, что не надо со свадьбы ничего брать, если под венец ещё не торопишься, а лучше даже и не ходить на чужие свадьбы вовсе: опасно это развлечение для здоровья.

Другой раз мы с Сапиро уже на свадьбу моего однокурсника поехали в Аткарск. Городок небольшой, через него московский поезд на Саратов проходит, и я, всякий раз проезжая, думала, что можно здесь сойти и остаться жить тихо и спокойно. Вот случай и представился посмотреть, что это такое – жить в Аткарске. Валька в очередной раз подбил меня съез-

дить – «знай и люби!» Город как город, в меру пыльный, в меру скучный. В городах, где нет студентов, а люди либо на работе, либо дома, но все при деле, скука, на мой взгляд, безмерная.

Мой однокурсник Димка Качалов мне всегда нравился своим умением вовремя пошутить с некоторым даже деликатным сарказмом, который не ранил моего обострённого самолюбия. Знали мы друг друга уже пять неполных лет, можно сказать, с детства, если шестнадцать-семнадцать лет можно ещё отнести к детству, но, как выяснилось, не столько интересовались друг другом, сколько, как и все молодые люди, самовыражались. Поэтому, когда мне сказали, что он женится на девушке с биофака, я очень удивилась, казалось, что браки должны совершаться внутри факультета, как некое единого братства, которым все мы тогда, по моим представлениям, были тесно связаны. Но ещё более неожиданным было для меня узнать, что его избранница калмычка. «Что ж, на калмыцкой свадьбе побывать – всё равно как в этнографическую экспедицию съездить», – решила я и согласилась поехать с Валькой.

Это не была в полной мере традиционная калмыцкая свадьба, поскольку проходила она в России, да и жених был русский, но тем не менее какие-то элементы традиции мы увидели. Жаль, что на лошадях никто не скакал и в джигитовке не соревновался, но барашки за невестой числились – её родственники отарой таких барашков владели, состоятельные, значит. Подарки новобрачным были разложены по разным лавкам и стульям, поставленным вдоль стен. Хотя свадьба проходила в городском кафе и гости были самые разные, но большей частью родственники с двух сторон, каждый подарки эти мог подойти и рассмотреть. Для тех, кто стеснялся, вроде нас, дядя невесты список приданого, заранее составленный, зачитал и, важно пройдя вдоль стульев, показал подушки, одеяла, перину, посуду, и так далее и тому подобное. Все эти подарки казались нам проявлением мещанства, жили мы тогда налегке, не имея своего обустроенного быта, и над Димкой, конечно, посмеивались. Поразила нас только кожаная плётка, сплетённая из красных и жёлтых ремней – то ли лошадь подстёгивать, которой не было, то ли жену учить, непонятно. Да только избранница его была неробкого десятка, да и на вид покрепче Димки.

Невеста в белом платье универсального покроя – то, которое не только на свадьбу, но и на праздник одеть можно, как говорится, «и в пир, и в мир», а на голове платок, что-то вроде нашей фаты. По калмыцкой традиции невеста его должна до ветхости износить и всегда беречь: платок этот – символ её счастливого и долгого супружества. Этим платком ей глаза должны были завязать, чтобы невеста дорогу в родительский дом потом отыскать не могла и не убежала от мужа. У нашей невесты, думаю, с этим проблем не было, вряд ли она очень хотела к родителям вернуться. Аткарск хоть и не столица, но районный центр, и комфорта, конечно, побольше, чем в калмыцкой степи.

Угощение на свадьбе было сытное, всё больше мясо, так что мы наелись на неделю вперёд. В Саратове с мясом не то что перебои были, а его лет десять в магазины не завозили, да и мясные магазины ликвидировали, осталась только один – «Колбасы», где время от времени длиннющая очередь выстраивалась из советских гурманов, тех, кто ещё помнил вкус настоящей «Любительской» колбасы. Мы с Валькой ждали, когда наконец чай калмыцкий подадут – по правилам невеста должна была этот чай сама заваривать и гостей угощать. Но все пили только самогон. Я эту мутную жидкость с запахом сивушных масел пить отказалась и выслушала массу порицаний на свой счёт со всех сторон.

– Натуральный продукт! Хоть попробуй, это не водка, горит даже, – так примерно звучал основной аргумент в пользу потребления самогона.

Невесту звали Сарула, что в переводе с калмыцкого означало Луна, она и была лунолика и округла, но крепка телом, и по всему было видно, что Димкой она будет управлять как норовистой лошадей, не скоро ему из этой уздечки вырваться. Имя её всех устроило, и нового русские родственники ей давать не стали, как того калмыцкая традиция требовала, и нас лишили удовольствия в этом поучаствовать. Не каждый день судьбу человека поменять можно, а имя и судьба тесно связаны, так что обычай был вполне разумный. Вот поменял бы Димка имя жены на какое-нибудь привычное – Лена или Марина, и не расстались бы через пять лет из-за взаимного непонимания. От того, кто тебя нарёк, уйти нельзя, он для тебя почти что Бог.

Можно сказать, свадьба как свадьба, хоть и калмыцкая: не подрались, одежду не порвали, на своих ногах все разошлись – значит, всё сложилось удачно.

Димкина свадьба первой ласточкой была, к концу пятого курса только ленивый, вроде меня, не женился, все другие спешили судьбу как-то устроить: страшно было в одиночку во взрослую жизнь выходить, хотелось близкого человека рядом иметь, а кто ближе сокурсников – пять лет вместе с утра до вечера, почти сроднились.

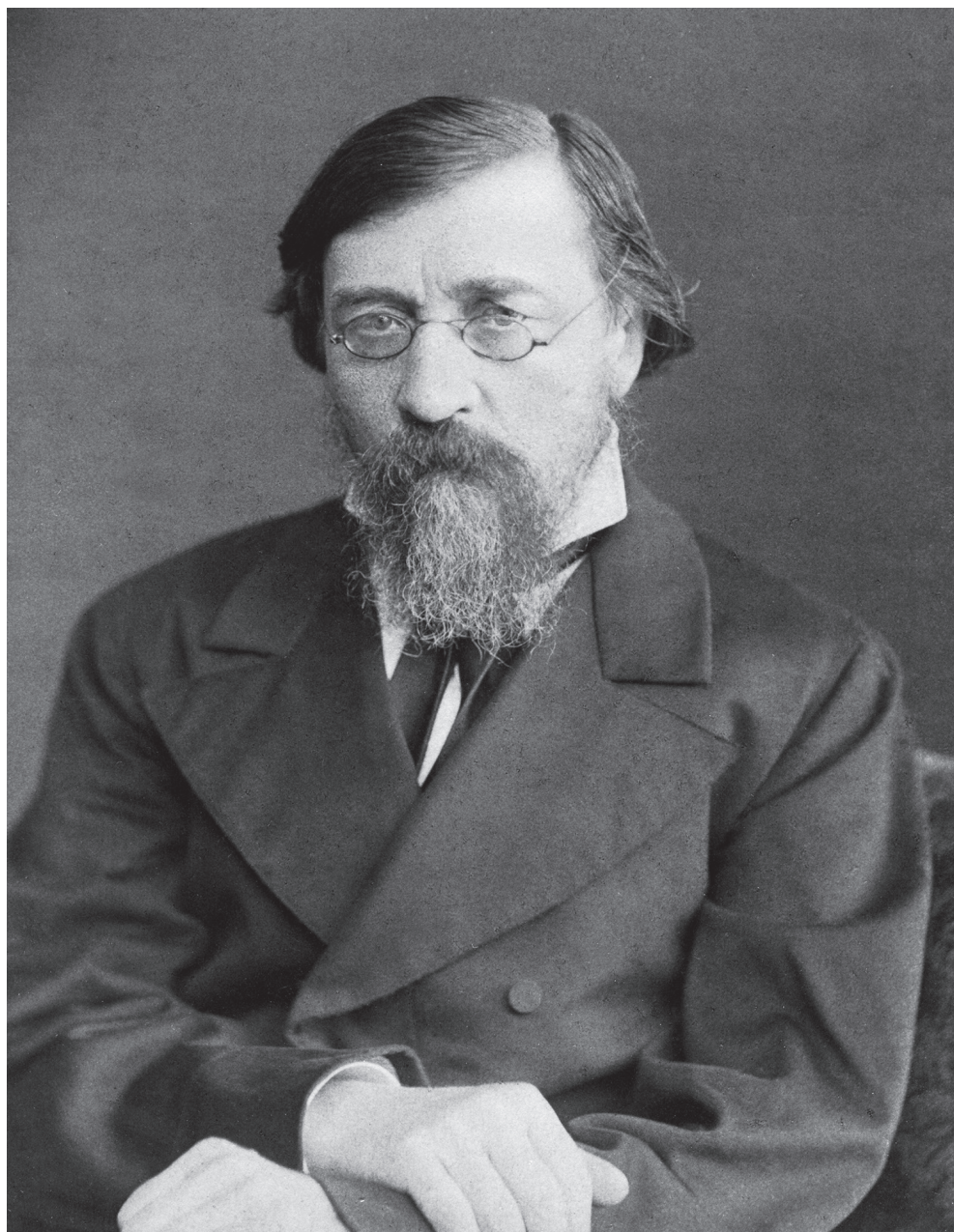
Не так много я по Саратовской области поездила, но городов пятнадцать, наверное, видела, так что край этот, пусть и не в полной мере, но узнала и приняла, если не полюбила. А принять что-то не так просто. Одна моя приятельница когда из Ростова в Саратов учиться приехала, так её всё раздражало, прежде всего то, как саратовцы слова нараспев тянут, сама-то она пулемётом строчила. «Пока, – говорит, – саратовцы на мой вопрос, как и куда пройти, ответят, я уже сама всё пойму и почти до места доберусь. Никогда к этой медлительности не привыкну...» Так и уехала через полгода обратно в Ростов. Но по ней никто особенно не печалился.

Теперь очень модным стало фразу «Знай и люби свой край» для всякого рода детских олимпиад и викторин использовать, а Интернет так ими просто пестрит. Я из любопытства прошлась по сайтам. Однако вопросы, которые в них предлагаются из истории, ботаники или географии, не оригинальны, часто повторяются, и никакой в них неожиданности нет. А вот спроси участников, в каком районном центре той же Саратовской области стоит девятиэтажка и люди в ней живут как во всяком доме, но за водой вниз к колонке ходят, а потом пешком на девятый этаж с ведрами поднимаются, потому как ни водопровод, ни лифт там не работают. Городская водонапорная башня маломощная и едва-едва до второго этажа воду поднять может. Трудно такое отгадать, не зная хорошо своего края, но можно предложить подсказку: между жильцами дома своего рода ежедневное соревнование – бег до общественной уборной, что перед домом добрым градоначальником была выстроена, дом девятиэтажный, а количество посадочных мест ограничено. Думаете, правильный ответ будет: город Глупов? Нет, не угадали, это город Е-ов. И невероятную историю эту рассказывал мне человек, который в том фантазмагорическом доме в восьмидесятые годы жил.

Так что знать свой край, конечно, надо, знание может уберечь от неприятных неожиданностей, а вот любовь – это уже категория более высокого уровня, можно сказать, философская.

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Н.Г. Чернышевский. Фото 1888 г.

**Галина
МУРЕНИНА**

САРАТОВ ДАЛ РОССИИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО...

Саратов дал России Чернышевского. Город вошёл в биографию Николая Гавриловича во времена его детства и юности, мужания и творческих планов, здесь прошли последние месяцы его жизни.

По своему происхождению Николай Гаврилович был типичным разночинцем. *«Наше семейство не принадлежало даже к среднему кругу губернского почёта и блеска»,* – вспоминал Чернышевский. И ещё: *«Я прожил в семействе до 18 лет, потом два с половиной года, бывши учителем в Саратовской гимназии, потом два раза приезжал на месяц, на полтора к батюшке...»*

Как явствует из автобиографического высказывания, писатель-демократ прожил в Саратове более 20 лет: застенчивый, любопытный мальчик, не по годам развитый семинарист, поражающий всех своими познаниями; старший преподаватель словесности, допускающий на уроках «вольнодумство и вольтерьянство»; литератор, властитель дум передовой молодёжи, по словам В. Г. Короленко, посетившего Чернышевского в Саратове в последний год жизни, остался *«по-прежнему крайним рационалистом по приёмам мысли, экономистом по её основаниям».*

Саратовская действительность занимает большое место в биографии и литературном творчестве Николая Гавриловича. В годы его юности (1830–1940-е) Саратов уже был большим губернским городом. С одной стороны его граница доходила до Ильинской площади, а с другой – почти до Астраханской дороги. Деревянными домишками застраивалась и горная часть за Глебучевым оврагом.

Фамилия Чернышевских появилась в Саратове ровно двести лет назад. В мае 1818 года члены Пензенской духовной консистории слушали прошение вдовы *«города Саратова умершего протоиерея Григория Голубева Пелагеи Ивановой в объявлении студентам, не пожелает ли кто из них поступить на место её мужа с взятием её дочери»,* и резолюцией епископа: *«объявить поэзии учителю»,* т. е. Г. И. Чернышевскому. Невесте шёл всего пятнадцатый год, но юный возраст не мог служить препятствием

● Галина Платоновна Муренина – директор музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов России.

к браку. 7 июня 1818 года состоялось венчание молодых, а 24 июня совершенно рукоположение Г.И. Чернышевского *«во иереи у Сергия»*. Новый священник пришёлся ко двору не только Пелагее Ивановне Голубевой, но и губернатору Панчулидзеву, присутствовавшему на свадебном обеде, что было знаком особого начальственного благоволения.

Губернаторское внимание было залогом будущих успехов по службе. И действительно, через 10 лет Г.И. Чернышевский имел богатый послужной список всех иерархических должностей священнослужителя, пополнившийся в 1928 году ещё двумя записями: *«Мая 21... определён саратовским благочинным»*, 30 декабря *«назначен членом консистории»* – высшего епархиального органа власти.

Но самым значительным событием этого года было рождение сына. В молитвеннике появились строки: *«1828 года июля 12 дня поутру в 9-м часу родился сын Николай. – Крещён поутру 13-го перед обеднею»*. Родился долгожданный продолжатель рода Чернышевских, наследник, как думалось отцу Гавриилу, его дела.

Но жизнь распорядилась по-своему. Николай получил светское образование, окончил Петербургский университет, по желанию родителей вернулся в Саратов, чтобы занять место старшего учителя словесности в Саратовской гимназии. По воспоминаниям современников, *«это была свежая молодая натура, полная сил и энергии, обладавшая огромными специальными и энциклопедическими знаниями... В то недолгое время, которое учитель пробыл в гимназии, глубоко потрясена им старая система воспитания... Всё изменилось на время под влиянием этого умного, гуманного человека»*.

Здесь, в Саратове, вращаясь в кругу молодёжи, бывая на вечеринках, прогулках, Николай Гаврилович познакомился с Ольгой Сократовной, старшей дочерью известного саратовского врача Сократа Евгеньевича Васильева. 29 апреля 1855 года состоялась их свадьба. Судьба послала Чернышевским 9 лет счастливой семейной жизни. 21 год Петропавловской тюрьмы, сибирской каторги и 6 лет надзорной ссылки в Астрахани стали их общим уделом.

В Саратов Чернышевский вернулся только в 1889-м году. Он намеревался жить, работать, публиковаться, но судьба вновь распорядилась по-своему. 17 (29) октября 1889 года Н.Г. Чернышевского не стало. Похороны его превратились в многолюдную демонстрацию, похоронили его на Воскресенском кладбище в родовом склепе с отцом и матерью.

В 1939 году на могиле Чернышевского сооружён монументальный памятник-арка по проекту скульптора П.Ф. Дундука и архитектора М.В. Крестина. Внутри арки на белой надгробной плите выбиты слова: *«Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность её»*. В Саратове на площади, носящей имя Чернышевского, стоит бронзовая фигура писателя-демократа. Он словно бы навечно вернулся в родной город на Волге, символизируя связь времён.

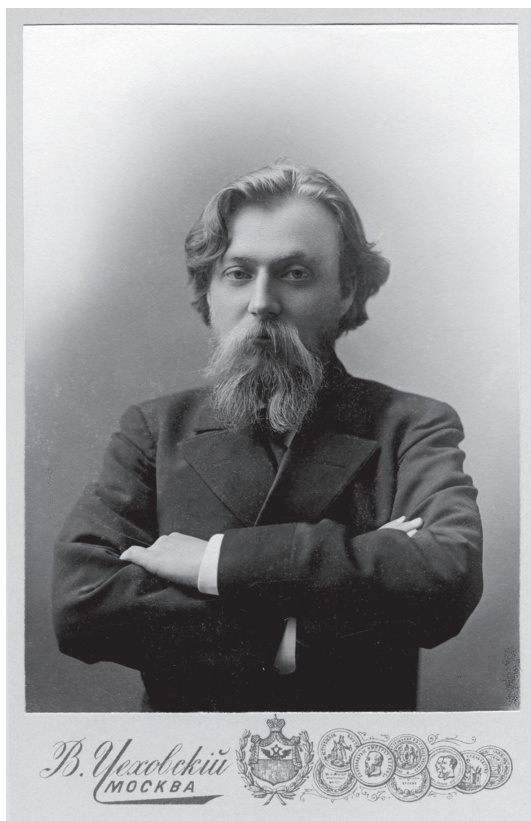
Саратов дал России Чернышевского. И город бережно хранит память о своём великом сыне.

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

**Елена
СТЕПАНОВА**

ОН БЫЛ СЕКРЕТАРЁМ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО...

К.М. Фёдоров

одну из первых биографий писателя «Жизнь русских великих людей. Н. Г. Чернышевский».

В 1886 году двадцатилетним юношей он пришёл к Н. Г. Чернышевскому, который в тот период занимался переводом много-

В родительском доме страстный книголюб Николенька Чернышевский с увлечением читал знаменитое «Путешествие вокруг света» Ж. С. С. Дюмон-Дюрвиля, рассматривал карты с маршрутами великих путешественников Магеллана, Тасманы, Энсона, терпевших лишения, разлуку с родными и близкими людьми, оторванность от цивилизации. Тогда он не мог знать, что спустя годы таким же «путешественником» станет он сам, что карту его сибирского маршрута на каторге и ссылке с волнением будут рассматривать посетители литературной экспозиции «Отечества достойный сын» музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского в Саратове.

Имя Константина Михайловича Фёдорова (1866–1947) прочно вписано в ближний круг Чернышевского и его семьи. Он был помощником и литературным секретарём «великого демократа» в Астрахани и в Саратове (1886–1889), в 1904 году написал

-
- Елена Валерьевна Степанова – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

томной веберовской «Всеобщей истории» и подыскивал себе литературного секретаря. Константин активно включился в работу и вскоре стал своим человеком в семье Чернышевских. Интенсивные занятия по переводу требовали продолжительных встреч, часто оканчивались к ночи, поэтому вскоре Николай Гаврилович предложил Костеньке – так ласково называли его Чернышевские – переехать к нему на квартиру. Высокую работоспособность Фёдорова ярко характеризует шутовское прозвище Пишущая машинка, которое дал ему Николай Гаврилович. За день трудолюбивый юноша успевал записывать до шестидесяти страниц печатного текста.

В 1889 году Чернышевскому разрешили переехать в Саратов. За ним последовал и его секретарь. Именно Фёдорову принадлежат карандашные рисунки «Кабинет Н.Г. Чернышевского», «Надгробный памятник Чернышевскому» и другие.

Сила личности Николая Гавриловича оказала неизгладимое воздействие на жизнь Фёдорова и во многом определила его профессиональный путь.

В годы Великой Отечественной войны Константин Михайлович эвакуируется в Саратов, работает учёным секретарём дома-музея Н.Г. Чернышевского, разрабатывает уникальные исторические карты, освещающие отдельные периоды биографии Николая Гавриловича: «Чернышевский в Петербурге», «Распространение «Современника» в 1860 году», «Чернышевский в крепости, на каторге и ссылке», «Путь Чернышевского в каторжные работы», «Чернышевский в Сибири», «Возвращение Чернышевского из Сибири», «Чернышевский в Астрахани» и др.

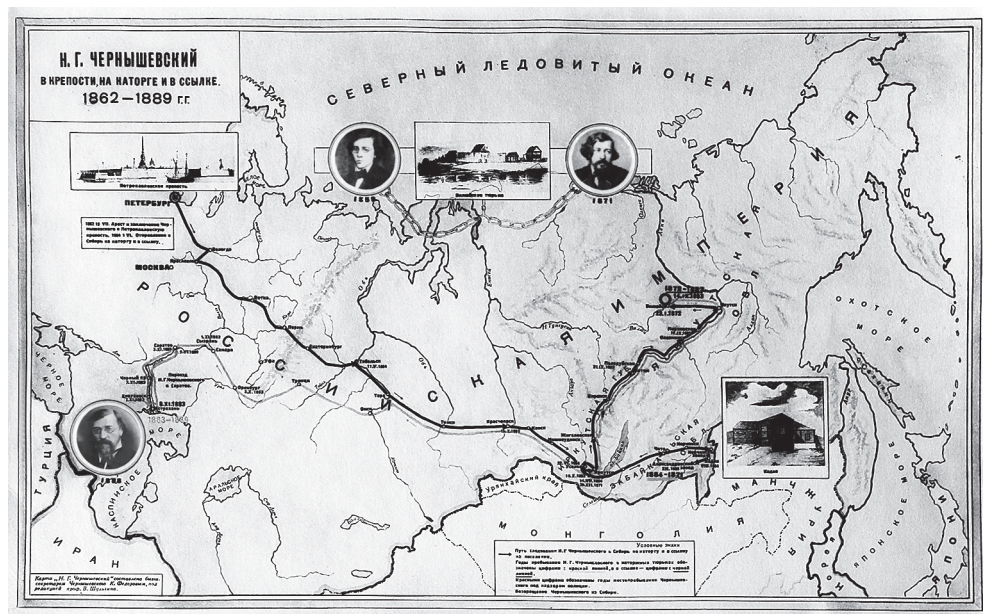

Карты Фёдорова – это первый опыт создания пространственного изображения отдельных этапов биографии Н. Г. Чернышевского. По сути, это способ осмысления исторических явлений и событий, связанных с жизнью писателя, а вместе с тем попытка осмысления масштаба личности самого Чернышевского, его жизнестойкости, крепости разума и духа. Большинству современников писателя было известно, что в приговоре местом его пожизненного пребывания оглашалась Сибирь. Только родные и близкие знали по адресам редких писем, приходивших от Николая Гавриловича, о его действительном перемещении по бескрайним просторам Сибири в течение девятнадцати лет каторги и ссылки. С беспокойством они отслеживали по картам Российской империи продвижение Чернышевского в глубь страны, к границам Монголии и Маньчжурии, потом – его возвращение на юг страны – в Астрахань.

Трагизмом наполнены слова его двоюродного брата А. Н. Пыпина 1877 года: «*Чернышевский*» был сослан сначала на границу Монголии, потом в Вилюйск Якутской области (искать $63^{\circ}45'$ сев<ерной> широты и $139^{\circ}15'$ вост<очной> долготы). Он был, и есть оторван от семьи, от литературы, можно сказать, от всего света!..»

Карты К. М. Фёдорова дают подробное представление о конфигурации территории, её площади, границах. Однако их главная особенность – сочетание описания с изображением. Этот приём позволил автору достичь информативной и психологической высот, необходимых в музейной деятельности. Так, на карте «Н. Г. Чернышевский в крепости, на каторге и в ссылке» отмечены все населённые пункты, по которым следовал осуждённый. Изучение его эпистолярного наследия позволило Фёдорову в отдельных случаях указать точное время (число, месяц, год) пребывания в них Николая Гавриловича. Узловые географические точки – Петербург, Кадаёв, Вилюйск – дополнены изображениями Петропавловской крепости, вилюйской и кадаинской тюрем. Большой эмоциональный эффект создают фотографии писателя петербургского, сибирского и астраханского периодов жизни. Перед зрите-

лем развёртывается человеческая трагедия в лицах. Портрет Н. Г. Чернышевского 1859 года – полного сил, с открытым, вдохновлённым взглядом – аллегорически соединён кандалами с портретом 1871-го года, сделанным полицией в Иркутске, на котором постаревший Чернышевский философски погружён в себя. И астраханский портрет – последний прижизненный: уставший Н. Г. Чернышевский, в очках, гладко причёсанный, с бородой, тронутой проседью – здесь он почти старик после долгих лет испытаний.

Карты создавались при полном отсутствии технических средств. Бумага, тушь, кисти, клей и ножницы – при творческом подходе и деятельной мысли Фёдорова – творили чудеса. Нина Михайловна Чернышевская, директор музея своего великого деда в те годы, вспоминала: *«Приёмы работы у него были своеобразны. Маленькими острыми ножницами он вырезал по одной букве из книг и журналов... и, орудуя тихонько иголкой, зацеплял их, сажал на узкую фроклеенную полоску на карте. Таким образом у него получились надписи и подписи. Это была тончайшая, ювелирная работа, требовавшая огромного напряжения».*

Карты активно использовались в экспозиционной деятельности музея 1940-х годов. Некоторые создавались в плакатном варианте и дополнялись иллюстративным материалом, цитатами из воспоминаний свидетелей жизни Чернышевского в Сибири. В эти же годы с отдельных карт были сделаны типографские копии.

Традиции разработки маршрутов, связанных с биографией Н. Г. Чернышевского, продолжают в музее. В 2013 году сотрудники разработали несколько вариантов карт для пешеходной экскурсии «Прогулка с Чернышевским» по местам его пребывания в родном городе. В 2014 году эта экскурсия стала победителем IV фестиваля туристских ресурсов Приволжского федерального округа «Открой Поволжье» в номинации «Лучшая обзорная экскурсия Приволжского федерального округа».

Значимость художественно-исторических карт К. М. Фёдорова безусловна. Они акцентируют внимание на вопросах биографии Н. Г. Чернышевского, визуализируют её, дают возможность сделать конкретные исторические выводы. Вместе с тем, наряду с образовательной и просветительской функциями, при помощи карт удалось зафиксировать научные устремления чернышевсковедения и музееведения 1940-х годов.

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

**Светлана
КЛИМЕНКО**

«ЧЕТЫ МИНЕИ» В ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

журнальный вариант

Детство и отрочество Николая Гавриловича Чернышевского прошли в Саратове в 1830–1840-е годы. Обычно к этому времени относятся первые, наиболее яркие впечатления о мире, о человеческих отношениях, о нравственных ценностях. На формирование личности оказывает влияние достаточно много факторов, среди которых нельзя не выделить социальную среду, особенности духовного мира людей из ближайшего окружения Николая Гавриловича, специфику религиозности в семье священника, «живую мифологию» Саратова того времени и многое другое.

Старшие члены семьи Чернышевских были характерными представителями средних слоёв городского населения, живших «по образованному обычаю», имевших постоянный интерес к книге, к чтению. Отец Чернышевского, протоиерей Сергиевской (Нерукотворно-Спасской) церкви Саратова, получил основательное духовное образование, обладал, по его собственным словам, «довольно значительным собранием книг богословских, философских, исторических и других назидательных на языках русском, греческом, латинском, немецком и французском».¹ Реестр этой библиотеки, составленный Гавриилом Ивановичем Чернышевским, и другие документы свидетельствуют, что она насчитывала около 300 названий, многие издания были многотомными.

---

¹ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский: Научная биография. Саратов, 1978, Ч. I. – С. 44.

-
- Светлана Васильевна Клименко родилась в городе Яхроме Московской области. С 1965 года живёт в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Старший научный сотрудник экспозиционного отдела музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

Чтение юного Чернышевского было разнообразным. Интересны его воспоминания о раннем периоде чтения: *«Я сделался библиофагом, пожирателем книг, очень рано. В десять лет я уже знал о Фрейнггейми, и о Петабии, и о Гревии, и об учёной госпоже Дасиер; в 12 лет к моим ежедневным предметам рассмотрения прибавились люди в<роде> Корнелиуса а Лапиде, Буддея, Адама Зерникава (его я в особенности уважал)... Когда я не умел читать французских книг, я любил читать в тогдашних «Отечественных записках» переводы романов Жоржа Занда... Долго после я продолжал любить русские переводы Диккенса... Я знал чуть не все лирические пьесы Лермонтова. Я читал с восхищением «Монастырку» Погорельского».*² Современному читателю совсем не известны имена, перечисленные в первой части этой цитаты. Здесь названы архаичные авторы XVII века – филологи, философы, богословы. Из семи имён четыре принадлежат сфере богословских наук, в том числе и особо отмеченный Адам Зерникав. Разумеется, это не удивительно, если помнить о том, что Н. Г. Чернышевский был выходцем из духовного сословия. Но тем важнее проследить более подробно процесс становления, а затем преодоления им религиозных воззрений.

Приблизительно в двадцатилетнем возрасте Чернышевский придёт к атеизму и материализму, станет человеком радикальных, демократических убеждений, которым он потом уже не изменит. Но истоки многих его этических воззрений лежали в христианской этике. Какие это воззрения? Как они изменялись с развитием юноши «от ребячества к совершеннолетию» (I, 634)?

Эти и другие вопросы побуждают нас с большим вниманием обратиться к страницам биографии Николая Гавриловича, связанным с древнерусской, часто церковной книжностью.

Одно из самых ранних книжных впечатлений Н. Г. Чернышевского связано с «Четъи Минеями». В «Автобиографии» он писал: *«С незапамятных для меня времён на том шкапе, где на верхних полочках стояли чайные чашки, лежала огромная книга. Я был ещё юн и мал, чтобы рискнуть стащить посмотреть эту книгу (...) и дожидя я таким манером лет до 9, уже года два роюсь в книгах, доступных моим рукам, – а этой книги всё ещё не случилось узнать, что она за книга. Вот однажды зимою, вечером, бабушка, позевавши много и долго, вдруг напала на мысль: «Марья! (или «Федора!») Сними-ка вот большую книгу-то со шкапа да выбей пыль из неё». Марья (или Федора) исполнила всё, принесла выбитую книгу. «Давайте-ка, дети, читать, это «Четъ-Минея» (I, 635).* Далее Чернышевский рассказывает, что чтение было недолгим: *«...замерло через несколько недель... или месяцев, этого не умею припомнить, но только твёрдо помню, что на половине пятого числа месяца, которым начинался трёхмесячный том»* (там же). Из прочитанного запомнилось житие Филарета Милостивого, о котором бабушка потом упоминала некоторое время. Из этих упоминаний 35-летний Чернышевский уже ничего не мог воспроизвести, но хорошо помнил *«те рассказы из «Четъ-Минеи», которые... слышал в живом разговоре»: «Да, они вошли в память, и так прочно, что я до сих пор помню все их. Несколько раз я слышал отрывочные... события из жития Евстафия Плакиды»* (I, 637). Писатель передаёт эти разговоры, объединяя их в связный рассказ о Плакиде, который потерял поочерёдно *«всех людей, ему милых»* – жену и двоих маленьких сыновей; провёл много лет в пустыне, а вернувшись

² Чернышевский Н. Г. Полн. Собр. соч.: В 15 томах. Т. 1 – С. 632–634. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой.

в город, чудесным образом встретил жену и взрослых детей. *«Разумеется, Бог был так милостив к нему, его жене и детям, потому что все они были хорошие люди»*, – иронично заканчивает Чернышевский. Приводя в «Автобиографии» это воспоминание, он обращает внимание на отличие услышанных рассказов от подлинника, особенно в развязке, где *«всё специальное мотивирование событий, всё особенное, чем приведена развязка, оставлено без внимания; вы чувствуете, что и развязка не совсем верна: Евстафий и его жена становятся людьми, занимающими в свете положение ещё выше прежнего, и возобновляют светскую жизнь»*.

Жизнь была богаче и многозначней некоторых уложений христианской морали, узость которых она и обнаруживала. Это могло не осознаваться ребёнком, но то, что он слышал и наблюдал в детстве, впоследствии им было осмыслено и обобщено. В «Автобиографии» и в беллетристическом произведении «Повести в повести», где Чернышевский широко использовал автобиографический материал, приводится рассказ об одном из саратовских знакомых семьи в 1840-е годы. Перипетии его судьбы любопытным образом переключаются с сюжетом жития Филарета Милостивого, о котором вспоминал Чернышевский. Это *«история юродивого Антонюшки, или Антона Григорьяча»: «Антон Григорьяч был очень зажиточный, или и вовсе богатый мужик, трезвый, добрый, почтенный, очень дельный и деятельный хозяин, хороший семьянин. В тяжёлый для народа год – в первую холеру... он совершенно отдался влечению своего благородного и твёрдого характера: всячески помогал всем нуждающимся и страдающим в своём селе... Прохожие валились в холеру на дороге, Антон Григорьяч отыскивал их, ухаживал за ними. Он выставил по дороге столы с хлебом, щами... С заразою пришло и обнищание – он помогал обнищавшим. На это он израсходовал все свои излишки... Бросил хозяйство, сдал его жене, бросил жену и детей, тогда ещё малолетних, и пошёл бродить по саратовскому свету... В первое время моего детства он постоянно жил в Саратове... У него была нанята особая избушка; он поместил в ней одного, потом двух – бывало, кажется, и по три – неизлечимо больных и бесприютных бедняков, ухаживал за ними, как следует доброму человеку, взявшему на себя такую обязанность; отыскивал друзей больных и бедных, старался помогать им, пристраивать их по добрым людям и по богадельням, больницам»* (XII, 499). Занимался он и *«спасением душевным»*.

В этой истории есть почти буквальные совпадения с житием Филарета Милостивого, которое Чернышевский запомнил как *«единственно интересное из прочитанных»* (I, 635). Филарет Милостивый, сын богатого земледельца, отличался необыкновенной добротой и щедро делился своим имуществом с нуждающимися, он продолжал эту деятельность даже тогда, когда совсем разорился и обнищал. Он тоже действовал в ущерб своей семье – жене и сыновьям, и *«не было равного ему по доброте и милосердию»*.³ Правда, Антонюшка в подавании нравственной и материальной помощи применял, в отличие от святого, и недозволенные приёмы: наталкиваясь на равнодушие, он принимался за особое *«юродство»* – отправлял на извозчике больных к ничему не подозревающим хозяикам или, желая исправить нравы в женском монастыре, порезал как-то все перины и подушки и выпустил из них пух, так как, по его мнению, монахини должны вести суровую жизнь и спать на голых досках. Мемуарист замечает, что *«таких проделок он сочинял не очень*

³ Житие Филарета Милостивого. М., 1886. – С.34.

много, но и не мало» (XII, 500). Антонушке часто приходилось прятаться от полиции. Иногда ему в этом помогала, тайком от Гавриила Ивановича Чернышевского, Пелагея Ивановна, бабушка Николая Гавриловича. По мнению бабушки, Антон Григорьевич, «человек умный, добрый, отрёкся от всего для пользы ближних, неустоим в заботе о них; но какой же он учитель своим ближним? Он сам ничего не понимает, только сердце у него благородное, характер твёрдый, преданность своему делу огромная; за всё это нельзя не уважать его; но занимается он пустяками и делает вздор» (XII, 503).

Отмечая моменты фанатизма в саратовской действительности 1840-х годов, Чернышевский указывает на его редкость, нетипичность: *«Можно было бы, например, набрать длинную процессию фанатических действий, аскетов и аскеток, и вышло бы очень эффектно... Но всё это был бы пустой вздор. Фанатические мотивы иногда высовывались напоказ – но это было шарлатанство, под которым все мои старшие, вместе со всеми неглупыми людьми Саратова видели глупость, пошлость, тупость или злонамеренность; аскеты и аскетки были понимаемы моими старшими и всеми неглупыми людьми Саратова как люди играющие, дурачащиеся, забавляющиеся своими причудами, люди пустые или жалкие, глупые или дурные, – и всё это оставалось в жизни Саратова пустяками, и люди, занимающиеся этими пустяками, были предметом общего пожимания плечами и сострадательных или презрительных улыбок, – людьми очень мелкотравчатыми» (XII, 498). Этими словами Чернышевский предваряет рассказ о юродивом Антонушке, которого называет «настоящим, неподдельным, честным юродивым», человеком, «действительно замечательным и занимавшимся своей деятельностью серьёзно, с глубокой искренностью, с полным самопожертвованием» (там же). «...Бабушка была приятельницей Антона Григорьевича... Он смело искал у неё убежища от гонений». Но когда он вздумывал с нею молиться, молитва эта «никогда не бывала длинна», потому что простодушной Пелагее Ивановне «в десять минут молитвы мало ли чего припомнится: и о постройках в доме, и о том, что дрова с каждым годом дороже, и о том, что огурцы в нынешнем году были дешевле...» (XII, 502).*

И в жизни, и в книгах не мистические учения, не аскетические подвиги святых находили отклик в душе юного Чернышевского, а проповедь добра, гуманности, милосердия – тех качеств, которые были присущи членам его семьи. И даже юродивый Антонушка, находивший порой ласковый приём в доме Чернышевских, понимал, *«что эта ласковость происходит, во-первых, от уважения их к Пелагее Ивановне, их матери, во-вторых, от того, что все они вообще люди ласковые и добрые...» (I, 591). Тринадцатилетний Чернышевский, с увлечением читавший «Четы Миней», объясняет свой интерес к ним живостью изложения, фабульной занимательностью.*

Детские воспоминания о житиях святых невольно сопоставлялись с услышанными в детстве сведениями о подвижниках реальных, являвшихся современниками рассказчика. Так произошло с житием Филарета Милостивого и с житием Варвары Великомученицы.

Судьба святой Варвары с её самоотречением, жертвенностью, стойкостью, её жизнь и страдания издавна вдохновляла многих поэтов и художников. Она одна из самых популярных в России святых великомучениц; народные стихи и псалмы часто воспевают её, а её житие было любимым чтением в народе. Не случайно оно заинтересовало юного Чернышевского. Вероятно, в судьбе Варвары его подкупали не аскетически-религиозные мотивы, а жертвенность, трагизм её образа.

В «Повестях в повести» Чернышевский более подробно, чем в «Автобиографии», передаёт рассказ своей двоюродной бабушки Анны Ивановны Цыбулевской о её знакомой девушке, которую Чернышевский определяет как *«истинно человеческое лицо»* в истории Саратова начала XIX века. *«Я не видел сам эту девушку, – начинает автор. – Ее подвижничество кончилось в первые годы моего детства... Этой девушке было лет 25, может быть, 30, но едва ли, и она подвижничала уже давно. Высокого роста, крепкого сложения, видная собою, она только по страшной крепости здоровья могла несколько лет выносить такой подвиг. Круглый год, и зимой при 25 градусах мороза с ветром, она ходила босиком в длинной холицовой рубашке с непокрытой головой. Каждый день все три службы она стояла в нетопленных наших церквах на каменном полу, в иных церквах и на чугунном... Так она провела несколько лет»* (XII, 514–515).

Примечательно то, что, по словам мемуариста, эта девушка *«не была предметом особенного внимания; о ней очень мало говорили – не очень многие даже слыхивали о ней»* (I, 515). В семье Чернышевских тоже мало что знали об этом, *«с нею была знакома только Анна Ивановна и три-четыре раза припоминала о ней»* (I, 514). В этом суждении писателя чувствуется даже какая-то обида на недостаточное внимание к истинным трагедиям человеческой жизни.

Чернышевскому прочно запомнились живые примеры подвижничества, подвигов самопожертвования и милосердия, которые наблюдали он и его близкие в саратовской действительности. Хотя отношение к подвижникам было обыденным, лишённым патетики и ореола святости, свойственных жанру житий, наиболее искренние из этих людей вызывали у Чернышевского сочувствие, жалость, желание помочь – естественные движения души. Формированию представлений о жизни, писал Чернышевский, помогало это *«личное знакомство с обыденною жизнью массы, а значительная доля этого знакомства приобретена мною ещё в детстве»*. (I, 643).

Весьма многое из жизни среднего и низшего сословий русской провинции начала XIX века и достаточно подробно запомнилось Чернышевскому, автору обширных автобиографических заметок о детстве, воспоминаний о старине, о бабушкиных рассказах. Толчком для некоторых из этих колоритных воспоминаний послужила книга, оставившая яркий след в его душе.

Важно отметить общность жизненных и книжных впечатлений, приведённых Чернышевским в воспоминаниях, связанных с детским чтением «Четырёх Миней». Соприкосновение некоторых книжных впечатлений с судьбами реальных современников автора мемуаров делало чтение не только литературным занятием, помогало процессу освоения, постижения многих непростых явлений жизни и нравственных ценностей. Формированию демократического умонастроения немало способствовали люди, окружавшие Чернышевского в детстве. Об этом свидетельствует оценка, которую он им дал: *«Простой человеческий взгляд на каждый отдельный факт жизни господствовал в этой семье. Мои старшие были люди в здравом уме»* (I, 684); *«...и, вырасстая среди них, я привык видеть людей, поступающих, говорящих, думающих сообразно с действительною жизнью. Такой продолжительный, непрерывный, близкий пример в такое время, как детство... не мог не помогать очень много и много мне, когда пришла мне пора теоретически разбирать, что правда и что ложь, что добро и что зло»* (I, 680–681).

К 185-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЬГИ СОКРАТОВНЫ ЧЕРНЫШЕВСКОЙ

**Татьяна
КОНКИНА**

РАЗУМНЫЙ ЭГОИСТ, ИЛИ «ОЗАРЕНА ТОБОЮ ЖИЗНЬ МОЯ...»

*Николай Гаврилович
Чернышевский. Фото 1853 года*

«У меня есть... желание – фантастическое желание, – это может быть, – но глубокое, давно уже зародившееся и всё делающееся более и более сильным, – не желание даже, а глубокая потребность... Я хочу любить только одну во всю жизнь, я хочу, чтобы моё сердце не только после брака, но и раньше брака не принадлежало никому, кроме той, которая будет моей женой... Пусть у меня будет одна любовь. Второй я не хочу». Такие строки в период юношеского максимализма может написать чуть ли не каждый влюблённый. Написать и... забыть в вихре новых увлечений. Автором же этих размышлений был Николай Чернышевский. Эти строки были написаны в пору его студенчества на одной из многочисленных страниц дневника – свидетеля его духовных терзаний и устремлений. Не только написаны – они стали для него непреложной истиной, стержнем жизни.

Прошло совсем немного времени с момента появления этих строк, и он встретил ту, которая *«составит счастье его жизни»*, на которую он будет молиться, ради которой будет жить, творить, думать... Ту, без которой его жизнь была бы *«тусклой и бездейственной»*.

Какая она – избранница будущего кумира и властителя дум молодёжи шестидесятых, не побоявшаяся связать свою судьбу с Николаем Гавриловичем Чернышевским, предупредившим её о возможном бунте и его обязательном участии в нём, о вероятной каторге?

-
- Татьяна Степановна Конкина родилась в 1956 году во Франкфурте-на-Одере (Германия). В 1979 году окончила филологический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. С 1980 года работает в музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского, в настоящее время является хранителем фонда редкой книги.

Это – первая саратовская красавица, демократка, «Волга Саратовна» – как её называли в родном городе, Ольга Сократовна Васильева, дочь саратовского губернского врача, внучка героя Отечественной войны 1812 года генерала К. Казачковского, воспитанная в многодетной семье (кроме неё было ещё три сына и две дочери), в скромной обстановке, получившая домашнее образование.

О ней написано немало. Есть и такие сочинения, в которых вырисовывается малопривлекательный образ эмансипированной женщины: *«легкомысленна, окружена поклонниками и обожателями, имеет склонность к роскошной жизни»*. Для Чернышевского же она на всю жизнь осталась единственной любимой женщиной, которой он поклонялся.

Их знакомство произошло в Саратове зимой 1853 года. Природный ум, живость характера, находчивость в разговоре привлекали к ней. И очень скоро Чернышевский понял, что эта встреча – его судьба. Вот что он пишет в дневнике о своём новом знакомстве: *«А она, на самом деле, хороша! в самом деле, хороша! увлекательно хороша! Но ещё более мне нравились живость, бойкость, инициатива её характера и обращения. Не из неё надобно выпрашивать, она сама требует – это решительно необходимо при моём характере... У неё именно такой характер, какой нужен для моего счастья и радости. Это одна из главнейших причин, по которой я хочу иметь своею женою именно её»*. Эта запись была сделана на страницах дневника, который после встречи с Ольгой Сократовной получил новое название: *«Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет моё счастье»*.

«Вы мне нравитесь, потому что – я не говорю о том, хороши ли вы собою, об этом нечего говорить – я теперь могу видеть ваш ум. Я много о вас слышу такого, что заставляет меня смотреть на вас особыми глазами, и, кроме того, в вас есть то, чего нет почти ни у кого из наших девиц – такой образ мыслей, за который я не могу не любить».

Дневник сохранил самое сокровенное. Здесь Н. Г. Чернышевский излагал *«свой образ мыслей»*, который исходил из его характера, *«ожесточённого и недовольного ничем»*, что он видел *«кругом себя»*. Здесь он провозгласил эмансипацию, сделал женскую эмансипацию *«мерилом эмансипации всеобщей»*. Он страстно размышлял над судьбою России и своей собственной судьбой. На страницах дневника была осмыслена и выстроена цельная система будущих отношений с любимой женщиной. *«По моим понятиям, женщина занимает недостойное место в семействе. Меня возмущает всякое неравенство. Женщина должна быть равной мужчине. Но когда палка была долго искривлена на одну сторону, чтобы выпрямить её, долж-*

Ольга Сократовна Чернышевская.
Фото 1850-х годов

но много перегнуть её на другую сторону. Так и теперь: женщины ниже мужчин. Каждый порядочный человек обязан, по моим понятиям, ставить свою жену выше себя – этот временный перевес необходим для будущего равенства...»

В Саратове у Ольги Сократовны был альбом, от которого до нас дошло всего два листка. На одном из них – автограф Николая Чернышевского. Излагая свои взгляды на супружескую жизнь, он писал: *«Женщина должна быть равна с мужчиною. До сих пор этого не было. Женщина всегда была рабою. Жена должна быть равна мужу. До сих пор этого не было. Жена была просто служанкою мужа, только немного повыше других слуг. Все отношения между мужчиною и женщиною, между мужем и женою были потому гнусны. Обязанность каждого честного и порядочного человека – всеми силами души ненавидеть эти гнусные отношения и, сколько зависит от него, содействовать истреблению их».*

«Я ГОТОВ НА ВСЁ...»

Думая наедине с собой о своей будущей семейной жизни, главное, чему решил следовать Чернышевский, – это обеспечить свободу жене. *«Я готов на всё... Вы будете моею женой и будете совершенно свободны».* Предполагая полную свободу жены, он не считал вправе себя тоже чувствовать свободным: *«Я проповедник идей, но у меня такой характер, что я ими не воспользуюсь, да если бы в моём характере и была возможность пользоваться этой свободой, то, по моим понятиям, проповедник свободы не должен ею пользоваться, чтобы не показалось, что он проповедует её для собственных выгод».*

Планируя свою личную жизнь, Чернышевский всё-таки предполагал, что его жена, господствуя в семье, пользуясь любовью, уважением, преданностью мужа, а также полной свободой, не употребит её во вред: *«вертопрашничать она не будет»*, а станет изучать под его руководством *«энциклопедию цивилизации»* и помогать ему *«в работах».*

«А если в её жизни явится серьёзная страсть? Что ж, я буду покинут ею, но я буду рад за неё, если предметом этой страсти будет человек достойный. Это будет скорбью, но не оскорблением. А какую радость даст мне её возвращение!..» *«...Она будет вести себя так, как ей вздумается. Окружит себя в Петербурге самой блестящей молодёжью, какая только будет доступна ей по моему положению и по её знакомствам, и будет себе с ними любезничать, кокетничать; наконец, найдутся и такие люди, которые заставят её перейти границы простого кокетства. Сначала она будет остерегаться меня, не доверять мне, но потом, когда увидит мой характер, будет делать всё, не скрываясь. Сначала я сильно погорюю о том, что она любит не меня, потом привыкну к этому положению... буду жалеть только о том, что моя привязанность пропадает неоцененная, то есть зная её она будет, но будет считать её не следствием... моих убеждений о праве сердца быть всегда свободным, а следствием моей глупости, моей ослиной влюблённости...»*

Такие чувства Чернышевскому суждено было пережить не только в воображении. Страстные романтические отношения Ольги Сократовны и польского революционера И. Ф. Савицкого стали реальной проверкой теории разумного эгоизма Чернышевского... Он был убеждён, что счастлив счастьем любимой женщины, которая влюблена в другого...

Кому-то сегодня отношения супругов Чернышевских покажутся странными или даже неправдоподобными, кому-то – психологически невозможными... Но ведь понимание странного и нормального вырабатывает эпоха, господствующие в ней мировоззрение и нравы.

Это было в 60-е годы XIX века. В эпоху ломки цельного религиозного мировоззрения, когда рушились старые привычные устои общественной жизни и быта. Это было время надежд, предчувствий близкого всеобщего счастья. Люди 60-х годов, их лучшая мыслящая, читающая, активная часть, были одержимы идеей обновления жизни, всех её сторон. Им верилось, что совсем рядом светлое будущее, которое можно приблизить, если построить свою жизнь *«разумно»*. И *«разумно»* нужно построить прежде всего жизнь семейную, по причине того, что именно в ней упорнее всего гнездятся пережитки прошлого.

«Новые люди» были рационалистами, но в то же время они отличались особой духовностью, возвышенным идеализмом, который поднял земное, житейское, повседневное на высоту истинного благородства, великодушия, бескорыстия и щедрости души, что не может сегодня не вызывать у нас изумлённого восхищения. *«Никогда не любили так благородно, так бескорыстно, как в наше время. Никогда не любили так независимо от пошлостей, против которых ещё долго будет надобно бороться любви»*, – писал Николай Гаврилович¹.

А ЧТО ЗНАЧИТ ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА ПО ЧЕРНЫШЕВСКОМУ?

«Это значит радоваться тому, что хорошо для него, иметь удовольствие в том, чтобы делать всё, что нужно, чтобы ему было лучше...» – так рассуждают герои романа *«Что делать?»*, ставшего, как известно, евангелием целого поколения; так думает и сам автор, по этим принципам Чернышевский строил свою личную жизнь. Ему доставляло наибольшую радость счастье любимой женщины, поэтому он и стремился прежде всего к её счастью. Эта программа неукоснительно выполнялась, хотя избранница подвергла Чернышевского тяжёлым испытаниям.

Стиль поведения жены Чернышевского колоритно передан в дневниковой записи современника, известного историка И. Е. Забелина, посетившего их дом в Петербурге 22 января 1860 года: *«...жена его – милая особа, вроде цыганки, недурна собою, и супруги, кажется, до сих пор по уши влюблены друг в друга. После обеда она поила его кофе, перемешанным частыми поцелуями, села к нему на колени, обняла голову, давала по глотку кофе и по поцелую»*. Примерно в это время супруги Чернышевские, полковник генерального штаба, революционер И. Ф. Савицкий переживали отношения, аналогичные отношениям героев романа *«Что делать?»* – Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова..

9 лет семейного счастья подарила Чернышевскому судьба. Всё: и интенсивная литературная и политическая деятельность, и личная жизнь Чернышевского – оборвалось сразу и так жестоко, как никто не мог предвидеть. Это случилось 7 июля 1862 года. Арест, заточение в Петропавловской крепости, каторга и ссылка. Остались без отца совсем ещё маленькие сыновья.

¹ Чернышевский Н. Г. Роман и повести М. Авдеева. СПб., 1853.

Старшему, Александру, в момент ареста Николая Гавриловича было 8 лет, а младшему, Мише, – около 4 лет².

На двадцать долгих лет его сослали сначала в Сибирские рудники, потом – в Якутию, в Вилюйск. *«Это не город, не деревня в русском смысле слова. Это что-то такое мелкое и пустынное, чему аналогии в русской жизни вовсе нет»*, – писал жене Чернышевский о Вилюйске, узнав о её намерении переехать к нему на поселение.

20 лет семья Чернышевских подвергалась жесточайшей пытке разлукой. Всего один раз за это время состоялась встреча. В 1866 году на свидание в Нерчинские рудники ездили Ольга Сократовна и их младший сын Миша. Из этой поездки мальчик привёз драгоценный подарок отца: коробочку из-под лекарств с изображением красочного павлина. Мальчик сберёг её, когда, казалось, была близка гибель во время чудовищного шторма на Байкале, в который попал их корабль на обратном пути. Дома Миша написал на листочке бумаги: *«Папашина»*, положил его в коробочку и... начал собирать всё, что было связано с отцом, с памятью о нём. Повзрослев, он осознал, зачем это делает: *«Хочу создать в Саратове уголок, который бы дышал памятью о моём отце»*.

Никто из семьи и близких родственников Чернышевского не отрёкся от «государственного преступника», более того, его любили и боготворили, относясь к нему как к святому мученику, бережно хранили его письма, присланные с каторги и из ссылки. Люди, близкие ему, главным образом, его сын Михаил Николаевич, двоюродный брат Александр Николаевич Пыпин и его дочь Вера Александровна бережно сохранили и издали ценные документы, рисующие важные вехи его жизни: его дневник (с 1848 по 1853 гг.) и его переписку с родными (с 1865 по 1883 гг.). Если прибавить к этому воспоминания людей, сталкивавшихся с ним, главным образом за те годы, каких не захватывают ни дневник, ни переписка, то получается довольно полная картина личной жизни этого незаурядного человека.

Сегодня письма Чернышевского можем читать и мы, они опубликованы в полном собрании сочинений писателя. Письма удивительные... Сыновьям – порою целые научные трактаты учёного-энциклопедиста. В них видится стремление отца вооружить сыновей знаниями, передать им собственную жизненную мудрость, предостеречь от ошибок и заблуждений.

Письма, адресованные Ольге Сократовне, – воплощение любви, трогательной заботливости. Они дышат спокойствием, бодростью, даже весёлым настроением, что ни разу не изменило ему за все двадцать лет разлуки: он всячески старался скрыть от жены тяготы ссылки.

«Чем больше русская читающая публика будет знакомиться с этими письмами, тем больше станет расти её уважение к этому изумительному, благородному и непоколебимо твёрдому человеку», – писал Плеханов, один из первых биографов и исследователей творчества Чернышевского.

Оставшись наедине с собою, оторванный от любимой деятельности, по-прежнему, а может быть, даже больше прежнего, он сосредоточил все свои мысли на своей избранныце. Только её здоровье, её удобства, её развлечения заботили его. Он предлагает ей полнее использовать свою свободу, оставить его совсем, выйти замуж за другого. В письме, адресованном

² У Чернышевских, О.С. и Н.Г., было трое сыновей. Средний сын Виктор умер от скарлатины в 5-летнем возрасте летом 1861 года в Саратове.

Александр Николаевичу Пыпину³, Чернышевский вспоминал: «Несколько лет тому назад, при свидании за Байкалом я упрасивал Ольгу Сократовну выйти за кого-нибудь из благородных людей, не смевших, разумеется, и думать ни о чём подобном, но из которых каждый считал бы себя счастливейшим на свете человеком, если он услышал от неё то, что я просил её сказать кому-нибудь из них... Не мог я убедить её».

Если кто и страдает, то именно она и только она, и по его вине: он не сумел предвидеть, не сумел заранее оградить её от возможности каких бы то ни было лишений: «Прости меня, моя милая голубочка, за то, что я по непрактичности характера не умел приготовить тебе обеспеченного состояния. Я слишком беззаботно смотрел на это. Хотя и давно предполагал возможность такой перемены в моей собственной жизни, какая случилась, но не рассчитывал, что подобная перемена так надолго отнимет у меня возможность работать для тебя...»

«Милый мой друг, Радость моя, единственная любовь и мысль моя, Аялочка!.. Пишу в день свадьбы нашей. Милая Радость моя, благодарю Тебя за то, что озарена тобою жизнь моя... Много я сделал горя Тебе. Прости. Ты великодушная... В эти долгие годы не было, как и не будет никогда, ни одного часа, в который бы не давала мне силу мысль о Тебе». (Из сибирских писем Николая Гавриловича.)

Из тюрьмы Александровского завода 5 января 1870 года Чернышевский пишет: «Милый друг мой, Оленька! Я получил Твоё письмо от 8 октября; благодарю Тебя за него, моя Радость».

Я совершенно здоров, по своему хорошему обыкновению.

В середине лета придёт мне время переселиться отсюда, чтобы жить, как мне удобно. Вместе с этим будет мне можно зарабатывать деньги. Здоровье у меня крепкое, и достанет его очень надолго: ослабления умственной живости не замечаю в себе и надеюсь, что и в этом отношении до дряхлости мне ещё очень далеко. Поэтому думаю, что Ты будешь избавлена от неудобств, в которых виноват я тем, что не заботился прежде приобретать столько денег, чтобы оставался у тебя хороший запас их на бездоходное время.

...Не нахожу проведённого здесь времени потерянным. Переносить Тебе это время было неудобно. Но оно обратится в пользу Тебе, Ты верь, не верь, но увидишь, мой милый друг.

Ты говоришь в письме от 8 октября, что напрасно Ты писала мне иногда с горьким чувством; благодарю Тебя за то, что Ты так думаешь. Но всё, что Ты писала, по-Твоему, напрасно, очень естественно и, в сущности, справедливо. И возможно ли, при Твоём прямодушии, чтобы не случилось Тебе иногда сказать мне и что-нибудь неприятное? Как быть! Но мы с Тобой старинные приятели – пятнадцать лет нашей свадьбы когда я праздновал? – потрудись-ка сосчитать. Э, мой милый друг, если б у меня раздумье о Тебе было только то, не досадно ли иногда бывало Тебе на меня, это бы не очень важное для меня огорчение; а вот, я всё подумываю: денег я не собрал, запаса для Тебя и детей; это поважнее для меня, моя милая.

Но поправлю свою вину перед Тобой и перед детьми.

Только будь Ты здорова, вот это, мой друг, занимает меня больше всего. Пожалуйста, умоляю Тебя, береги своё здоровье. А оно у Тебя много

³ Александр Николаевич Пыпин, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского. После ареста Николая Гавриловича взял на себя заботу о семье Чернышевского. На протяжении всех лет тюрьмы, каторги и ссылки Н. Г. Чернышевского делал всё возможное для его освобождения.

зависит от настроения мыслей. Когда Ты не грустишь, Ты очень крепко-го здоровья. Старайся же развлекаться от своей скуки. Делай усилия над собой. Прошу Тебя об этом очень серьёзно; умоляю Тебя об этом.

Крепко обнимаю Тебя, моя милая Радость; как не было, так и нет у меня никакой другой заботы, кроме как о том, сносно ли живётся Тебе, мой друг; привык жить только для мыслей о Тебе; так и идут все только они одним рядом без перерыва, милый друг мой, старайся быть весёлой и здоровой...

Целую детей, благодарю Сашу за письмо. Целую твои руки, моя милая. Твой Н. Чернышевский».

Он лично всю жизнь был счастлив и счастлив исключительно благодаря ей. Это он не устаёт повторять ей из письма в письмо, из года в год.

«Умнее ли Тебя, лучше ли характером, чем Ты, которая-нибудь из женщин, которых Ты знавала, или теперь знаешь, суди как тебе угодно. Только помни, что любил я Тебя одну и что ни одна из всех других виденных мною женщин не могла бы быть любима мною, если бы я и никогда не видывал Тебя», — писал он жене 10 апреля 1883 года, через тридцать лет после свадьбы.

По возвращении из Сибири, в последние пять лет, до самой смерти он снова подчиняет личную жизнь вкусам, желаниям и требованиям жены. Он свято до последних дней выполнял свой обет, данный в юности. У Ольги Сократовны был альбом для стихов тёмно-лилового бархата с золотыми застёжками, подаренный ей Николаем Гавриловичем в первые дни их жизни в Петербурге, куда они переехали из Саратова вскоре после венчания. На первом листе этого альбома он написал: «Вам желает счастья человек, безгранично Вам преданный, желает оттого, что Вы достойны счастья». Именно от её счастья и только от её счастья всегда ждал он счастья для себя.

«Он был измучен, — пишет о нём Вера Александровна Пыпина, рассказывая о последних месяцах его жизни, — но чувство его к Ольге Сократовне было живо. Для неё он готов был отрываться от работы и исполнять мелкие поручения обыденности»⁴. Михаил Чернышевский, вспоминая об отношении отца к матери, писал: «Он любил её всю целиком, со всеми её достоинствами и недостатками, и её недостатки — в чужих глазах — по отношению к нему не производили на него страдательного действия».

Только однажды в жизни в письме, адресованном Некрасову, у Чернышевского вырвались слова, которые обнаруживают какую-то глубокую невысказанную боль души. Рассуждая о лирических стихах Некрасова, он писал: «Скажу даже, что лично для меня личные мои дела имеют более значения, нежели все мировые вопросы, не от мировых вопросов люди топяются, стреляются, делаются пьяницами — я испытал это и знаю, что поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли, — лично для меня первая привлекательнее последней». (Из письма Некрасову 5 ноября 1856 г.)

История человеческих чувств — это история восхождения ко всё большей человечности. У Чернышевского есть мысль, выраженная Волгиным, героем автобиографического романа «Пролог», которая может служить ключом ко всей жизни автора этого произведения: «Я могу, когда понадобится решиться на то, на что не все могут решиться, а, решившись, сделать для меня ничего не стоит!..» Так оно и было. Решился... и поднял планку человечности в отношениях между мужчиной и женщиной на рекордную высоту. Создал своеобразный эталон в решении вопросов семьи и любви и проверил

4 Пыпина В. А. Любовь в жизни Чернышевского. Петроград, 1923.

его собственной судьбой, судьбой человека, обладавшего не только гениальным умом, но и гениальным сердцем.

* * *

Среди мемориальных предметов, представленных сегодня в экспозициях Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского, можно увидеть и те, которые являются своеобразным отзвуком пережитых супругами Чернышевскими чувств.

Свадебные перчатки
Н. Г. и О. С. Чернышевских

Это чинаровая шкатулка – свадебный подарок Николая Гавриловича невесте, их подвенечные перчатки из тончайшей белой кожи, роскошный чёрный веер, привезённый в подарок жене, купленный в Париже, на пути в Лондон, куда Чернышевский ездил на встречу с Герценом в 1859 году.

Рядом с перчатками экспонируется исключительная библиографическая редкость, раритетное издание стихотворений Кольцова 1847 года. Такую книгу подарил Чернышевский любимой девушке и в своём дневнике записал: *«Это будет мой первый подарок ей и первый мой подарок женщине...»*

Книга любви чистой, как моя любовь, безграничной, как моя любовь; книга, в которой любовь – источник силы и деятельности».

Эта книга, как в фокусе, собрала в себе множество смыслов, таких важных для настоящего и будущего Чернышевского. Алексей Кольцов! Его стихи любит Ольга Сократовна и сам Николай Гаврилович.

В. Г. Белинский и Н. А. Некрасов... Трудно переоценить значимость их деятельности для Чернышевского. Издание было задумано Белинским, но из-за болезни Виссарион Григорьевич не смог довести дело до конца. Завершил его Н. А. Некрасов, в ту пору ещё мало кому известный, только что возглавивший журнал «Современник». «Современник» Некрасова станет для Чернышевского главным делом. А о редакторе журнала он однажды сказал: *«Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность её, но все мои заслуги перед нею – его заслуги».*

Предисловие к стихам Кольцова написал Белинский. Эта прижизненная публикация критика – одна из последних, в 1848 году его не станет. «Письмо к Гоголю», написанное незадолго до смерти, послужит причиной запрета имени Белинского на долгие годы. Для Чернышевского же, вопреки запретам, «неистовый Виссарион» будет эталоном и ориентиром в его профессиональной журналистской деятельности.

Невозможно не остановиться и не рассмотреть в витрине засушенные цветы. Своеобразный «букет из Виллюйска», присланный по веточке, по цветку в конвертах «голубочке Лялечке». Они пронзительно олицетворяют то щемящее чувство от невыносимо долгой разлуки, с которым супруги жили более двадцати лет.

Да, музейные предметы обладают магией, они воскрешают ушедшее, возвращают «остановленные мгновения»...

Юрий Шрадер

ИНТЕРВЬЮ

ЮРИЙ ШРАДЕР: «Я СЛУШАЮ СВОЁ СЕРДЦЕ»

Юрий Иванович Шрадер (Лошадкин) живёт в Гамбурге уже более четверти века. Актёр театра и кино, художник-постановщик, драматург. В 2016 году он отметил своё 60-летие. Совместно с заведующей литературной частью Симферопольского драматического театра им. А. М. Горького Людмилой Касьяненко они создали несколько сценариев, один из них по письмам О. Л. Книппер-Чеховой «Соло для одинокой струны» специально для заслуженной артистки Риммы Беляковой, профессора Саратовской консерватории. У Юрия Ивановича – масса кинематографических и театральных проектов, годы преподавательской деятельности, а кроме того – более 50 персональных выставок картин в Германии и Норвегии (хобби Юрия – живопись).

Анна МОРКОВИНА

А. М. Юрий, расскажите, пожалуйста, о своих корнях...

Ю. Ш. Я родился в Симферополе и с трёх лет воспитывался бабушкой и дедушкой, которого звали Алексей, он происходил из духовного сословия. После войны дедушка работал главным технологом на швейной фабрике. А потом воплотил в жизнь свою мечту: стал сапожником, и вся округа (а жили мы в центре) несла к нему обувь – кто каблук починить, кто набойки поставить. Дедушка брал со всех одинаково – по 30 копеек, и я помню, как бросали в банку эти монетки. Фамилия Лошадкин – казачья, предки отца были земляками Михаила Шолохова.

А. М. Откуда возникло ваше желание заниматься живописью, тоже из детства?

Ю. Ш. Да. Дедушка научил меня лепить из пластилина. Рисовать я тоже начал рано. У меня были лучшие тетрадки по биологии, где я изображал всё, что мы изучали.

Однако уже к старшим классам стало понятно, что я стану заниматься только театром...

А. М. А как вы попали в Саратов?

Ю. Ш. Конечно, про Саратов мы знали только, что это «глушь», как написал Грибоедов. Просто я не был уверен, что поступлю в Москве, и приехал сюда. Приехал, понятия не имея,

куда податься. Но нашёл театральное училище. Курс набирал Дмитрий Александрович Лядов. Я приехал, пришёл в училище, а там – никого. Я опоздал на два тура. Пришлось переночевать там же, на диванчике, а потом вахтёрша дала мне телефон Лядова. Я позвонил, мы встретились на Набережной Космонавтов, где он жил. Он пригласил меня домой, накормил, выслушал и велел приходить на 3-й тур...

А. М. *Расскажите, пожалуйста, о Дмитриии Александровиче Лядове.*

Ю. Ш. Нас, молодёжь, любящую театр, всегда волнует вопрос: как стать хорошим актёром? Что можно услышать в ответ? – «Дерзайте!»

И тогда я вспоминаю слова руководителя нашего курса, заслуженного артиста РСФСР Дмитрия Александровича Лядова: «Вы хотите быть артистами? А что вы знаете о театре? Для начала перечитайте десятки книг. В них рассказано о пути в искусство, о пути в театр, о творческих муках и поисках, об актёрском труде. Вот тогда будете иметь представление о деле, которое вас влечёт».

Главное место в воспитании актёра Дмитрий Александрович отводил работе – каждодневной, ежечасной деятельности не только на площадке, но и на улице, дома. Он знал и учил нас, что актёр должен наблюдать жизнь, человеческие характеры, их взаимоотношения. Дмитрий Александрович был всегда мудр, но эта мудрость была особого свойства: она успокоила нас, студентов, воспламеняла фантазию, расковывала темперамент, направляла волю к поискам. И тогда поиск образа становился для многих процессом сложным и глубоко творческим.

«В жизни не бывает только смешных или грустных людей: и те, и другие умеют страдать и радоваться. Никогда нельзя создать персонаж, рисуя лишь одной краской», – учил нас Дмитрий Александрович.

Доверие к студенту, вера в будущего художника, помощь и режиссёрский такт – важнейшие качества режиссуры и педагогической работы нашего руководителя. Сила его в том, что он был всегда молодым. Среди нас, студентов, он был самый молодой, самый увлекающийся, самый непосредственный.

...Есть люди, с которыми достаточно встретиться хотя бы один раз – и они навсегда остаются в памяти своим умением выразить то, что находят в своей душе и открывают в душах людей, своим вниманием. С полным правом это относится к нашему руководителю, педагогу Дмитрию Александровичу Лядову, который до конца жизни оставался творчески ищущим и беспокойным художником.

А. М. *Спасибо за такую память! Кто ещё запомнился из театральных педагогов?*

Ю. Ш. Запомнилась педагог по истории театра Екатерина Александровна Габаева. Она жила в центре, рядом с пирожковой, на 2-м этаже. Она с сестрой и мужем жила в небольшой комнатке. Стен не было видно – одни книги. Ставились раскладушки, днём они убирались...

Когда Лядова не стало, наш курс взяли Римма Белякова с Георгием Банниковым и Александр Галко. Уже потом, намного позже, мы общались по телефону, решали творческие вопросы... Знаю, что его сейчас уже нет в живых.

Возможно, нас с Александром Григорьевичем роднило то, что мы оба сыграли роль Воланда – в разное время, в разных театрах.

А. М. *Тяжело было играть эту роль?*

Ю. Ш. Безумно! Меня почти выносили с репетиций – столько энергии она забирала. Один мой друг даже позвонил: «Юра, умоляю: откажись от роли!»

Хочешь, я приеду и на колени встану?..» Но я не был настолько суеверным.. Напрасно, наверное.

Булгаков – мой любимый писатель. Мне довелось играть в Симферопольском театре ещё и роль кота Бегемота. Это было такое удовольствие! И ещё одна роль – Николая Турбина в «Днях Турбиных».

А с Воландом история всё ещё продолжается. Мы в Германии в середине 90-х годов делали литературно-музыкальную композицию по Булгакову.

А. М. *Чью музыку используете?*

Ю. Ш. Рахманинов, Скрябин, Шнитке – всё такое колючее... С нами работал Александр Клёнов, ученик Спивакова.

А. М. *Юрий, как складывалась ваша судьба после училища?*

Ю. Ш. Мне пришлось вернуться в Симферополь – там оставалась бабушка, за ней нужно было ухаживать. В Симферопольском драматическом театре, где я прослужил семнадцать лет, сыграл около 60 ролей.

(Назову некоторые из них: Том Кенти («Принц и Нищий» М. Твена), Олег Кошевой («Молодая гвардия» А. Фадеева), император Павел I («Фаворит» В. Пикуля)... Фотоархив, связанный с этими постановками, бережно хранят и Ю. Шрадер, и его коллеги по Симферопольскому театру драмы. – А. М.)

Потом мы отправились на гастроли в Германию. А через некоторое время я женился и переехал в эту страну. У нас родилась двойня – сын и дочь.

А. М. *Как их зовут? Пошли ли они по вашим стопам?*

Ю. Ш. Ну, мы подбирали имена так, чтобы они были привычны и в России, и в Германии. Назвали Максимом и Еленой. Хотя сын уже спрашивал, почему не назвали в честь деда – Иваном..

Актёрами они не стали, хотя сын снялся в трёх картинах. И сын, и дочь – экономисты.

А. М. *Кстати, а ваши дети читают классику?*

Ю. Ш. Увы, очень мало... Ну, «Гарри Поттера» они читали, конечно, *(смеётся)* но вообще почти не читают. Это я – человек старомодный, книги люблю – Булгакова, Чехова..

Когда дети учились в школе, им задавали Шекспира. Сын приходит: «Папа, ты ведь Яго играл? Расскажи, что там было с этим платком? Нам только первое и третье действие задали...» А дочери и подавно – только первое действие «Ромео и Джульетты».

А. М. *Юрий, на разных сайтах – и на вашем персональном в том числе – мы видим значительную фильмографию. Расскажите, пожалуйста, хотя бы выборочно, о работе в кино.*

Ю. Ш. Когда я переехал в Германию, надо было учить язык. И я заучивал тысячи слов, чтобы найти работу. Жена помогала – рассылала моё резюме по разным театральным агентствам. К сожалению, на сцене с моим акцентом было трудно, а в кино возможно переозвучивание.

За два с половиной десятилетия приходилось работать со многими интересными режиссёрами. Сейчас мы сотрудничаем, например, с молодым режиссёром Себастианом Йобстом. В 2016 году я снялся в его фильме «Коловала» о трёх выдающихся людях – Чехове, Малевиче и Нуриеве.

А. М. *В Интернете я видела трейлер, он снят в чёрно-белом варианте, под старое кино... Почему такая стилистика?*

Ю. Ш. Дело в том, что на чёрно-белой плёнке не так видны цветовые промахи, дефекты. Мы искали разные варианты. У Себастиана были предложения: там, где вода, добавить голубой краски, где кровь – красной... Но это слишком напоминало китч, и мы отказались.

А. М. Расскажите немного о работе в российско-немецких проектах.

Ю. Ш. Достаточно давно мы сняли фильм «Любовь в Кёнигсберге», где я играл эпизодическую роль; в этом фильме снималась Чулпан Хаматова.

Наверное, из самых известных режиссёров можно назвать Сокурова и Хотиненко. С Андреем Сокуровым в фильме «Фауст» я работал как ассистент режиссёра. У Хотиненко в сериале «Гибель империи» сыграл немецкого офицера Теллера. Это историческое лицо, только фамилия немного изменена...

А. М. Какие впечатления у вас от современной России, Крыма?

Ю. Ш. Конечно, мне больно видеть, что делается на Украине. Почему страну стали делить?! Почему украинцы и русские стали враждовать? Я одинаково люблю своих друзей и в Симферополе, и в Саратове, и в Москве, и в других городах...

А поездки мои в Россию связаны не только со съёмками. Уже очень давно (мои дети были совсем маленькими) я смотрел по телевизору новости из России и вдруг увидел один из онкологических центров Москвы. Там находились дети. И показали их, несчастных, лысеньких, и ужасающую бедность, убогость. Ни лекарств, ни игрушек (только одна кукла, переходящая из палаты в палату), медсёстры зарплату толком не получают... Я две ночи спать не мог. Жена работала в издательстве, в огромном здании, где находилось несколько редакций. И мы дали объявление: «Русский актёр собирает деньги для медицинского детского центра в Москве» – и нам стали приносить деньги, игрушки... Вскоре набралась большая сумма пожертвований. Сколько разрешили на таможне, я взял наличными, на остальные купили игрушек, лекарств – и я отправился в Москву. И в этом онкологическом центре ходил по палатам и выступал как клоун. Хотя зрелище передо мной было совсем не весёлое...

А. М. Юрий, у вас много друзей и в реальной жизни, и в виртуальном общении. Как вы их находите?

Ю. Ш. Всё очень просто. Я слушаю своё сердце. А оно подсказывает, где тепло...

Беседовала Анна Морковина

Людмила КАСЬЯНЕНКО
Юрий ЛОШАДКИН-ШРАДЕР

ОТ АВТОРОВ

Эта пьеса по большей части вольная фантазия о А. П. Чехове, своего рода наше объяснение в любви Гению мировой драматургии. Ибо для нас, людей театра, Антон Павлович прежде всего драматург.

Однако, несмотря на посвящение и прямые цитаты из писем А. Чехова и О. Книппер, не следует рассматривать эту пьесу как документальную. Монологи чеховских героинь могут быть заменены на другие по усмотрению режиссёра, но лишь в том случае, если это не разрушает идею и структуру пьесы.

СОЛО ДЛЯ СТРУНЫ БЕЗ ОРКЕСТРА

**Исповедь без антракта
с воспоминаниями и фантазиями**

Действующие лица:

ОНА, актриса лет 70.

ЭПИЗОД 1

На сцене комната, больше напоминающая кладовую или чердак, где старые вещи разбросаны в беспорядке, впрочем, вещей этих немного: старый шкаф с чучелом чайки наверху, потёртое кресло, стол, на котором стоят патефон и сломанные часы и... игрушечная железная дорога на полу.

Шум за сценой. Женский голос: *«Пустите, пустите меня! Я хочу побыть одна».*

В комнату стремительно, насколько позволяет возраст, входит немолодая женщина. Тяжело дыша, останавливается в дверях. Звучит романс «Утро туманное»¹ до слов «...вспомнишь и лица, давно позабытые». Входит в комнату, подходит к шкафу, гладит дверцу.

---

¹ Романс «Утро туманное» – главная музыкальная тема – должен звучать по ходу всей пьесы.

ОНА. Ну, здравствуй, многоуважаемый шкаф... *(Вздыхая.)* Время и тебя не пощадило...

Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... И теперь я как маленькая. О, моё детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела на сад, счастье просыпалось вместе со мной каждое утро... *(Потирает виски.)* Боже, как я устала! Мысли путаются в голове. То ли мысли мои, то ли слова ролей. *(Нервно.)* Сотен ролей! Боже, Боже! Как же давно я не была здесь! А сейчас ехала в плохо убранном вагоне, с каким-то громогласным семейством в купе – мамаша, папаша и их крикливое чадо. *(Усмехается.)* Груба жизнь! *(Подходит к столу, прикасается к часам.)* Часы молчат... Молчат... *(Садится на пол и начинает двигать вагончик железной дороги.)*

ФАНТАЗИЯ 1²

Зато вы слышите, как стучит паровоз: тук-тук, тук-тук... А часы в это время: тик-так, тик-так. Так? Так? Они разговаривают в такт моей жизни: тик-так, тик-так, тик-так...

Он уехал, не сказав: «Прощай». Он пропал, как пропадает неизвестный прохожий на улице. Это стало так-так, так-так... как исчезает случайная птица в высоте, как уходят чужие поезда.

Так... Как... Так никогда не возвращаются облака, парящие в бесконечном небе.

На моём молочном розовом и голубом небосводе умерла надежда... Всё превратилось вокруг в испарение тумана, который он просто звал «водой». С ним он падал ласковыми дождями, небо светило мне калейдоскопом из радуг, когда он был рядом: так-так, так, так-так, где ж ты? Где ты?

Новое – это не теперь! Тик-так... Как? Но всё это неважно! Как, как, как! Господи, я схожу с ума, и чего я это всё об облаках и о небе? На земле всё проще и надёжнее... Разве не так? Так-так, как... Как.

Затемнение

ЭПИЗОД 2

Подходит к шкафу, открывает дверцы, на неё как водопад вываливаются старые вещи: альбомы, шкатулки, шали, кукла и даже велосипедное колесо. Она открывает шкатулку, достаёт верхний лист – это старое письмо, читает:

«...Царица Ирина великолепна. Фёдор показался мне плоховатым; Годунов и Шуйский хороши. *(Кричит.)* Но лучше всех Ирина». *(Пауза. Музыкальная тема. Вспоминает.)* Впервые мы встретились в день моего тридцатилетия. Это Бог послал мне Тебя – самый драгоценный дар в моей жизни... *(Пауза.)* Стоял погожий сентябрь – деревья в золоте, прохладный ветерок по утрам. Осень... Ты сидел в зале, пощипывая бородку и время от времени поправляя пенсне... Антон, Антон... В этот день жизнь моя начала затягиваться в причудливый сложный узел. *(Пауза.)* До встречи с тобой я жила в тупом одиночестве. Самое лучшее в жизни я открыла после встречи с тобой. *(Пауза.)* Сейчас я гораздо старше тебя, ведь ты так и остался сорокалетним. Это страшно, Боже, как мне страшно... *(Шёпотом.)* «Это траур по моей жизни... Я несчастна...» *(Пауза.)*

² На все сцены-фантазии желательны перебивка света и музыкальная тема.

А тогда я была счастлива. Каждый день вместе с ним был праздником! Я обрела смысл жизни.

«Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душе так светло! Сегодня утром вспомнила, что я именинница, и вдруг почувствовала радость и вспомнила детство, когда ещё была жива мама. И какие чудные мысли волновали меня, какие мысли!»

Затемнение. Музыка.

ФАНТАЗИЯ 2

Тик-так, тик-так... Часовые стрелки говорят со мной. А почему я слышу этот разговор как бы со стороны? Не понимаю я себя. Стоп! Всё это проклятое тик-так. Я всё поняла, это не часы. Это... телепатия. «Хуже всего, если бы мы родились в один год, – слышу я голос Антона. – В последнем случае я бы не смог объяснить всего происходящего вокруг нас... Я бы не умер в секунды», – добавляет он. «Нет! Не говори так, пожалуйста», – протираю я глаза и слушаю его чрезмерно внятные слова из ниоткуда.

– Ответ ясен: ты умрёшь без меня.

Я ничего не поняла. Встала, зажгла свет, не веря своим глазам и ушам.

– Ты всё ещё здесь, Антон? Разве ты не ушёл?

Он не слышит меня. Он спит, накрыв ухо подушкой. Он никуда не ушёл. Это был мой сон о нём. Вот и всё. Совсем всё. Так-так, так-так...

Я выключаю свет и лежу с открытыми глазами. Я знаю, что сон в руку. Всё так и не иначе. И я действительно когда-то умру, но обязательно хочу это сделать раньше него.

На календаре день моего счастья. Но у судьбы всё решено за нас. Наши ночи... Думала, что это последняя ночь. Они длились долго, долго. Тогда я ещё не поняла, что его поезд уже отошёл. Этот поезд... Тик-так, тик-так. Ломкие колёса готовы уже были раздавить хрупкие черенки нашей жизни. Готовы были разорвать наше счастье в клочья, как бумагу истёртых и замасленных газет. Его смерть готовилась остановить мою жизнь, превратив наши дни, проведённые вместе, в жидкое стекло зимнего пруда под окнами дачи, которую он так любил.

«Разве разлука – это смерть?! Да-да... тик-так, тик-так... Скажи мне, скажи ты, что думаешь об этом сне? Тик-так...»

Пусть моя жизнь будет пуста и несчастна, пусть личное чувство моё растрагится в соблазнительных острых забавах, в раздражающих чувственность, но опустошающих сердце иллюзиях. Я кричу, я хочу отказаться от всего, что слишком прочно связывается с бытом, с серостью. Нет семьи, не было и не будет. Нет семьи, нет семьи... С этой отвратительной пустотой жизни я справлюсь сама.

Я остаюсь свободной для моего искусства, которое над жизнью. Свобода моя – превыше всего, ибо превыше всего моё искусство, которому нужна моя свобода.

«Я – чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришёл человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа. Это не то... (*Трёт себе лоб.*) О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока

живу здесь, я всё хожу пешком, всё хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днём растут мои душевные силы.. Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле – всё равно, играем мы на сцене или пишем – главное не слава, не блеск, не то, о чём я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своём призывании, то не боюсь жизни».

Затемнение. Музыка.

ЭПИЗОД 3

Из массы предметов, лежащих у шкафа, достаёт искусственный букетик белых цветов.

Чувство моё росло, и надо было принять решение. Я его приняла, невзирая на болезнь Антона и мою любовь к театру. Верилось, что жизнь может и будет прекрасной, несмотря на наши разлуки – ведь кончались они радостными встречами. Жизнь с Антоном мне казалась нестрашной и нетрудной: он так умел отбрасывать всю тину, всё ненужное, что засоряет самую прелесть жизни.

Обвенчались мы в мае. В народе говорят: кто выйдет замуж в мае, всю жизнь будет маяться. Че-пу-ха! *Я была самой счастливой!* (Пауза. Музыка.)

Только вот ты не верил в счастливую любовь. Помнишь, как на календаре после лермонтовских строк: «Поверь мне: счастье только там, где любят нас, где верят нам...» – ты дописал: «Где нас любят и где нам верят, там нам скучно, но мы счастливы там, где сами любим и где нам верны». (Пауза.)

И всё-таки я *счастлива!*

«Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы (Говорит всё тише.) Отчего это? Отчего?»

ФАНТАЗИЯ 3

Да как же это было? Всё так просто, как и у него. Вечер. Безлюдно. Из-за плеча лёгкий и осторожный голос. Слышу: «Добрый вечер». Обращиваюсь: глубокие глаза. Мы уже идём вместе шаг в шаг. Говорим о чём-то случайном. Да и друг на друга не смотрим, только напряжённо вслушиваемся в голоса друг друга. Я чувствую: мы нравимся друг другу. Это настолько ясно, насколько язык бесполезен. Паузы между словами говорят сами за себя, и никто не придаёт значения сказанному. Случайная близость объединяется общим чувством. Только вот не знаю, рождается ли при этом любовь. Никто не знает. Никто! Ответ бестолков и глуп, даже если можно его найти.

Но что со мной происходит? Физическое притяжение распирает меня, я перестаю дышать и замолкаю на полуслове. Между нами много невысказанного. И если, если только он спросит.. О, я умоляю его, о как я хочу этого вопроса. Видит Бог, я соглашусь не раздумывая. Все эти мысли бегут вперемешку в моей голове. Это останавливает сердце и заставляет жадно заглатывать воздух. Я оглушена своим волнением. От такой неожиданности я буквально слепну. Но вот только вопроса нет! Он молчит. Его пальцы дрожат от напряжения. Я говорю что-то невпопад. А хочется ли ему что-то сказать, я не знаю. Он опережает меня на несколько шагов. «Неужели я не права?» – думаю вслух. Он стремительно поворачивается ко мне. А

я широко раскрыла глаза в ответ на его вопрос о чашке кофе. Его зрачки смотрят на меня с жадностью. Я читаю в них испуг потерять меня или мне это только кажется? Да, да, да! Он жаждет меня! Да! Мне нечего больше сказать. И что я могу ещё добавить? Его лицо светится в довольной улыбке. Нет, нет, нет, здесь нет двусмысленности – я это знаю. Томление от ожидания, я думаю, будоражит его. Всё очень просто. Всё хорошо знакомо. Мы невольно торопимся. Куда? Зачем? Ответа нет. Пустые слова не нужны нам. Вот и кофе обжигает мне руку. Я вскрикиваю от неожиданности. Он поднимает голову. Его холодные губы касаются моих покрасневших пальцев. Он дрожит. Его тело натянуто как струна. Я боюсь его ласки. Его насторожённая пугает меня.

В постели тепло от нашего дыхания. Я сжимаю его плечи. Неожиданно до боли сводит пальцы ног. Я не знаю, правда, не знаю, как это случилось. Мы любим друг друга. Но что это? Случайная привязанность? Слепая животная необходимость? Любовь? Неизвестно. Мы засыпаем. Это был прекрасный день – проносится в моей голове. «Да» – слышу я. Сжимаю веки. Вновь их открываю. Предчувствие верно. Он смотрит на меня не мигая. Мы неловко целуемся. На душе легко и беззаботно. «Новый день прекрасен», – повторяет он снова и снова. Я хочу верить ему. Я соглашаюсь безмолвно, ведь он всегда, всегда прав. Мы вместе.

Каждый верит в свою судьбу, но никто не говорит об этом. Мы думаем об этом порознь. Видит Бог, так надо.

Затемнение. Музыка.

ЭПИЗОД 4

Перебирает выпавшие из шкафа вещи, достаёт шаль, прижимается к ней щекой. Напевает: «Не уезжай, ты мой голубчик, пустынна жизнь мне без тебя...»

Я должна быть около тебя, должна устроить тебе жизнь хорошую, приятную, спокойную. И это будет, милый мой! Будет, будет... (*Кричит.*) Ничего не будет! Не способна я на это. Ты в своей Ялте мучаешься от жары и навязчивых визитёров... А я – заботливая жена – умоляю: «Пиши, ради Бога, пиши пьесу...» Пьесы, роли, пьесы, роли... Театр – монстр, театр – чудовище, разлучавшее нас! (*Вновь садится на пол и начинает передвигать вагончики железной дороги.*) Тик-так, так-так, так-так. Ты – в Ялте, я – в Москве.

Твои друзья обвиняли меня, что бросила тебя, больного, одинокого, а сама развлекаюсь – банкеты, премьеры, приёмы. Леопольд об этом говорил прямым текстом: «Его не следовало покидать. Он совсем болен. Да и потом это – Чехов». Но что я могла поделать – я рождена для сцены.

«Я работаю, я чувствую, я постоянно в суете. И у меня правило: не заглядывать в будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать».

ФАНТАЗИЯ 4

Я долго спала. Неужели и впрямь? «Сон раскрывает природу вещей», – утверждает Фрейд. Не поэтому ли каждый из нас просыпается однажды всерьёз. Да что же это со мной? Он всё стоит перед глазами. До сих пор помню слово в слово, что сказано им. Та встреча изменила мою судьбу. Я не смогла и не имела права отстраниться от такого человека. Это обрушилось нео-

бычно и настораживающе. Я не искала ответа. Как и не понимала его вопросов. Я отказывалась видеть в нём страсти, будоражившие его. Думаю, тогда я не умела любить мужчин. В них не было для меня тайны: все на одно лицо. А он... был другим, и всё стало просто и ясно. Он был сух, порой незряч и... очень говорлив. Это не нравилось мне. Разве он не всё высказал за свою нелёгкую жизнь? Я прислушивалась к себе и осознала главное: сердце подсказало мне то, чего не замечали глаза. Секрет раскрылся не сразу.

Я находила ответ в его пьесах, бывших для него и женщинами, любовницами. Тайный шёпот истины настиг меня в ночь перед премьерой «Чайки». Я приняла и поняла то, чего не должна была знать. Всё было очень, очень просто и банально. Гений родился не в том месте, он истратил свою жизнь в веке, где его никто не ждал. К его мастерству большинство современников было безразлично. То был заговор циничных молчунов, прикинувшихся слепыми. Они не прощали себя за собственное лицемерие в оценках его незаурядности. Его новации были вызовом для всеобщей рутины в мозгах. Беспредел в примитивности устремлений, что рождены суетой и цинизмом, раздражал его. Страна чудес – наша Россия – была больна. И он понимал это как врач. *(Пытается уйти от этой темы. Пауза.)*

Разве безволие души и тела не есть расплата за ожидание похорон своих близких? Он видел ежечасно, что современники ничего не желают делать в жизни только из-за этого. Нет, тогда он не нужен был со своими словами. Я знала о нём из его книг. Я ведь читала их не спеша. Что-то между нами не произошло. Я выплеснула ему его же слова: «В человеке должно быть всё прекрасно, всё...» Только его белая сорочка была плохо выглажена. Как сейчас вижу: он, бледный, осунувшийся, опустил свои длинные пальцы между сухих колен, и на глазах выступили слёзы. Думаю, это были слёзы, полные укуса и соли. Это стало причастием, что он принял из моих губ. В этот момент мы были заодно. Никто не говорил этого раньше. Я думала, как и он. Я узрела это, едва появившись в его жизни, когда судьба его была близка к завершению. Я поняла, что упала в твою жизнь как оброненная изюминка из пасхального кулича. «А была ли твоя жизнь праздником?» – спросила я, желая заглянуть в его душу. Он вздрогнул, его руки вибрировали. Нет, то была не дрожь: бледная кожа на скулах покрылась пятнами. Ещё минута – и он подскочил вверх, его глаза широко раскрылись, они были как два горизонта. Моя душа вошла в раскрытые двери его зрачков. Конечно, через пенсне...

«Боль, какая боль! Оставь меня, женщина. Я сам по себе. Я боюсь твоей жизни и судьбы», – прошептал он.

Мои веки хлопнули громко, как ставни в пустом доме от порыва урагана. Я закрыла глаза. Он прикоснулся к ним губами. Я безнадежно тонула в его руках, боясь признаться в своей привязанности к нему. В этот момент было взаимоприятие. А что ещё могло быть? О, да! Соппротивление...

(Задумавшись.) Но последнее невозможно. Оно могло бы расколоть и меня и его в магнитную пыль. Всё было тогда взаимно и, казалось, навсегда. За нас всё решили наши души. Согласие родилось как огонь, что плавит лёд отстранённости. Разница в положении, жизненный опыт – всё превратилось в прах. Мы стали двойниками. Любила ли я его? Точно не знаю. Одно я запомнила – его огонь. Поцелуй был жаден, очень жаден. Он сказал, что это для него словно глоток свежего воздуха. При его-то болезни. Писатель был противоречив, как и всякий гений. Теперь-то я знаю точно: господин и раб жили в душе. Они были глина и перья, склеенные слюной трудолюбивой птицы в сказочной красоте гнезда-очага. Самой же птицей он не был.

Он никого не искал и ни за кем не гонялся. Это птица – чайка – лишь жила в клетке его души. Он говорил её голосом. В конце концов она победила его, и он сам стал этой птицей-гением. Отсюда неожиданность его поступков, непредсказуемость... (*Как бы самой себе.*) Гений, как говорят, был не от мира сего. Не потому ли он увидел это мироздание лучше других, как это только возможно со стороны... (*Задумывается.*) Нет, с высоты птицы. Он познал истинный цвет человеческой души в своей откровенной наготы... греховности нашего познания. (*Пытается цитировать.*) «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звёзды и те, которых нельзя было видеть глазом, – словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли...» (*Пауза.*) Сейчас меня душат слёзы. У меня разрывается сердце, хотя кто верит мне и что я могу сделать с тленом и смертью, которые разделили нас на время. Как это было давно. Как это было давно?

Затемнение. Музыка.

ЭПИЗОД 5

Медленно бродит по комнате. Из вороха вещей у шкафа достаёт потёртую чёрную маскарадную маску.

Иногда мне кажется, ты не верил мне... Откуда тогда эти намёки: «Не забывай, ты моя жена, я твой муж». Я ведь знаю, как советовался с Толстым, жениться ли тебе на мне... (*Пауза.*) И всё равно мне было тепло, что у меня есть ты и твоя любовь. И когда мне становится страшно от собственного неверия, как молитву повторяю твои слова: «Ты – последняя страница моей жизни». Последняя... последняя... (*Бормочет.*) «Множество людей, которые, может быть, и не лучше меня, бывают счастливы и ничего не платят за своё счастье. Я же за всё платила, решительно за всё!.. И как дорого! За что брать с меня такие ужасные проценты?..»

ФАНТАЗИЯ 5

Подходит к патефону, стоящему на столе. Ставит пластинку. Звучит «Утро туманное». Пытается подпевать: «...Первая встреча, последняя встреча...»

«Оказывается, я могу петь. Не замечала этого за собой раньше», – отвечает за меня мой осипший голос. «Это черта одиноких людей», – добавляет он. Скажи ещё, что у меня великолепные глаза. Я ведь всё понимаю... (*Усмехаясь.*) Молчаливость – не мой и не твой талант. Всё глупое – говорливо. Это знает каждый. В твоих глазах напряжение, лёгкий испуг в морщинах у глаз. Антон, Антон, Антон, – разговариваю я мысленно, – помнишь ли ты, как мы любили друг друга в нашем прошлом. У меня на душе невероятно спокойно – я ведь желала тебе счастья. Это прекрасно... Да, как бежит время... вода нашей жизни. Эти глупые мысли будоражат меня. Я на грани потери рассудка.

Хлопают двери, и вот я на улице. Полумрак. Холод обжигает руки. Ветер как бритва. Сажусь под ближайший клён. Идти против ветра нет сил. Я побеждена. Сдаюсь... Молюсь: «Прости меня, Бог. Но я так устала от моих грехов. Ноги отказываются носить меня по земле» – плачу я. Я осталась одна, совсем одна. Но что это? Неужели я прощена Богом? Всё стихает. Молчание и покой в природе. Красная луна изъедена облаками. Это чудо

завораживает меня: вокруг луны разрастается свечение. Поразительно! Зрачки расширяются от удивления и восторга: разве моя земная жизнь не продолжается, пока есть такое чудо?! Разве надежды нет? Храни нас Бог! Оберегай тех, кого я люблю и кто иногда забегает ко мне на огонёк.

Круги вокруг луны всё расширяются и расширяются. Они уже захватили весь небосвод. Ветер пропал. Он исчез в никуда, дав мне свободу одиночества. Я наконец-то наедине с тобой. Мне нужны только звёзды. Это наш секрет. Они одиноки на небе. Я же одинока на земле.

Храни Бог звёздное чудо. Эта надежда даёт мне силы жить. Это хранит меня от прыжка в море, где остекленели звёздные тени, где умерло отражённое в воде небо...

ЭПИЗОД 6

Держит в руках пачку писем, перевязанную серой атласной лентой. Задумчиво смотрит на них, потом на железную дорогу, затем опять на письма. Вытаскивает одно из них, читает:

«Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бактерии, а в тебя любовь к искусству». Письма, письма... Их были сотни. Ты всё писал, что я тебе нужна. А душа моя молила: не оставляй, не оставляй меня... *(Вновь перебирает письма.)* Адрес размыт дождём... *(Пауза.)* А я ведь помню, как получила его.

...Этот день ничем не отличался от других.

– Расслабьтесь, подумайте о предлагаемых обстоятельствах. Подключите наконец воображение!

Идёт репетиция.

«Люблю – такая, значит, судьба моя. Значит, доля моя такая... И он меня любит... Это всё страшно. Да? Нехорошо это? О моя милая... Как-то мы проживём нашу жизнь, что из нас будет...» – вопрошает моя Маша. Но вот репетиция окончена. *(Иронично.)* Отключите воображение и фантазию. Уже отключила. Чувствую страшную усталость, однако надо спешить домой: приближается гроза, а я, как всегда, забыла зонт. *(Пауза.)* Дома ждала меня почта и твоё письмо: «...Без тебя мне неважно, можно сказать, плохо, но всё приятно становится при мысли, что ты у меня есть...»

Боже, Боже, Антон, если бы ты был сейчас рядом!..

Затемнение. Музыка.

ФАНТАЗИЯ 6

Набросила на плечи кружевную чёрную шаль.

Я ничего не хочу тебе сказать и ничего не жду в ответ. Мой язык пересох, губы воспалены, я пытаюсь что-то прошептать, но не могу. Я осипла. О, жизнь, о жизнь...

Всё тленно. Всё... Он исчез, растворился во Вселенной, и никто меня не успокаивает, глядя по голове. Я стыжу себя за слабость, разрывающую моё сердце при любом разговоре о Нём. Проходит минута, другая. Вновь чувствую, что близка к истерике. В полуобмороке обвожу глазами все углы. Хорошо, что все ушли и я осталась одна. Я закрыла глаза, мне нет нужды разговаривать с собой. Мучительно ищу оправдания для Его смерти. По щекам текут горячие слёзы... по всем нам. Да, это за Него, за себя, за всех

и вся. Как всё трагично в нашей жизни. Здесь бессердечно правит демон смерти, несчастий, грязи и измен. Кто виноват в этом? Усталость давит мне на плечи. (*Вопрос к себе.*) Устала жить? Ах, как я устала. Я забыла: где я?.. кто я?.. (*Шепчет.*) «Люди, львы, орлы и куропатки...» Кто любит меня? Разве я не осталась совсем одна с тем, что случилось в моей жизни? Что и зачем я хочу скрыть от себя? Все мои несчастья передо мной, перед моими глазами. Вот они... Здесь. (*Истерично.*) Прямо здесь они – мои героини... (*Пауза.*) А дальше что? Что ещё может быть? Зачем... мне эти воспоминания? (*Пауза.*) Поверьте, это была моя исповедь, сокровенная и тайная. Храни вас Бог! А у меня на губах имена... Нина, Костя, Ольга, Ирина, Петя, Маша... (*Упала на колени. Молится.*)

Упокой, Господи, души рабов и даруй им Царствие небесное... Покой неугомным душам... Я люблю вас всех... Нет, я не говорю: «Аминь»... (*Перекрестилась.*) Эта история для живых.

Пётр
ТКАЧЕНКО

«Печальных песен на земле я слышал больше, чем весёлых...»

Николай Алешков. «Дальние луга».
Избранная лирика. Библиотека Российской поэзии.
Санкт-Петербург, издательство «Маматов»,
2017. 430 с.

Книга избранной лирики Николая Алешкова «Дальние луга» стала для меня поистине событием. И не только потому, что она прекрасно, с любовью издана. В сизом, стальном переплёте, а на обложке серебром выведено имя автора, искрящееся как седина... Столько вдруг вспомнилось, когда я перечитывал давно знакомые его стихи и читал новые. Столько стояло в нашей жизни за этой книгой... Ведь мы учились с ним на одном курсе заочного отделения Литературного института им. М. Горького в 1976–1982 годы.

Поэтов не бывает много. Так и должно быть. Но их, немногих истинных поэтов на нашем курсе, я различил как-то сразу. Геннадий Морозов из г. Касимов Рязанской области был как бы в стороне. Ведь он до Литинститута был уже автором книги, широко публиковался в престижном тогда журнале «Огонёк». Он уже был сложившимся самобытным поэтом. А мы ещё почти ничего о себе не знали. И всё же этих я выделил для себя сразу. Так и вышло. Они, несмотря ни на что, состоялись. Ни на социальные потрясения, ни на нелитературность времени, так как литература после либеральной криминальной революции вновь оказалась сброшенной «с корабля современности». Несмотря ни на какие испытания и лишения, которые не обошли каждого из нас. Они остались с литературой тогда, когда она вытеснялась из общественного сознания и изгонялась из образования. Остались с литературой, а не с разорителями нашей жизни.

Это потом уже мы узнаем, что так в России было не впервой. И в минувший революционный век, и в нынешний опять-таки революционный... Об этом писал

А. Блок: «Искусство и религия умирают в мире, мы идём в катакомбы, нас презирают окончательно. Самый жестокий вид гонения – полное равнодушие. Но слава Богу нас от этого станет меньше числом и мы станем качественно лучше» (Дневник, 1913 года).

Мы не потеряли друг друга, оставшись друзьями на всю последующую жизнь. Вот они – мои товарищи, друзья, поэты. Геннадий Островский (1950–2002) из Белгорода, Раиса Котовская (1951–2007) из Минеральных Вод, Николай Алешков из Набережных Челнов Республики Татарстан.

Книга Николая Алешкова потому и стала для меня событием, что она для него была в определённом смысле итоговой. А ещё и потому, что мне уже не получить никогда ни книг, ни писем, ни стихов – от Раисы Котовской и Геннадия Островского... Уже никогда Гена не выбежит в Белгороде на платформу, к смеющемуся окнами поезду, чтобы на несколько минут встретиться со мной, спешащим на свою родную Кубань. Он при всей внешней неустроенности умел как-то торжественно, что ли, относиться к жизни, когда всё вдруг становится дорого и значимо. Может быть, истинный поэт так и должен относиться к быстротечности, неповторимости и невозвратности времени. На своей книге «На единственной земле» незадолго до кончины он мне написал: «Я всегда помню тебя и радуюсь, что мы современники».

Это поколение поэтов, наше поколение попало в тяжёлый, страшный промежуток литературного безвременья девяностых, ещё не вполне осмысленный. К тому времени они, сорочка-, пятидесятилетние, в расцвете творческих сил были выброшены

из жизни. Я уже боюсь перечислять имена безвременно ушедших – столь длинен этот скорбный список. Это поколение почти вымерло. Николай Алешков тоже думал об этом. И глубоко переживал: «Погибают поэты, / а убийцы живут. / И бессилён при этом / человеческий суд».

И не содрогнулось ветреное племя. Такая брешь на народном теле так просто не затягивается. А поколение, не знающее своих поэтов, обречено. Никакая цифра без слова не спасёт и не поможет. Этих поэтов, ушедших и уцелевших в революционном хаосе, нам ещё только предстоит открывать. Если, конечно, русская литературная традиция продолжится, что пока не очевидно...

Я почти не виделся с ними. Но была долгая, многолетняя переписка. И я знал, как они жили и работали. Рая Котовская так и сказала: «В такой жизни я жить не хочу». В отчаянии обратилась к Церкви. Я чувствовал, как трудно и трагически пульсировала её поэзия: «Но душа никак не хочет верить, / что проснулась только для того, чтобы оглянуться и проверить / глубину паденья своего». И тогда я составил её последнюю книгу «Судный день». Мы выпустили её в Москве с помощью её ученика – поэта Павла Косякова. И переслали ей тираж. Может быть, это хоть как-то продлило её дни. Я получил тогда от неё письмо, всё облитое слезами... Ведь она, было, уже во всём изверилась...

Николай Алешков, как никто из нашего курса, обладал какой-то стойкой, непроходящей памятью. Он с удивительным трепетом относился ко всему, что было связано с Литературным институтом. Следил за судьбами своих сокурсников. Держал с ними связь. Впрочем, он так относился ко всему, а не только к годам учёбы. Ведь и возвращение на родину в его стихах – это возвращение не только, собственно, в его родную Орловку, но, прежде всего, возвращение к первоначальному образу мира, к истокам. Наверное, это то искусство различить свою судьбу, бережно нести свой крест, о котором писал Н. Рубцов: «Я люблю судьбу свою, я бегу от помрачений...»

*Начинается мир за порогом,
А за печкой сверчок верещит.
Вечер. Мама беседует с Богом.
На божнице лампадка горит.
Я лежу на скрипучих полатях.
У святых озаряются лбы.
И сливается мамино платье
С полумраком вечерней избы.*

24 мая 1982 года был наш выпуск. Мы прощались навсегда. Так совпало,

что это был День славянской письменности и культуры и День рождения великого М. А. Шолохова. Прощались, ещё не зная о том, что нас в этой жизни не ждали, что начнётся «революционная перестройка», а потом и либеральная революция. И всё, что будет сделано нами, будет сделано не благодаря ситуации в обществе, а вопреки ей, так как каждый из нас мог сказать вслед за С. Есениным: «В своей стране я словно иностранец...»

Мне тоже хотелось удержать в памяти этот знаменательный день. И тогда я взял книгу для записей. Сопроводил её стихотворным обращением к однокашникам. И пустил её по кругу. Я хотя и заканчивал Литинститут по семинару критики, но тогда ещё не совсем освободился от стихотворной чесотки. А обращение было таким:

*Ну вот и наш союз не вечен,
Как всё в кочующей судьбе.
Очередная наша встреча,
Нам неизвестно, будет где.
Я не грущу, ведь всё в порядке,
Но только, знаешь, от души
На будущее без оглядки
Мне пару строчек напиши.
Пока нам чужды рамки такта,
Придумай беззаботный стих.
Не я трудов твоих редактор,
И ты не рецензент моих.
...И мы судьбы не избежали.
И, видимо, настанет срок,
Когда пойму: скудны скрижали
Без этих мимолётных строк...*

И вот срок настал. Так трогательно и грустно теперь перечитывать почти сорок лет спустя то, что вписали однокашники в мою книгу. Тем более что некоторые из них ни единой строки никуда вписать уже не могут... Вписал в книгу своё стихотворение и Николай Алешков. Его «стих» оказался действительно «беззаботным», шуточным. Как и подобает молодости, когда кажется, что этой жизни не будет конца:

*Уж давным-давно не пью спиртного я,
По ночам колдую над строкой.
Я кричу друзьям: «Стихи есть новые!»
Но друзья обходят стороной.
Первый друг ведёт войну со штампами.
Пьян второй. Он смотрит как удав.
Третий друг совсем замандельштамился,
Ходит, к небу голову задрал.
Что же делать бедному крестьянину
С песнями своими на Руси?
Провалюсь в кабак, как будто в ямину,
Полетит душа на Небеси.
Полетит душа моя капризная.*

*И грехи-то нечем искупить...
Так умру – неизданным, непризнанным.
Господи! Зачем я бросил пить...*

Я всегда чувствовал в Николае Алешкове какую-то основательность во всём. От него исходило некое спокойствие там, где, казалось бы, должна сквозить трагедия. Но это и есть истинно русская литературная традиция: о вещах важных говорить с такой вроде бы простотой:

*Всё – от радости до злобы –
Должен я перетерпеть.
Человек родился, чтобы
Жизнь прожить и умереть.*

*...Не надо плакать. Научись смеяться
Над тем, что предначертано судьбой.
Всем на земле придётся расставаться.
Мы навсегда расстанемся с тобой.*

Я чувствовал в нём родственную душу. Да, мы с ним – люди одного поколения, послевоенного. Одного из самых если не счастливых, то самых благополучных поколений в истории России. Ведь мы были детьми победителей. Он – и вовсе ровесник Победы. Родился в июне 1945 года, через два дня после Великого парада Победы на Красной площади:

*Нас всем миром растили,
Пересилив беду.
Я родился в России
В сорок пятом году.*

Наши отцы прошли и одолели такую великую войну! Пожалуй, у каждого из нас мелькала мысль о том, что они могли и погибнуть, что только случай и Провидение уберегли их. И только поэтому родились мы. Потому так много у Николая Алешкова стихов об отце. Как и у Юрия Кузнецова.

Но теперь годы спустя открывается, что мы с Николаем не могли не встретиться, что наша встреча была predeterminedена ещё до нашего рождения. Его отец Пётр Фёдорович был ранен при обороне Ленинграда в ноябре 1941 года. Мой отец Иван Ефимович, наводчик противотанковой пушки «ЗИС-3» 220-го артиллерийского полка 201-й стрелковой Гатчинской дивизии, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В мае 1944 года был тяжело ранен, потерял левую руку...

Николай не только пишет стихи о своём отце: «Я ничего не знаю о войне. / Но дух отца тревожит память мне». Он едет туда, в Колпино, где был ранен его отец: «Я был и в Колпино, где на передовой / Был ранен Пётр Алешков, рядовой...»

Казалось бы, зачем? Да затем, что «Мы из родительской боли / Вырвались как из неволи...»

Нет, это логически необъяснимо. Так и Юрий Кузнецов, написавший столько глубоких стихов, посвящённых своему отцу, подполковнику Кузнецову Поликарпу Ефимовичу, искал и нашёл его могилу. Кстати, отец его за форсирование Сиваша в первых числах ноября 1943 года был представлен к званию Героя Советского Союза. Но был награждён орденом Красного Знамени...

Мне тоже знакомо это невыразимое чувство. Как-то, работая в отделе литературы журнала «Пограничник», я подгадал командировку в Северо-Западный пограничный округ так, чтобы побывать там, где был ранен отец, где он потерял руку...

Позже, когда узнал, что в моей родной станице Старонижестеблиевской в юности жил выдающийся конструктор артиллерийских систем, генерал-полковник, Герой Социалистического Труда Василий Гаврилович Грабин (1900–1980), я, тогда молодой офицер, старший лейтенант, встретился с ним. А потом, когда его не стало, выхлопотал пушку «ЗИС-3». Вот уже более тридцати лет она красуется в станичном парке, установленная и в честь её создателя – гениального конструктора, и в честь наводчика этого орудия – моего отца, и в честь всех станичников – участников Великой Отечественной войны.

Как мне кажется, наша встреча с Николаем Алешковым была predeterminedена до нашего рождения, через отцов наших, нашими отцами... Не говорю, что они могли где-то там на фронте встретиться. Хотя кто знает?.. Человек ли определяет свои пути?..

Николай Алешков работает в лучших традициях русской поэзии, воплотившихся в стихах Сергея Есенина, Николая Рубцова. Далеко не случайны и эти его строки, посвящённые памяти выдающегося мыслителя нашего времени Вадима Кожинова:

*Кто нам помог во тьме непроходимой
С пути не сбиться, к бесам не свернуть?
Конечно он, Вадим необходимый,
Нас, молодых, наставивший на путь.
...Ещё чисты закаты и рассветы,
И, кроме правды, нету ничего.
Объединимся, русские поэты,
Вокруг высокой памяти его!*

Как-то так сложилось, что в полной мере Николая Алешкова я открыл для себя уже после Литинститута. Когда он многое пережил. Когда варварски порушенная жизнь пыталась наш дух как никогда. А у него к этому общему нашему настроению добавилось и личное – в расцвете сил умерла жена. И он остался один с сыном...

*Летит и гаснет снег во мгле,
Гудит метель в просторах голых.
Печальных песен на земле
Я слышал больше, чем весёлых...*

*...О чём этот ветер? О боли,
Что спрятана в серой земле,
О тех, кто не встретится боле
Друг с другом на этой земле...*

Поэзия Николая Алешкова отличается удивительной цельностью. Всё, казалось бы, просто, но гармонично. А трагичность только светится где-то под спудом, не вырываясь, всполошённая, наружу:

*Вспомню детство у ласковой речки,
Что петляет, ключами звеня,
Вдоль села, где на летнем крылечке
Дождывается мама меня.
Не она ли, в реке полоская
Вперемежку с бельём облака
И меня от себя отпуская,
Вслед крестила? Ты помнишь, река?*

Это не то что, скажем, у нашего же ровесника, как видно по всему, последователя «шестидесятников», «эстрадников», конструктивистов, поэзия которых не удержалась ни в душе, ни на эстраде – Ивана Жданова: «Мы умираем понемногу. Мы вышли не на ту дорогу...»

Чего только не было в их жизнях в эти смутные годы!.. Но вот отходит всё бытовое и преходящее, доставлявшее им столько переживаний, горя и боли, и остаётся главное, нетускнеющее. Чего, казалось, уже и вовсе нет на свете. О чём люди, кажется, уже совсем забыли. И что восстановимо только живым и честным словом. Об этом – о нашем поколении, о всех нас вместе и о каждом в отдельности – стихи Геннадия Островского:

*Мы так величественно жили,
Что слышу, слышу я опять:
Со всех сторон ветра чужие
Летят в Россию. Умирать...*

**Елизавета
МАРТЫНОВА**

«Мир доверчивый и безобманный...»

Николай Алешков. «Дальние луга».
Избранная лирика. Библиотека Российской поэзии.
Санкт-Петербург, издательство «Маматов»,
2017. 430 с.

Николай Петрович Алешков – редактор толстого литературного журнала «Аргмак» (Татарстан), каждый выпуск которого я жду с интересом и читаю от корки до корки. Журнал ничем не уступает столетним, не замыкается в пределах региона, публикует достойных авторов со всей России. И замечательно, что человек, тонко чувствующий литературу, слово, сказанное другим писателем, сам пишет прекрасные стихи.

В 2017 году книга Николая Петровича Алешкова «Дальние луга» вышла в пре-

стижной серии «Библиотека российской поэзии» в Санкт-Петербурге. Это прекрасно оформленное издание, само название которого сразу настраивает на лирический лад.

Стихи предварены вдумчивыми и искренними предисловиями поэта Дианы Кан, кандидата философских наук Камиля Хайруллина, журналиста Мариам Лариной.

Что прежде всего привлекает в этих стихах самых разных людей? Открытость и искренность. Таким стихам сразу веришь, даже не словам, а самой интонации, глу-

бинной поэтической музыке. Это просто-та, самая трудная по своей сути: «Чем не исповедь — стихи? / Что ни строчка, то молитва...» — пишет Николай Алешков, и это в полной мере можно отнести к его стихам.

Сразу, с первых же страниц, человек виден как на ладони. Он себя не выделяет, не возносит, в нём нет гордости и тщеславия. Стихи его — исповедальный рассказ о себе, о своём поколении и времени. Приведу полностью «программное» стихотворение книги.

Над тесовую крышей
 Пели ветры в трубе.
 Сын Петра и Мариши,
 Я родился в избе.
 Ветры весело пели
 И качали звезду
 Над моей колыбелью
 В сорок пятом году.
 И салюта зарницы,
 Что зажглись над Москвой,
 Расцвели как жар-птицы
 Над моей головой.
 Чуть подрос — засверкали
 На груди сорванца
 Боевые медали
 С гимнастёрки отца.
 — Батя, вспомни!
 — Не надо...
 Был отец молодым.
 Из блокадного ада
 Возвратился седым.
 Всё, что в детстве случилось,
 Я запомню навек.
 В нашем классе училось
 Только семь человек.
 Подсекали мы ловко
 Пескарей на реке.
 Нас растила Орловка
 На парном молоке.
 Деревенские вдовы,
 Как пригоним коров,
 Скажут, потчуй вдоволь:
 — Будь, сыночек, здоров!
 Вытрут влажные веки
 Уголками платка.
 Не забуду вовеки
 Вкус того молока!
 Нас всем миром растили,
 Пересилив беду.
 Я родился в России,
 В сорок пятом году.

(«Год рождения»)

Почти прозаические строчки биографии вырастают до высокой поэзии. И это движение — от исповеди к поэзии и молитве — происходит в каждом стихотворении, поэтому книга «затягивает» и читается на одном дыхании.

Мне в этом сборнике близка тема детства, стихи о детстве. Они-то и есть начало, исток всей книги, те «дальние луга», эхо с которых откликается по всему поэтическому пространству книги. Именно они помогают лирическому герою Николаю Алешкову осмысливать свою жизнь, свой путь: «Детство за мной живое / Катится по судьбе...» Или: «В смерть не верю. Есть точка возврата. / В детство выбегу я из неё...»

Поэма «Дальние луга» завершает книгу — в ней постоянно ощущается присутствие автора, о чём бы он ни писал: о судьбе простого русского человека и о судьбе России, о любви или о детстве.

Когда в ворота ломится пурга,
 Когда на сердце тяжесть и усталость,
 Пусть мне приснятся дальние луга,
 В которых детство навсегда осталось.

Душа во сне открыта, как музей,
 В котором память — по воде кругами.
 Там голоса любимых и друзей
 Навек хранимы дальними лугами...

Там живы все. Там нет могильных плит.
 О, если бы в рассветный час проснуться,
 На берег детства Каму переплыть
 И в дальние луга навек вернуться!

Лирический герой обладает обострённым чувством родства — большая часть стихов связана с семьёй, а через семью — и с Родиной. «Прикоснётся к душе невольной / Вдруг Россия, как мама в детстве...» Редкое качество — ощущение связи и личной ответственности за родных и близких, за свою деревню, за всю страну.

...Черту смиренья не переступи,
 Живи в ладу с надеждою незримой!
 «Всё будет хорошо. Ты потерпи, —
 Скажи спокойно женщине любимой. —
 Земля прекрасна, наша жизнь на ней
 Устроена — счастливей не бывает...»

Неясная тревога всё сильнее,
 Всё явственней тебя одолевает...

Вот эти темы — детства, родины и любви — пожалуй, самые главные у Николая Алешкова. И простые строки о родине никогда не становятся банальными, ясные слова наполнены искренним звучанием: «От берёзки вихрастой / До седых облаков — / Здравствуй, родина, здравствуй, / Будь во веки веков!»

О родине, о маме,
 О жизни, о любви
 Стихи приходят сами —
 Зови иль не зови...

*Жгут сердце строки эти,
Они не могут тлеть,
И ты живёшь на свете,
Чтоб их запечатлеть.*

Импонируют в этих стихах ощущение необходимости собственного существования, напряжённый поиск смысла и свет, исходящий от стихов.

*Наверно, верил не случайно —
Там, за дождём, в туманной мгле
Когда-нибудь открою тайну,
Зачем я нужен на земле.*

При всех поисках, метаниях и сомнениях (стихотворение «Демон») в основном эти стихи светлые, стремящиеся к гармонии, пробуждающие человеческую душу. «Снова в самое лучшее верю. / Разбудите, грачи, поутру. / Открывается сердце апрелю, / Открывается сердце добру». Возникает гармония природы и мира человека — редкая вещь в современной поэзии.

*Трещина в асфальте,
Сквозь неё — трава.
Душу не печальте —
Всюду жизнь права.*

Автор книги умеет радоваться жизни, самым её мелочам (вот и у книги конкретное, предметное название), никогда не уходит в абстрактные размышления, в излишний пафос. И в этом смысле поэт

продолжает традицию классическую, традицию так называемой «тихой лирики».

*О, как я выговариваю трудно
Своих стихов негромкие слова!
Рождаются они на грани утра,
Как будто бы на грани волшебства.
Но грянет свет. Я замолчу, печален.
Я так хотел, наивный человек,
Чтобы стихи в природе зазвучали,
Как дерево, как облако, как снег...*

И сразу вспоминается классическое стихотворение Владимира Соколова:

*Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!*

*Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.*

Наверное, это самое главное желание поэта и цель поэзии — незаметное и необходимое родство с жизнью. И это свойство есть в стихах Николая Петровича Алешкова: у читателя, открывшего книгу, появляется ощущение простора тех самых «дальних лугов», ощущение естественности и мудрости жизни, и читатель вместе с автором может произнести: «...В мир доверчивый и безобманный / Дверь открою и тихо войду».

*Ольга Сократовна Чернышевская.
Фото 1850-х гг.*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 27 июня 2018 года.

Дата выхода в свет 30 июня 2018 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 42/2706/8.

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2018.

© «Волга–XXI век», 2018.

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Е. В. Ильин.
«Чернышевский на Волге
читает стихи Некрасова»

Л. А. Радищев. «Большая Сергиевская церковь в Саратове»

ИЛЛЮСТРАЦИИ К НОМЕРУ ПОДОБРАНЫ Е. Н. РИЗАЕВОЙ

Художник В. Г. Гайдук.
«Н. Г. Чернышевский на Волге»

